

ПИОНЕР 9

1982

Николай ШАМСУТДИНОВ

Новая школа

С синим небом, с тучкой вровень,
Золотая, как нигде,
Из янтарных звонких бревен
Школа
Выросла в тайге!

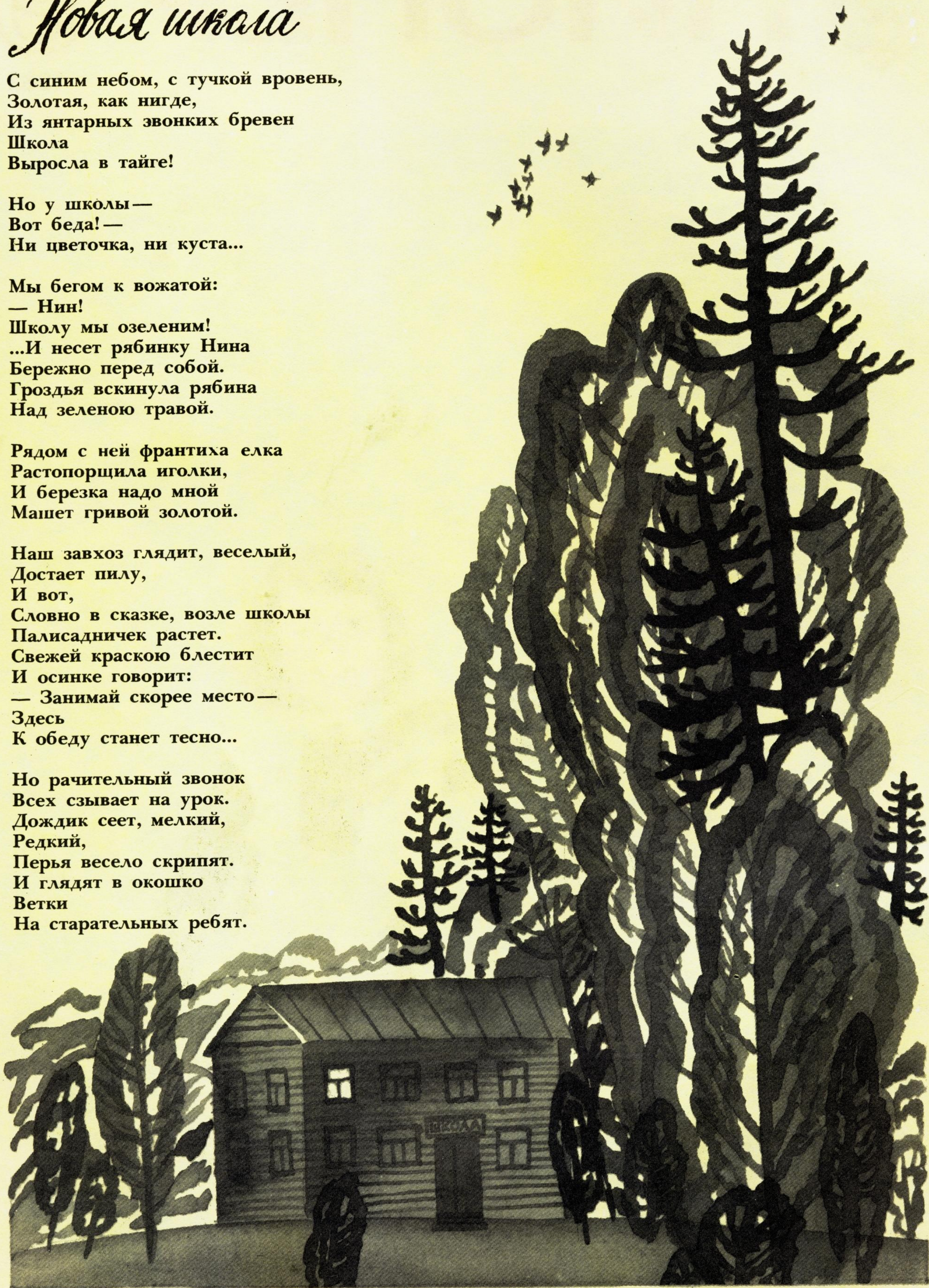
Но у школы —
Вот беда! —
Ни цветочка, ни куста...

Мы бегом к вожатой:
— Нин!
Школу мы озеленим!
...И несет рябинку Нина
Бережно перед собой.
Гроздь рябины
Над зеленою травой.

Рядом с ней франтиха елка
Растопорщила иголки,
И березка надо мной
Машет гривой золотой.

Наш завхоз глядит, веселый,
Достает пилу,
И вот,
Словно в сказке, возле школы
Палисадничек растет.
Свежей краскою блестит
И осинке говорит:
— Занимай скорее место —
Здесь
К обеду станет тесно...

Но рачительный звонок
Всех сзывает на урок.
Дождик сеет, мелкий,
Редкий,
Перья весело скрипят.
И глядят в окошко
Ветки
На старательных ребят.

ВЗРОСЛЫЙ ШАГ

Когда человек становится взрослым? Когда делает свой первый взрослый шаг? Трудно сказать одним словом — это бывает по-разному.

Помните в военное время мальчишек, которые становились к отцовским станкам, с трудом доставая до рукояток? Приходилось подставлять ящики под ноги, чтобы управляться с деталями, и все же эти худые мальчишки своими руками делали тогда взрослое дело — вытачивали детали для бомб и пулеметов, помогали отцам приближать победу...

Ну, а сейчас, в мирное время?

Послушай рассказ Вали СТРЕЛЕНКО, делегата XIX съезда ВЛКСМ, и ты увидишь, как твои старшие товарищи вместе со взрослыми отважно берутся за дело нелегкое, но столь же важное сейчас для страны, как тогда победа в бою, — берутся участвовать в подъеме животноводства, в выполнении Продовольственной программы.

— Я сибирячка, — рассказывает Валя, — родилась и выросла в Омской области. Рядом с нами — знаменитая и бескрайняя Тюменская область. Наша область поменьше и пока не такая знаменитая, но я верю, что слава у нас впереди! Вот стану геологом и открою у нас такие же месторождения, как в Тюмени! Уверена, что так и будет.

Но пока это только мечты о будущем, а сейчас, сегодня у меня и моих товарищей задача другая — помочь надо своему совхозу, селу, где мы выросли...

Наш совхоз «Семяновский» в основном животноводческий. Большая молочная ферма, большое стадо — 1000 коров. И замечательные доярки! Есть среди них такие знаменитые, как Нина Петровна Мирошниченко, делегат XXVI съезда КПСС. Если в среднем доярка надаивает от одной коровы 2600 литров, то наша Нина Петровна не сдает меньше 3000—3200 литров! На ферме у них тепло, чисто, все доярки живут дружной семьей, ухаживают за животными как-то по-особому, заботливо, и у них телята всегда здоровы.

А смены этим женщинам — таким скромным, самоотверженным — нет. Нет около них никого, кто бы перенимал опыт, готовился занять их место через год-два. Молодежь у нас все как-то мимо фермы свои дорожки прокладывает. Все хотят учиться, работать в городе — это понятно, и врачи, и учителя тоже нужны. Ну, а здесь-то кто же сейчас поможет? И мы решили, что, кроме нас, выросших на этой земле, помощи ей ждать неоткуда...

Для нас и Нина Петровна как родная, все мы ее с детства любим и знаем, и фермы на наших глазах строились и хорошели, и потери скота

становились меньше и меньше. Как мы радовались этому вместе со взрослыми — разве можно бросить свое, родное?

Этим летом мы окончили школу. И всем классом решили не расставаться — все вместе остаемся в совхозе. Сейчас это наше главное дело, наш долг перед родной землей, перед теми, кто всю жизнь отдал работе на ферме.

Нашу идею подхватили в районе, потом в области, и на съезд комсомола я поехала командиром областного отряда молодых животноводов.

Мы первые у себя в области. Нам и почет, и ответственность. Сейчас к нам в отряд рвутся многие ребята — выпускники прошлых лет, завидуют, что в их время не было таких отрядов. А подшефные пионеры не дождутся, когда придут нам на смену.

Я верю, что наш отряд будет хорошо работать, что никто не изменит своему решению. Недаром в областной отряд вошли в полном

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

составе только самые дружные, самые крепкие классы.

Я часто думаю, как много дала нам школа! Мы набирались знаний, становились взрослее, учились ценить дружбу, товарищей, радовать-

ся общей работе. И учеба, и спорт, и комсомол — все это сдружило нас так крепко, что, когда пришло время, мы смогли все вместе сделать свой первый взрослый шаг в жизни. Спасибо, школа!

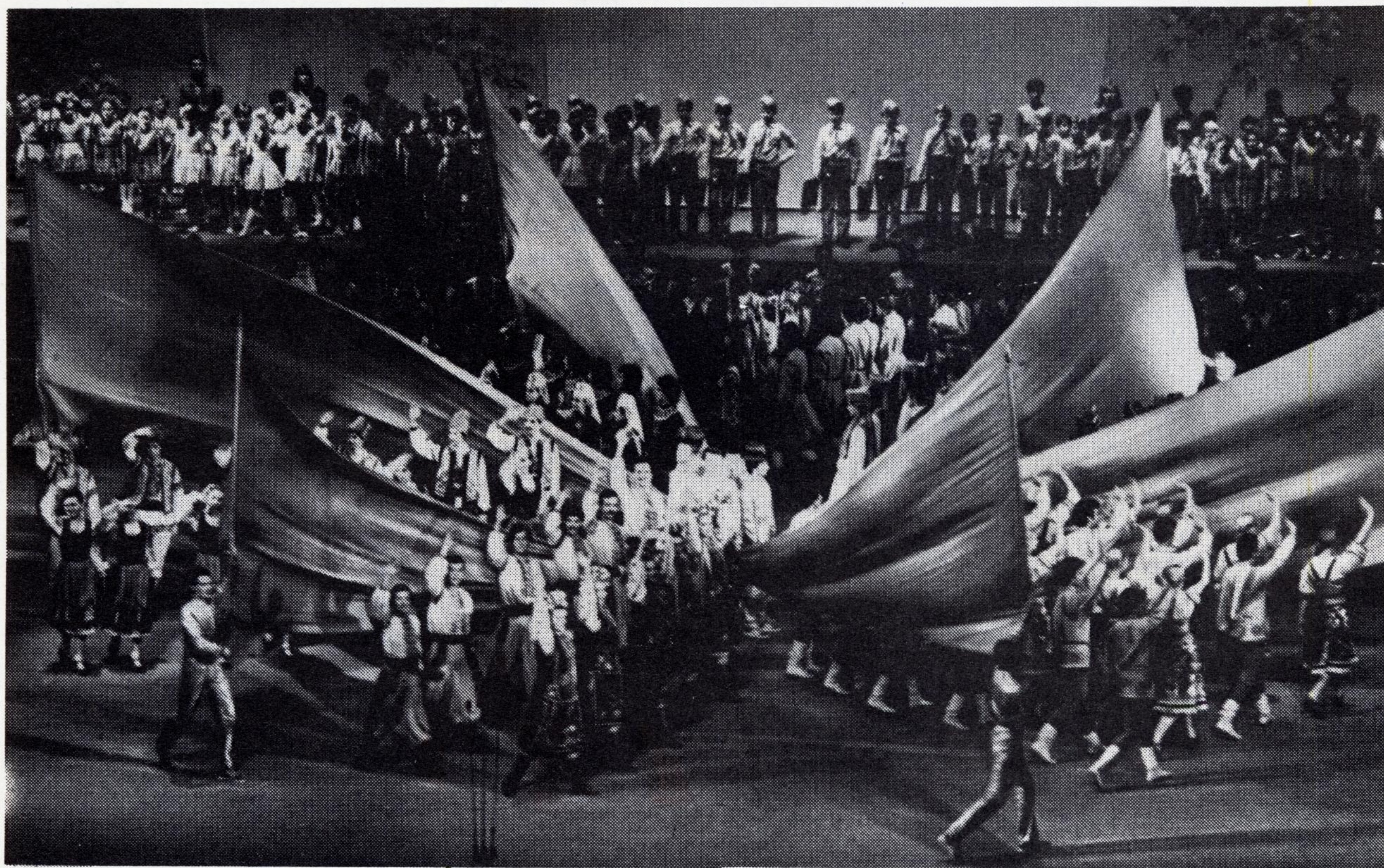
Что такое комсомольский съезд?

Это торжественные шаги знаменосцев под гулкими сводами Кремлевского Дворца съездов.

Это взволнованные, горячие голоса делегатов, приехавших в Москву со всех концов страны.

Это радость встреч с верными друзьями.

Это работа и праздник, это чувство великого общего дела и общей гордости за свою страну, за свой Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Фотографии В. КРУПСКОГО.

С. МАРШАК

НАШ ГЕРБ

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный —
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв свое,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копьё.

Где львов от века не бывало,
С гербов свирепо смотрят львы
Или орлы, которым мало
Одной орлиной головы!

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережем просторный дом,
Где место есть под небосводом
Всему, живущему трудом.

Не будет недругом расколот
Союз народа никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

И. ОКУНЕВ

НЕРАЗДЕЛИМЫ СЕРП И МОЛОТ!

Есть у Самуила Яковлевича Маршака стихотворение, которое включается почти во все сборники поэта. Называется оно «Наш герб». Впервые было опубликовано в газете «Комсомольская правда» — к тридцатилетию Великого Октября. История создания этого стихотворения интересна. Мудрая мысль Ленина о том, что герб Страны Советов должен принципиально отличаться от всех существовавших доньше, была поэтически воплощена Самуилом Яковлевичем. Сегодня, когда наш Союз нерушимый республик свободных отмечает шестидесятый год своего рождения, стихотворение звучит с особой силой. О том, как оно родилось, я услышал от автора.

В конце сороковых — пятидесятих годов я работал в издательстве «Детская литература». В то время не раз бывал у Самуила Яковлевича в его квартире на улице Чкалова, возле Курского вокзала. Нередко я засиживался в набитом книгами кабинете поэта, и в эти часы мы беседовали на самые различные темы. Однажды, в канун тридцать третьей годовщины Великого Октября, я попросил Маршака написать в стенгазету издательства несколько приветственных слов для юных читателей.

На массивном письменном столе Самуила Яковлевича, неизменно заваленном рукописями и книгами, всегда лежала стопка бумажных листков-карточек для заметок. Улыбнувшись, Маршак взял такой листок и тотчас написал на нем один из тех экспромтов, мастером которых он был. Стихотворение называлось «Нашим читателям». Его оригинал я бережно храню все эти годы:

Год встречая тридцать третий,
Пожелать хочу вам, дети,
И веселого труда,
И здорового веселья,
Чтобы скуки и безделья
Вы не знали никогда!

— Писать стихи к нашим праздникам мне доводилось не раз, — сказал Самуил Яковлевич своим хрипловатым голосом, протягивая мне листок. — Лучшим из них я считаю стихотворение «Наш герб». Оно было написано по просьбе редакции «Комсомольской правды». Но если бы я даже и не получил такой заказ, все равно написал бы его. Толчком для меня послужила небольшая заметка, которую я прочитал, перелистывая однажды комплект газеты «Известия» за 1918 год. В ней говорилось о публичном сожжении эмблем царского строя.

Москвичи действительно стали очевидцами удивительного, необычайного зрелища. На косяках пылал двуглавый орел с царскими коронами — символ многовекового угнетения и бесправия.

— Я подумал тогда, как много общего у этого свирепого герба с эмблемами других государств, где у власти стоят богатеи. В юные годы я попал в Англию, и, право же, ощеренный британский лев не показался мне тогда более добродушным, чем царский двуглавый стервятник.

В тот вечер я услышал от Самуила Яковлевича много любопытного. Оказалось, работая над стихотворением, Маршак изучал специальную литературу по геральдике. Он узнал, что двуглавый орел появился в гербе царской России в XV веке. Великий князь Московский Иван III, женившись на византийской царевне Софье Палеолог, стал считать себя прямым наследником Византии и заимствовал ее государственную эмблему — орла. Большим или маленьким было эксплуататорское государство, но место для прожорливого хищника находилось всегда. Взять, например, Люксембург. Переводится это название как «маленькая крепость». Тем не менее на большом гербе мини-бастиона уместилось сразу три льва. Норвегию символизирует лев с топором, Мальту — драконы. Своеобразной копией царского орла выглядит герб США. На нем тоже орел, и в одной из его лап зажаты смертоносные стрелы.

— Так что написать стихотворение о нашем гербе, который по самой своей сути отличается от эмблем капиталистических государств, мне захотелось не случайно. Заказ «Комсомольской правды» был тем ударом кресала о кремень, который высек искру.

Ныне, вспоминая знакомые строки: «Различным образом державы свои украсили гербы...», я думаю о том, что герб нашего советского Отечества сопровождает каждого из нас на всем жизненном пути. Он и на свидетельстве о рождении, и на паспорте, и на аттестате зрелости, и на вузовском дипломе.

Герб Союза Советских Социалистических Республик доставлен нашими космическими кораблями на Луну и Венеру, как первая весточка Вселенной о том, что на Земле создано социалистическое государство рабочих и крестьян, где равны все народы.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ЖУРАВЛЕНОК И МОЛНИИ

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРУШЕНИЕ

Сентябрьские дни

Первая неделя сентября выдалась дождливая и ветреная. Словно осень хотела напомнить школьникам: побегали, побездельничали—и хватит. Но скоро природа смиростивилась и вернула лето. Теперь оно называлось «бабье лето». Пришли ясные тихие дни—с неподвижными листьями, присыпанными золотистой пылью, со стеклянными паутинками в прозрачном воздухе.

Вера Вячеславовна раздумала заклеивать на зиму окна и каждый день распахивала настежь створки. В теплом воздухе был запах увядающих деревьев, натертого шинами асфальта, политых из шланга цветочных гряд. Ласковое это тепло было непрочным, но все-таки еще летним. По-летнему галдели воробьи, по-летнему шумела малышня на площадке недалеко от детского сада, и Журавленок прибежал—тоже летний, веселый, загорелый, такой же, как в первый день, когда появился у Брандуковых. Все в той же рубашке с черной ленточкой над карманом.

Надевать эту рубашку просил Игорь Дмитриевич. Он писал с Журки и с Иринки портрет. Вернее, картину. Называлась она «Качели». Но это пока. Может быть, потом у нее будет название «Друзья» или просто «Лето». Не в этом дело. Дело в том, что картина получалась. Вера Вячеславовна видела, что, когда Игорь берется за эту работу, он забывает обо всем, кроме радости. Забывает о ссоре с начальством в отделении Союза художников, о персональной выставке, которую то назначают, то опять откладывают, о шумном приятеле Иннокентии Заволжском, который мнит себя знаменитостью, а думает больше о веселых компаниях и ресторане.

Впрочем, Иннокентию что? Он давно уже член Союза художников, у него своя мастерская, три полотна в местной галерее, выставки чуть не каждый год... А Игорю—работать и работать.

И он работал. С такой ясностью в душе, с такой хорошей улыбкой, с какой до этого писал, пожалуй, только «Путь в неведомое». Еще в начале августа он сделал первые этюды: пошел как-то с Иринкой и Журкой прогуляться в соседний сквер, увидел, как они забрались на качели, и вдруг воскликнул: «Братцы, не уходите отсюда! Я сейчас!» И помчался за этюдником...

В августе он работал прямо в сквере, уговаривал

Иринку и Журку позировать ему хотя бы полчаса в день. И они соглашались. Правда, потом Иринка призналась, что Журка очень стеснялся любопытных зрителей, да и она тоже.

А сейчас Игорь писал в своей комнате—в те дневные часы, когда сентябрьское солнце врывается в распахнутое окно. В комнате соорудили перекладину, подвесили самодельные качели—доску на толстых веревках. Иринка садилась на нее, Журка вскакивал, Игорь торопливо брался за кисть. И было хорошо—никаких зрителей, кроме Веры Вячеславовны. Но Вера Вячеславовна видела, что ее не стесняются нисколько...

Холст был высотой больше метра, шириной сантиметров семьдесят. На нем среди солнечной зелени, за которой виднелись крыши и антенны, спокойно висели качели. Иринка в белом платье с синими горошинами сидела, свесив с доски ноги, улыбалась и смотрела вверх—на Журку. Журка стоял, ухватившись за веревку, тянулся вверх и показывал куда-то в небо: то ли на веселых птиц, то ли на самолет. Но смотрел не в высоту, а на Иринку, словно спрашивал: «Видишь? Здорово, да?» В золотистом свете, тоненький, легкий, на прямых напружиненных ногах, он сам был, как лучик, отраженный осколком зеркала с земли в небо.

И в Иринке и в Журке была беззаботность и в то же время какая-то незащитность. И, глядя на картину, Вера Вячеславовна каждый раз со щемящей нежностью и тревогой вспоминала голубую жилку, которую, кажется, можно перебить даже травинкой...

На первый взгляд картина была готова. Но Игорь продолжал работать, трогая бликами листья, солнечными точками—ребячьи волосы, зеленым сумраком—тени в кустах. Тонко выписал сухой стебелек, застрявший под погончиком Журкиной рубашки, и крылатое семечко клена, упавшее Иринке на платье.

Один раз Вера Вячеславовна робко намекнула, что, может быть, стоит уже оставить картину. А то можно «зализать» и «пересушить». Однако Игорь нетерпеливо мотнул головой и с осторожной ласковостью спросил у Журки:

— Завтра заглянешь, Журавлик? А то скоро солнце будет уже не то...

Вера Вячеславовна думала, что Игорю просто жаль расставаться с этой работой. Но, может быть, он был и прав, когда говорил, что картина не

закончена. Художнику виднее. Никому из посторонних Игорь полотно не показывал, даже Иннокентия решительно прогнал с порога своей комнаты.

— Ну-ну, значит, шедевр создаешь,—обиженно басил тот.—Хочешь поразить ценителей очередным взлетом... Верю и одобряю. А только отдых тоже необходим для творческой личности. Зашел бы ко мне, посмотрел бы мои работы, я не таюсь. Обсудили бы кое-что, посидели...

— Иди, иди, Кеша,—шепотом сказала Вера Вячеславовна, потому что с улицы на третий этаж донеслось знакомое щелканье кроссовок по асфальту: это опять мчался к Брандуковым Журка.

Вера Вячеславовна видела, что ни Журку, ни Иринку не утомляют эти «сеансы живописи». Игорь не заставлял ребят замирать в нужных позах, не ворчал, когда они баловались и раскачивали доску. Он работал быстро, легко схватывая мгновенные движения света и красок.

У Веры Вячеславовны был отпуск. Радуюсь, что он выпал на эти славные дни, она садилась в углу мастерской, смотрела, как работает муж, и слушала, о чем болтают ребята. А иногда сама расспрашивала о школьных делах. Спросила однажды, нравится ли Журке школа.

— Да ничего, нравится,—отозвался Журка, покачивая доску.—Такая же, как у нас в Картинске.—Он вдруг засмеялся:—Так же дежурные голоса у дверей: «Где сменная обувь?» И так же столовой пахнет на первом этаже. Будто и не уезжал со старого места.

— По-моему, у вас очень славная классная руководительница,—осторожно заметила Вера Вячеславовна.

— Всякая,—со вздохом проговорила Иринка.

Журка сказал:

— Иногда покрикивает, а так ничего... Зато знаете, что хорошо? Что мы в одном классе. Иринка, я да еще ребята с нашего двора: Саня Лавенков, Митька Бурин, Горька Валохин... Тот, что заходил недавно.

Вера Вячеславовна кивнула. Она помнила мальчика, у которого были коричневые с медным отливом волосы и непонятный взгляд из-под этих волос: настороженный и немного виноватый. Мальчик побыл недолго, обедать отказался и ушел, объяснив, что дома «куча дел». На пороге он обернулся и спросил у Журки:

— Я вечером зайду к тебе, ладно?

— Конечно!—откликнулся Журка.

И тогда мальчик улыбнулся. Улыбка была не похожа на его взгляд—короткая, но доверчивая.

— Вы что, по вечерам вместе уроки делаете?—чуть-чуть ревниво спросила Иринка, когда мальчик ушел. Журка сказал беззаботно:

— Нет, я их еще днем успеваю сделать. Задают, сама знаешь, всего ничего...

Задавали, и правда, пока немного. Журка делал уроки буквально за полчаса, а вечером зарывался в дедушкины книги. Одни из них были интересные, и Журка читал их подряд. Некоторые казались скучноватыми, но Журка все равно перелистывал их: разглядывал старинные пометки на полях, иллюстрации, виньетки, читал отдельные страницы. И знал, что когда-нибудь и эти книги прочитает всерьез. А пока они радовали его даже непрочитанные. Они были как загадочные гости из далеких времен. В каждой из них таилась беспокойная и громадная жизнь. Даже в таких непонятных, как, например, «Сочинение об описи морских берегов,

Г. Мекензия». «Сочинение» было издано при Морском кадетском корпусе в 1836 году. Книга эта, наверно, побывала в экспедициях на парусных фрегатах, которые искали незнакомые берега. А может быть, ее читали знаменитые адмиралы—Нахимов, Невельской, Беллинсгаузен, Литке?

Журка открывал наугад страницы, и там среди сухих наставлений и схем попадались слова, которые пахнут джунглями и соленым прибоем:

«Если и не принять в уважение недостаток самого барометра... то при всем том способ измерения при помощи сего инструмента не может удобно употреблен быть в таковых путешествиях, поелику в неизвестных, мало населенных и большей частью еще диких странах едва только можно найти тропинку на ровном месте, а тем паче еще обрести через утесы и леса дорогу на вершину никогда не посещенной горы...»

Листаешь желтую шероховатую бумагу и будто сам идешь на валкой шлюпке у полосы прибоя, и пена летит через борт, хлещет по высоким ботфортам, и соленые капельки оседают на выпуклом стекле медной подзорной трубы. А за бурунами—берег незнакомой страны с непроглядной чащей дикого леса. Что там, в этой чаще? Развалины древних городов? Неизвестные звери и птицы? Отравленные стрелы осторожного африканского племени?..

О мальчишке из такого племени Журка читал несколько вечеров подряд. Книга была небольшого размера, но пухлая. В потрескавшихся кожаных корках. Рядом с титульным листом—портрет молодого негра в камзоле. Негр был похож на арапа Петра Первого—Ганнибала (Журка видел его портрет в журнале со статьей про Пушкина). Название книги было таким длинным, что заняло целый лист: «Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы Африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; Содержащая Историю его воспитания между Африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпленные им в Вест-Индийских Планациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях света...» И так далее. Журка даже не дочитал название до конца, потому что какой смысл? В нем пересказывается все содержание. Лучше уж читать саму книжку.

История Олаудаха Экиано оказалась интересной, читалась легко, потому что старинные буквы были большими, как в букваре, а ко всяким «ятям», «фитам» и твердым знакам чуть не в каждом слове Журка привык и не обращал на них внимания...

Мальчишку из дикого племени похитили и продали в рабство другому, более сильному африканскому народу, а потом европейцам. Много пришлось вынести ему горя. Капитан, которого Олаудах считал своим другом и покровителем, предал его: снова продал в рабство—в самое страшное, американским плантаторам.

Всякие беды испытал Олаудах Экиано, прозванный европейцами Густавом Вазой. Побывал в плаваньях и морских битвах, хлебнул всяких приключений, прежде чем добился свободы. Да и что это была за свобода! Несколько раз его снова пытались превратить в раба—потому что черный. Морское дело он знал не хуже капитанов, но сделаться капитаном так и не смог, стал цирюльником. Но это было не главное его занятие. Главное—он старался помочь рабам. Правда, он не призывал к восстанию, он верил, что его поймет и спасет невольников английская королева и «добрые» английские лорды. Но что делать, это был восемнадцатый век. Сейчас-то любому пятикласснику ясно, что глупо

Конец у книжки был невеселый. Негры, которым Олаудах помог вернуться на корабле в Африку, погибли от голода и дождей на пустынных берегах Сьерра-Леоне. Тогда Олаудах написал королеве письмо с просьбой обратить милостивый взор на страдания невольников. Смешной надеждой на эту милость и заканчивалась книга. Но не это в ней было основное. Главное — приключения Олаудаха и как он добивался свободы, чтобы помочь другим неграм. И еще — ненависть к рабству, которая так и рвалась из старинных и вроде бы медлительных фраз...

стране, а про границу пускай печатают, все равно никто не поймет? Ну и дура, значит, она была. Рабы везде рабы, а свобода везде свобода...

— Совсем ты в этих старых книгах утонул. Почитал бы что-нибудь другое...

— Угу,— покладисто отозвался Журка. Но по-прежнему сидел каждый вечер с дедушкиными книгами.

Зато «другие» книги охотно читали Журкины приятели. Еще в самом начале знакомства Егор сказал Журке:

— Твой дед нам всегда книжки давал, мы к нему будто в библиотеку ходили. А сейчас как?

— И сейчас так же,— твердо ответил Журка. А дома передал этот разговор маме и папе. Мама сказала, что, конечно, пусть ребята приходят, надо только завести тетрадку и записывать, кто какие книги взял, чтобы не было путаницы. Папа хмыкнул и заметил, что теперь «прощай книжечки». Но возражать не стал.

К тому же в начале сентября папа уехал. Только успел поступить на работу, и его сразу послали в колхоз на уборку урожая.

Ребята на тетрадку не обиделись. Сказали, что Юрий Григорьевич тоже записывал читателей, только не в тетради, а прямо на обоях (теперь этих записей не было, недавно стены оклеили заново).

Чаще всех приходил Егор Гладков. Он не то, что другие — читал не только Дюма и Стивенсона. Он брал стихи Блока и Маяковского, романы Алексея Толстого и Шолохова. И вообще Егор был взрослее, чем показался Журке при первом знакомстве. Учился он уже в восьмом классе.

Над осторожной Горькиной дружбой с Журкой Егор больше не посмеивался. Видно, понял, что не его это дело.

Горька приходил обычно по вечерам. Иногда через дверь, иногда через окно (застегнув широкий страховочный пояс). Он был не очень разговорчив и почти не мешал Журке возиться с книгами. Тоже брал какую-нибудь книжку — обычно с картинками — и листал в уголке, изредка поглядывая из-под волос на Журку.

В такие вечера было спокойно и тихо. Шелестели страницы да в соседней комнате уютно стучала пишущая машинка. Мама недавно стала работать в машбюро областной редакции и кое-какие материалы брала для перепечатки домой...

Один раз Горька попросился переночевать. Сказал, что отец на работе, а к маме приехала сестра из деревни, и они полночи будут вести разговоры о родственниках, спать не дадут. Горьке поставили раскладушку рядом с Журкиной тахтой. Горька вытянулся под одеялом, помолчал, закрыв глаза, и вдруг проговорил с усмешкой:

— Как в старые времена.

— В какие? — не понял Журка.

— Как при Юрии Григорьевиче... Только он всегда садился на подоконник и курил. У самой форточки, чтобы дым в нее шел.

Журке показалось, что в Горькиных словах есть какой-то глубоко спрятанный упрек, и он сказал со сдержанной досадой:

— Ну, уж тут я ничем помочь не могу. Сам знаешь, курить не научился.

— И не надо. Ты и без этого хорош, — ответил Горька так серьезно, что Журка смутился. Потянул с полки второй том «Путешествия на шлюпе «Камчатка» капитана Головина (Санкт-Петербург, при Морской типографии, 1819 год) и сердито раскрыл наугад.

А Горьке на этот раз, кажется, хотелось поговорить. Он спросил:

— Ты к политинформации подготовился?

— А чего к ней готовиться? — откликнулся Журка. — Газеты посмотрел. Все равно ничего нового. В Африке воюют, в Южной Америке воюют, в Италии вокзалы взрывают, в Ирландии по демонстрациям стреляют. Израиль опять лезет на всех и бомбит... Даже тошно. Телевизор смотришь — там тоже: бах, бах! Иногда думаешь: взрослые люди, а чем занимаются. Будто на земле другого дела нет, как друг друга стрелять и резать.

— Люди всегда воевали. Еще с древних времен, — сказал Горька наставительно.

— Ну, вот именно. И до сих пор не поуменьли... Когда один человек умирает, и то сколько горя. А тут сразу — трах, трах! — целые тысячи. Или даже миллионы...

— А если война справедливая! Если на тебя нападают!

— Вот я и говорю про тех, кто нападает. Чего им

надо? Психи какие-то... Если «Синие молнии» и «Тигры» воюют, это ладно, потому что понарошку. Для интереса... Да и то, когда тебя расстреливать повели, ты вон как заметался. А если по правде?

— Чего ты такие разговоры сегодня завел? — недовольно сказал Горька.

— А ты сам спросил про политинформацию... Тебе хорошо, готовиться не надо. А я уже третий раз. И зачем только Маргарита меня политинформатором назначила...

— Потому что рассказываешь интересно.

— А я больше не буду интересно... Надо по очереди, а она все на меня. Пионерское поручение! Если по правилам, то классный руководитель не имеет права пионерские поручения давать, он ведь не вожатый. Нам это еще в третьем классе объясняли.

Горька сказал с коротким зевком:

— С Маргаритой мы еще хлебнем.

— Ну уж, хлебнем, — заступился Журка. — Обыкновенная. Как все учителя... Вот Виктор Борисович — тот в самом деле вредный. Как заорет...

Журка даже поежился, вспомнив завуча Виктора Борисовича — сухого, с аккуратным пробором и маленьким ртом, съезженным, как высохшая розочка.

— Витенька — просто псих, — сказал Горька. — Маргарита хуже.

— Почему?

— Сам увидишь.

— Ты на нее злишься, что не дала нам на одну парту сесть, — проницательно заметил Журка.

— Ну и злюсь... Ты-то, конечно, не злишься. Тебе с Ирккой — в самый раз.

— Я же не виноват, что у Маргариты такое правило: мальчик с девочкой, — недовольно сказал Журка.

— Дурацкое правило. Как в первом классе... Да еще в каждом кабинете проверяет: все ли на своих местах... Да ладно, мне и с Людкой Синявиной неплохо. Не ябедничает, если подеремся, и списывать дает... А Ирка тебе не надоедает?

— Как это? — удивился Журка.

— Ну как... Полдня за одной партой, да потом ты еще дома у нее торчишь...

— Я не торчу, а делом занят, — хмуро сказал Журка. — Ты же видел, ее папа картину пишет.

— Да уж видел, — вздохнул Горька. — Когда кончит, на выставку пошлет. Небось, премию получит. Кучу денег...

— Балда ты, — огрызнулся Журка. — Он о деньгах и не думает. Если хочешь знать, ему за «Путь в неведомое» восемьсот рублей предлагали. А он все равно не продал, хотя дома ни рубля денег не было. Мне Иринка рассказывала...

— Он что, святой такой? Или решил, что мало дали?

Журка оторвался от «Путешествия на «Камчатке», вздохнул и медленно спросил:

— Слушай, ну почему ты про всех всегда говоришь плохое?

Горька помолчал, будто испугался. Потом сказал, то ли дурачась, то ли по правде:

— Да вот так уж... Наверно, потому что про меня никто хорошее не говорит.

«А может, в самом деле?» — растерянно подумал Журка. И пожалел Горьку. И решил сказать ему что-нибудь хорошее. Но Горька продолжал говорить сам:

— А картина мне здорово понравилась. Вы там на ней такие...

— Какие?

— Ну... в общем, видно, как вам хорошо друг с другом...

Журка усмехнулся:

— Ты еще подразнись: «Жених и невеста».

— Что я, совсем спятил?— сказал Горька и натянул до носа одеяло.

«Обиделся»,— с тревогой подумал Журка.

Но Горька не обиделся. Он не мог обижаться на Журку. Он был привязан к Журке гораздо сильнее, чем это можно было заметить со стороны. Своей привязанности он стеснялся не только перед другими, но даже перед собой. Конечно, разве он был достоин Журкиной дружбы? Журка был умнее, храбрее, честнее. Горька завидовал той смелой ясности, с какой Журка смотрел на людей. Ему, Горьке, никогда не сделаться таким. Хорошо хотя бы то, что Журка не отталкивает его...

Недавно в старом «Огоньке» Горька наткнулся на цветной портрет мальчишки и вздрогнул. Потом прочитал: «Художник Тропинин. Портрет сына». В сыне художника не было явного сходства с Журкой, но в повороте головы, во взгляде Горька почувствовал что-то очень знакомое. Он вырезал портрет и приколот кнопками в своем уголке над расписанием уроков.

Повесить Журкину фотографию он не решился бы. А так что?— просто картинка.

...Горька откинул одеяло, прошлепал к Журке и сел на краешек тахты.

— Что читаешь?

Журка молча показал титульный лист.

— Интересно?— спросил Горька.

— Ага...

— А почитай вслух.

— Я не по порядку, просто листаю. Тут всякие штурманские наблюдения...

— Ну все равно.

Горьке в самом деле было все равно. Просто хорошо, если они будут сидеть вместе, и Журка для него, для Горьки, станет читать свою мудреную книгу. Хоть про что...

— Давай,— охотно сказал Журка.

Они устроились рядышком, привалились к спинке тахты, укрылись одним одеялом, и Журка перевернул страницу.

— ...«Двадцать второго числа в полдень по наблюдениям место наше было в широте четыре градуса двадцать шесть минут сорок восемь секунд, в долготе сто пятьдесят градусов ноль-ноль минут восемнадцать секунд; тогда до захождения Солнца дул ровный ветер, а потом стал затихать, и по горизонту сделалось очень облачно; к северу мы видели один раз блеснувшую молнию, а в одиннадцатом часу ночи показался весьма необыкновенный метеор; я сам наверху тогда не был, но вахтенные офицеры сделали ему следующее описание: «В половине одиннадцатого часа к норд-норд-осту заметили большой светлый шар, опускающийся к горизонту, который был виден секунд пять, потом исчез, разлив свет по всему небу в северо-восточной стороне...»

— Интересно, что это было?— задумчиво сказал Горька.— Они пишут, что метеор, но такие метеоры не бывают—большой светлый шар...

— Они тогда еще не слышали про НЛО, про неопознанные летающие объекты,—отозвался Журка.

— А правда, вдруг это что-то... такое? Вдруг космический корабль?

— А почему не сел?

— Поглядели, наверно, в телескопы, увидели, что

люди не доросли до ихнего разума, и полетели мимо...

— В прошлом-то веке как раз ничего,—сказал Журка.—Тогда войны были не очень сильные, из космоса незаметные. А если сейчас прилетят, сразу скажут: «Во, ненормальные, собственную цивилизацию гробят. Айда, ребята, отсюда...»

Мама перестала стучать на машинке и приоткрыла дверь.

— Молодые люди, вам известно, сколько времени? А завтра у вас в восемь утра политинформация.

— Есть, товарищ капитан. Отбой,—сказал Журка.

Но минут пятнадцать они с Горькой еще шептались в темноте о тайнах Вселенной и космических пришельцах. А в развилке тополя за окном светилась какая-то яркая планета, наверно, Юпитер.

Встреча

Школа стояла в Крутом переулке между улицами Парковой и Мира. До Иркиного дома и до Журкиного от школы было три с половиной квартала. Только Иринке в одну сторону, а Журке—в другую.

В школу Журка шел с Горькой, с Митькой Буриным и братьями Лавенковыми. Иринка—со Светой Гарановой и Димой Телегиным. А из школы Иринка и Журка выходили вместе. Шли по Крутому переулку до троллейбусной остановки. Была у Иринки причуда: из школы домой добираться только на троллейбусе. Тут и пешком-то пять минут, но Иринка говорила с капризной ноткой:

— Я так с первого класса привыкла. Трудно тебе что ли проводить?

Журке было нетрудно. К тому же он знал, что у человека могут быть всякие свои привычки и приметы. Например, сам он, шагая по асфальту, старался не наступать на трещины. А если встречался на улице очень большой пес, надо было тихонько свистнуть и посмотреть на него через колечко, сложенное из пальцев. Чтобы не было какой-нибудь неприятности. Конечно, Журка понимал, что все это ерунда. Но, может быть, не совсем ерунда. Может быть, это осталось в крови от далеких предков, которые ходили в шкурах по скалам и ледникам и старались приручить диких животных. Тогда каждая трещинка могла оказаться опасной, а зверя нужно было заранее остановить взглядом. И почему теперь не вспомнить старый обычай, если это нужно для спокойствия души?

Может быть, и у Иринки есть какая-то примета, и троллейбус ей необходим для хорошего настроения...

Никакой приметы насчет троллейбуса у Иринки не было. Просто ей нравилось идти с Журкой. Хотя бы до остановки. В троллейбусе Иринка прилипала носом к заднему стеклу и смотрела, как Журка машет ей портфелем, а потом убегает, прыгая через черные трещины на желтом от солнца асфальте.

Она знала, что Журка сейчас прибежит домой, кинет в угол портфель, торопливо переоденется, проглотит оставленный мамой обед, покормит Федота и тут же опять помчится к ней, к Иринке. Потому что папа хочет закончить картину, пока сентябрь дарит последние летние деньки.

Через дверь Журка выходить не станет, а вылетит из квартиры через окно—на веревке с поясом. Мамы у него дома нет, и никто не будет вздыхать и говорить о глупом риске. Журка перелетит на

тополь, съедет по стволу на землю, за несколько минут промчится из конца в конец Парковой улицы — и вот он. Стоит в дверях, весело морщит переносицу.

— Здравствуйте! Быстро я, да?

— Ну, молодчина! — обрадуется папа. — Давайте начнем. Я тут и без вас кое-что сделал, а теперь — вместе...

Вместе — это хорошо. Казалось бы, что интересного сидеть целый час на подвешенной доске? А на самом деле — весело. Потому что сидишь и о чем угодно разговариваешь. Разные истории рассказываешь. Папа — о том, как смотрел в детстве трофейные фильмы про пиратов и дикаря Тарзана. Иринка — про то, как брат Виктор учил ее стрелять из лука и возил на велосипеде в лес (и как они там один раз надолго заблудились). Журка — про «витязей», про то, как в раннем детстве сочинял стихи и как был канатоходцем в цирке, который ребята устроили у них во дворе, в Картинске (два дня голова гудела, думали, что сотрясение). Он так весело всегда рассказывал! Переносицу сморщит и сам над собой посмеивается...

Но, если даже все молчали, все равно было хорошо. Просто потому, что тут Журка... Иногда, застеснявшись таких мыслей, Иринка говорила капризно:

— Папа, ты нас совсем замучил! Эта доска мне уже в кошмарах снится.

— Ришка, не кокетничай, — добродушно отзывался папа.

Она вскакивала.

— Кто кокетничает? Не могу я больше. Все!

— Ну, началось. Характер показываем, — спокойно говорил папа. — Журка, ты устал?

— Ни чуточки. И она тоже... Просто у нее сегодня «пфыкательное» настроение.

— Какое, какое?! — взвизывалась Иринка.

А папа говорил с удовольствием:

— «Пфыкательное»! Прекрасный термин.

Иринка пфыкала и садилась на доску, надув губы. А Журка смеялся. Тогда она тоже начинала смеяться, но сперва говорила Журке:

— Двое на одну! Эх ты, а еще витязь...

В субботу, когда шли к остановке, Журка вдруг замолчал на полуслове. Остановился. Иринка даже испугалась: он с непонятным лицом смотрел куда-то в сторону. Потом бросил у ее ног свой портфель и закричал:

— Лидия Сергеевна!

И побежал за женщиной, которая сошла с троллейбуса.

Та обернулась.

А Журка мчался к ней, раскинув руки, будто хотел обнять с разбега. Так бегут к маме, которая вернулась домой из долгой поездки. Правда, он все же не стал обнимать, в последний момент затормозил, остановился перед женщиной, сказал с радостным придыханием:

— Лидия Сергеевна... Правда, вы...

Она обрадовалась так же сильно:

— Журавин! Юрик!.. Надо же! Откуда ты здесь, Журавлик?

— Я переехал... недавно... А вы?

— А я еще в прошлом году. Сразу, как с вами попрощалась. Мужа перевели, вот и я... Теперь я опять студентка.

— Как студентка?

— Очень просто. Я же раньше педучилище кончила, а сейчас учусь в институте. А то ведь что получалось! Три года проучила вас, а потом отбира-

ют, потому что после училища можно работать только в начальной школе... А я больше так не хочу. Пускай с первого класса по десятый... Ох, Журавлик ты мой, как я рада тебя видеть!

Она притянула его за плечи, прижала к себе. И он, кажется, чуть не замурлыкал от удовольствия. В самом деле!

Иринка, подобрав Журкин портфель, подошла и теперь стояла в трех шагах. Журка наконец оглянулся на нее.

— Лидия Сергеевна! Это Иринка! Моя... мой товарищ. Мы на одной парте... Иринка, это Лидия Сергеевна. Ты знаешь, я рассказывал.

— Я догадалась. Здравствуйте, — сказала Иринка, стараясь не очень показывать досаду. А досада была оттого, что Журка так стремительно забыл про все на свете (и про нее, про Иринку), бросил портфель, кинулся как сумасшедший. И еще оттого, что Лидия Сергеевна была совсем не такой, какой представляла ее Иринка. Невысокая, даже низенькая, толстоватая, с несовременной прической — какие-то рыжеватые кудряшки.

— Пойдемте ко мне в гости, — тут же предложила Лидия Сергеевна. — Я недалеко живу, на улице Кирова.

Иринка бросила на Журку быстрый взгляд. Он, кажется, понял. Сказал огорченно:

— Ой, сейчас нельзя, Лидия Сергеевна, у нас дело важное. Но я обязательно! Скоро!..

«Я», — опять ревниво подумала Иринка. И отвернулась.

Журка, все еще светясь от радости, записал адрес, и они распрощались.

Стали ждать троллейбуса. Иринка молчала. Журка наконец спросил:

— Ты чего надутая?

— Я? — сказала она. — Ничуть... Просто я испугалась: ты так сорвался куда-то...

— Но это же Лидия Сергеевна...

— Да поняла я, поняла... Только я удивилась.

— Почему?

— Ну... — Иринка замялась, но удержаться не смогла: — Я думала, что она красавица, а она...

— Что «она»? — слегка насторожился Журка.

— Да ничего. Но... обыкновенная.

Журка не обиделся.

— Не все ли равно, красавица или нет, — сказал он задумчиво, будто что-то хорошее вспомнил. — Тут даже глупо так говорить...

— Почему же глупо? Для женщины внешность — это очень важно.

Журка подумал и серьезно разъяснил:

— Ты же про свою маму не думаешь, красавица она или нет. Просто она есть, вот и все...

— Сравнил! Мама у каждого одна, а учителей вон сколько.

— Лидия Сергеевна тоже одна, — отозвался Журка. — Ты просто не понимаешь...

Иринка хотела сказать, что где уж ей понимать такие сложности, но Журка перебил:

— Вон «шестерка» идет... Ну, пока. Через час я приду.

Будто ничего не случилось...

Журка не понял, отчего Иринка надулась, и не очень на это обратил внимание. Он слишком радовался встрече с Лидией Сергеевной. В самом прекрасном настроении он прибежал домой и с таким же настроением через час отправился к Иринке.

Она встретила его внизу, у подъезда. Глядя мимо Журки, хмуро сказала:

— Не получится сегодня работа...

Журка наконец сообразил:

— Слушай! Ты на меня разозлилась, что ли? За что? Ничего я не понимаю!

Иринка посмотрела виновато, почти со слезами.

— Разве в этом дело? У папы неприятности...

— А что случилось?

— Да... все то же... — горько сказала Иринка, и Журка вдруг подумал, что ее голос очень похож на голос Веры Вячеславовны. — Опять у него с выставкой... Совсем уже назначили, а теперь переносят на будущий год... Ну, он расстроился. Сидит, ругает киношников. Если уж он начал про киношников, значит, не до работы ему. Как бы опять сердце не заболело. Зимой и так целый месяц в больнице лежал...

— А что за киношники? — скованно спросил Журка.

— Так он их называет... двух своих врагов. Он говорит, что они свои картины с экрана срисовывают.

— Прямо в кино? — удивился Журка.

— Нет. Возьмут киножурнал, где строители или

сталеваы показаны, выберут подходящий кадр — и у себя в мастерской на экран через фильмоскоп. А потом обводят, раскрашивают. Раз, два — и картина готова. Можно хоть во всю стену...

— Разве так бывает? — недоверчиво сказал Журка.

— Значит, бывает... Папа горячий, несдержанный, но он никогда не обманывает. И всегда говорит, что думает. Как с размаха... Мама его за это сколько раз ругала...

Журка подавленно молчал. Как он мог помочь Иринке и ее отцу? И кто тут может помочь?

Журка и раньше знал, что бывают дома у Иринки грустные дни. Но у кого их не бывает? К тому же слышал об этом он лишь намеками и не очень тревожился. При Журке Игорь Дмитриевич всегда был веселый, бодрый, готовый к работе. И не верилось, что когда-то он бывает не таким.

Журке Иринкин папа очень нравился. Стройный, похожий на дирижера, который вот-вот взмахнет палочкой и начнет озорную музыку. Он и кистью взмахивал, как дирижерской палочкой. У него

были длинные пальцы и узкие загорелые запястья. И была в этих тонких руках большая сила. Однажды Игорь Дмитриевич взметнул в воздух Журку, чтобы поставить на качели, и Журка зажмурился от неожиданного ощущения: показалось, что его подхватили руки деда.

— Ты что, испугался, Птаха?

— Не-е...— сказал Журка. Засмеялся и открыл глаза. Игорь Дмитриевич тоже засмеялся. Волосы у него с густой сединой, а лицо совсем не старое. Оно было красивым и могло бы показаться строгим, если бы не рот. Большой улыбчивый рот словно вырезан из какого-то веселого портрета и не очень точно, чуть наискосок, приклеен на лицо Игоря Дмитриевича. Это рот доброго мальчишки. Впрочем, не только мальчишки. Потому что у Иринки были такие же губы и такая же улыбка (если, конечно, Иринка не дулась).

А сейчас Иринкин рот грустно сжат, и сама она стояла поникшая.

— Он же очень хороший художник! — искренне сказал Журка.

— Хороший, конечно... А в Союз художников который год не принимают. Он там у них на собрании одного начальника прямо при всех «киношником» обозвал. Ну вот, с тех пор...

— И выставку из-за этого отменили?

— Я не знаю... Видишь какое дело, он ведь работает в художественных мастерских, там ему заказ дали — какие-то планшеты для завода рисовать. А он увлекся нашей картиной, заказ вовремя не сдал... Главное, что на заводе-то ничего, согласились подождать, а директор мастерских расшумелся. В выставком пожаловался... А при чем здесь выставка? Это же разные вещи — заказ и картины! Просто у него там друзья...

— У кого? — машинально спросил Журка.

— Да у директора. В выставком. Вот они опять и сделали папе гадость...

— А у Игоря Дмитриевича разве нет друзей? Чтобы заступились за него? — сочувственно спросил Журка.

Иринка как-то по-старушечьи махнула рукой. И сказала с сердитой откровенностью:

— А... «друзья». Когда праздник или день рождения, они тут как тут. А если помочь надо, с начальством ссориться не хотят. Разве это настоящие друзья?

Журка грустно усмехнулся:

— А от тех, кто настоящие, тоже никакого проку...

— Где они, настоящие-то? — тихо и печально отозвалась Иринка.

Так же тихо и очень серьезно Журка сказал:

— А я?

Они помолчали. Журка вдруг застеснялся, Иринка, видимо, тоже смутилась. Потом она тряхнула волосами и попросила с хмурой виноватостью:

— Ты уж на меня не сердись...

— За что? — удивился Журка.

— Да за это... Сегодня на остановке...

— Я так ничего и не понял, — сказал Журка.

— Ну и молодец, что не понял. А я дура...

— Да ладно тебе... Пойдем к нам! Мама пирог с яблоками печет.

Иринка покачала головой:

— Нет. Мама сейчас папе капель даст и в постель уложит, а он всегда просит: «Ришка, посиди со мной рядышком». Я уж пойду посижу...

Журка брел от Иринки, пинал перед собой пустую коробку от сигарет «Космос» и думал про Игоря

Дмитриевича. И про Иринку: какая она сегодня хмурая и по-взрослому озабоченная.

По правде говоря, в Иринкином разговоре о всех этих выставках, заказах и отцовских недругах Журке почудилось что-то ненатуральное. Будто она повторяла не свои слова. Но тут же он подумал: «Ну и повторяла. А что такого? Слышала, как отец рассказывает, а потом со мной поделилась...» Иринкина тревога об отце была настоящая и большая, Журка это чувствовал и сам теперь тревожился. Он знал точно, что Игорь Дмитриевич хороший и добрый. Недаром же, когда смотришь на «Путь в неведомое», даже горло начинает щекотать от волнения. Знал он и то, что еще в прошлом году Игорю Дмитриевичу сказали все в том же непонятном выставком: «Написано недурно, однако сюжет у вас какой-то странный. Любители живописи ждут от художников, что они отразят современность, а у вас какой-то Грин или Жюль Верн...»

Олухи, честное слово!..

Только бы Игорь Дмитриевич не расстроился слишком сильно и не заболел. А то больше не будет хороших минут и веселых разговоров в солнечной комнате с качелями. Лето совсем, совсем скоро кончится...

И словно в доказательство близкой осени пахнул из-за угла холодный ветер. Неожданный и резкий. Угнал в канаву сигаретную коробку, хлестнул по ногам колючей пылью и мусором, запорошил глаза. Серая тучка набежала на солнце.

Журка моментально озяб. Но назло ветру и назло всем печальным мыслям решил, что домой не пойдет, а, раз уж есть свободное время, забежит сейчас к Лидии Сергеевне. Потому что улица Кирова в двух кварталах.

Эта мысль улучшила Журкино настроение. Он подумал, что у Игоря Дмитриевича, может быть, скоро все наладится, зашагал быстрее, согрелся на ходу и к дому Лидии Сергеевны подошел совсем весело.

Дом был новый, девятиэтажный.

Лидия Сергеевна стояла на площадке второго этажа. Держала свернутый половик и «выбивалку».

— Ой, Журка!.. А почему ты сверху бежишь?

— Я прокатился на лифте до девятого этажа! — радостно признался Журка. — А там меня прогнала из кабины какая-то старуха... Жалко ей, что ли? Я на лифте всего третий раз в жизни ехал.

— Какой ты молодчина, что пришел!

— А вы ковер чистить пошли? Давайте я выколочу!

— Я уже. Пойдем к нам...

В прихожей их встретил круглощекий большеглазый пацаненок лет четырех. Лохматый и серьезный.

— Ой, это Максимка? — удивился Журка. — Здравствуй, Максим. Какая ты громадина...

— Здрахствуй, — отвечал Максим, задрал голову. — Ты тоже гхромадина. Ты кто?

— Это Юрик Журавин, он к нам в прошлом году приходил, — объяснила Лидия Сергеевна. — Но ты не помнишь...

— Не помню, — согласился Максим. — Я тогда был маленький, а их много было. Целая пхохва.

— Что за выражения, — сказала Максимкина мама, а Журка засмеялся:

— Ты такой большой, а почему букву «эр» не научился говорить?

— Стахаюсь, — сообщил Максим.

— Он не старается, он лентяй, — сказала Лидия

Сергеевна, подтолкнула Максимку к двери, и все вошли в комнату.

У окна сидел и копался в транзисторном магнитофоне Валерий Михайлович, муж Лидии Сергеевны. Он был очень серьезным, даже угрюмым человеком. Вернее, таким его считали те, кто плохо знал. Но витязи-то его знали хорошо. Он всех их перекалывал на своих широких плечах, каждому сделал покрытый серебряной краской меч, многих мальчишек научил мастерить из бумажных листов самолеты хитрой конструкции (потом ему за это попало от Лидии Сергеевны, потому что самолеты часто взлетали из-под парт во время урока).

Валерий Михайлович работал авиационным техником в Картинске на местном аэродромчике, а сейчас, наверно, в большом аэропорту. А может быть, и в другом месте. Он разбирался не только в самолетных моторах, а кажется, во всем на свете. Все, что хочешь, мог смастерить и починить: и деревянный самострел с хитрым спуском, и цветной телевизор...

Работал Валерий Михайлович всегда молча. Он

считал, что чем больше человек шевелит языком, тем хуже работает руками. Но не всегда он был молчаливый. Однажды в походе у костра он целый час рассказывал сказку про маленького робота по имени Триколá (три кола — значит, три единицы, номер сто одиннадцать)...

Лидия Сергеевна поставила Журку перед собой и весело сказала:

— Валерий, смотри, кто пришел. Помнишь Журавленка?

Валерий Михайлович поднял голову, глянул из-под насупленных бровей, вдавил большой палец в ямку на подбородке (такая была у него привычка) и сказал, подумав:

— Я всех помню. Я эту пичугу для доски почета снимал...

— А вот и перепутал! — засмеялась Лидия Сергеевна. — Для доски ты снимал его друга Рому Светлякова да еще трех девочек...

Она так просто, легко вспомнила о Ромке. Без всякой печали. Ну и правильно, так и надо. Пусть будет, будто Ромка живой...

— А меня вы тоже фотографировали,— сказал Журка.— Для стенгазеты.

— Совершенно верно! — обрадовалась Лидия Сергеевна.— У тебя там еще стихи были! Про Новый год. Как же там? А, вот...

«Ой, не надо», — подумал Журка и слегка покраснел. Но Лидия Сергеевна уже декламировала:

*Вот и Новый год пришел,
Всем нам стало хорошо.
Пусть нам вьюга лица лижет,
Лето все же стало ближе...*

— Видишь, я запомнила... А сейчас пишешь стихи?

— Нет, что вы,— испугался Журка.— Это я нечаянно тогда сочинил. А с тех пор почти и не пробовал.

Валерий Михайлович встал. Шагнул к Журке.

— Эту газету я тоже помню... Ну, здравствуй. Теперь здесь живешь?

Он протянул Журке громадную пятерню. Журка положил в нее свою ладонь и сказал:

— Мы недавно переехали.

— Ну и молодец. А то Лида у меня тут совсем извелась без ребят.

— Не сочиняй. Мне хватает Максима и тебя. Оба неслухи...

— Женский гнет,— сказал Валерий Михайлович и вернулся к подоконнику.

Лидия Сергеевна усадила Журку, развернула складной стол, сказала, что утром приезжала ее мама, привезла всякого варенья и сейчас они будут пить чай.

— Ты какое варенье любишь, Журка?

— Всякое,— подал голос Максим, который уже приволок ящик с «констхуктохом» и агитировал Журку строить самолет.

— Я, между прочим, спрашиваю не тебя, а Журку...

Журка посмотрел на Максима, улыбнулся и сказал:

— Всякое...

— Заговорщики.

Пока Журка и Максим свинчивали из дырчатых пластмассовых полосок «кхылья», на столе появились вазочки, блюдца и разной величины фаянсовые чашки.

— Журка, помнишь эту? Вы с Ромой всегда из таких пили, из больших, чтобы лишний раз не наливать. Их две было, а потом одна разбилась. Так жаль...

Журка внутренне вздрогнул. Но не сказал ничего, подошел к столу, взял в ладони тяжелую чашку с синим кораблем и надписью «Путешествие Магеллана». Покачал тихонько...

— Устраивайся ближе к варенью, Журка... Эй, мужчины, садитесь!

Они пили чай со «всяким» вареньем и вспоминали свой третий «В». Вспоминали прием в пионеры и последний поход.

— Хороший был поход,— вздохнула Лидия Сергеевна и улыбнулась Журке глазами: «Ничего, все равно хороший». Она думала, что он до сих пор страдает из-за той истории. Журка сморщил переносицу и спросил:

— Вы никому не говорили?

— Что ты! Никому-никому...

— Смотрите-ка, тайны у них,— заметил Валерий Михайлович.

— Да, представь себе...

— Теперь уже не тайна,— сказал Журка, набрав-

шись смелости.— Теперь можно рассказать. Потому что я себе за то дело, знаете, как отомстил...

И он, качая от смущения ногами и пряча нос в кружку, поведал про экспедицию на кладбище и про Федота.

Лидия Сергеевна смешно поежилась:

— Ой-ей-ей. Я бы померла от страха. Какой ты отчаянный...

— «Отчаянный», — усмехнулся Журка.— Просто выхода не было. Я подумал: «Что скажу Ромке, когда приедет?»

Чашка грела Журке ладони фаянсовыми боками. Он опять покачал ее и тихо сказал:

— У меня с трещинкой была, а эта без трещинки. Ромкина... Лидия Сергеевна, у вас есть Ромкина фотокарточка? Я давно не видел его...

— Есть, конечно. У меня все ваши есть, я сейчас достану... А у тебя разве нет?

— У меня только общая, где весь класс. Ромка там боком стоит, лицо плохо видно.

— Можно найти хороший негатив и напечатать портрет. У Валерия все фотопленки хранятся... Только снимки-то давно делались, сейчас он подрос, наверно, как и ты. Написал бы ты ему: пусть свежую фотокарточку пришлет... Что с тобой, Журка?

А что? С ним ничего. Осторожно поставил чашку, даже не плеснул на скатерть...

Она ничего не знала. Она уехала из Картинска почти сразу после того похода, и потом никто не написал и не сказал ей о Ромкиной гибели... И сейчас давнее Журкино горе, к которому он привык, для нее оказалось новым и неожиданным.

Наверно, ей хотелось заплакать, но она только сжала губы и минуту или две молча сидела и водила по клеенке блестящей ложечкой. Потом сказала в нависшей тишине:

— Ромка, Ромка... Вот ведь судьба какая... За что людям такое горе?

«Молнии,— хмуро подумал Журка.— Разве они спрашивают?» И тихо объяснил:

— Там поперек дороги проехал самосвал, а из кузова песок сыпался. Получилась такая горка на асфальте, как бархан. Они на нем взлетели, будто на трамплине, перевернулись и в столб... в бетонный...

Валерий Михайлович вдруг встал из-за стола.

— Лидуша, ты в ванную пока не ходи... Максим, пойдем, ты мне поможешь.

Лидия Сергеевна и Журка остались вдвоем. Чаю больше не хотелось. Они сели рядышком на тахте, стали говорить о другом, не о Ромке. Лидия Сергеевна расспрашивала про маму и папу, про здешнюю школу. Журка охотно рассказывал и привинчивал хвостовое оперение к недостроенному Максимкиному самолету. Но разговор шел без прежней веселости. Будто печальный Ромка сидел здесь же в уголке и слушал...

Через полчаса появились Валерий Михайлович и Максимка. Валерий Михайлович положил Журке на колени большую, с четверть газетного листа фотографию. Она была только что отпечатанная, горячая от глянцевателя.

Веселый Ромка смотрел со снимка мимо Журки, куда-то вдаль и немного вверх. Будто следил за улетающей птицей. Но казалось, что он сейчас шевельнет глазами, встретится взглядом с Журкой — зрачки в зрачки.

Потому что он был совсем живой. Чудилось, что губы его все сильнее растягиваются в улыбку, а раскиданные ветром легкие волосы шевелятся.

Снимок был сделан не для Доски почета, а гораздо позже. Ромка уже в пионерском галстуке, а за плечами у него видны ветки с молоденькими листьями.

— Это когда в пионеры принимали? — спросил Журка.

— Да, — сказала Лидия Сергеевна. — Валерий хотел каждому сделать портрет на память, да не успел проявить и напечатать. Жили-то мы, помнишь, в каком доме? Ни крана с водой, ни уголка, чтобы увеличитель пристроить...

Ромка улыбался — такой знакомый: со старым шрамом над левой бровью, с постоянной трещинкой на верхней губе (он всегда ее трогал языком), с темным квадратиком пустоты на месте выпавшего зуба...

— Вы даже не знаете, какое громадное спасибо, — шепотом сказал Журка.

На улице Журку опять ударил осенний ветер. Серые быстрые облака то и дело закрывали солнце. Сорванные с тополей листья горизонтально летели навстречу и подсохшими краями чиркали по Журкиному лицу. Царапающий холод забрался под вздувшуюся рубашку... Однако Журка не пошел сразу домой. Он заскочил по дороге в книжный магазинчик. Там в застекленной витрине среди брошюр и атласов были выставлены эстампы — оттиски рисунков и гравюр в тонких металлических рамках. На каждом ярлычок с ценой.

В застегнутом кармашке с черной ленточкой у Журки лежали три рубля. Он давно их носил с собой: все надеялся найти в магазинах акварельные краски «Нева». А сейчас купил эстамп «Березки». Березки как березки — еще голые, апрельские, над мокрой полянкой под бледно-голубым небом. Все это Журку не интересовало. Ему нужна была рамка со стеклом.

Дома Журка отогнул зажимы на жестяных угольничках и вставил Ромкину фотографию. Она подошла почти точно, только сбоку пришлось чуть-чуть подрезать. Журка привязал к рамке шнурок от старых ботинок, вбил над постелью гвоздь, повесил снимок.

Отошел немного, посмотрел.

Получилось здорово. Красиво. Аккуратно так. Только...

Только как-то не так. Слишком уж аккуратно. Как в музее. Стекло отгородило Ромку от Журки. От нынешнего дня. От жизни.

Журка испугался. Он торопливо разобрал рамку, выхватил снимок, двумя кнопками кое-как приколол к обоям.

И стало все как надо, честное слово! Фотография опять сделалась живой. Будто Ромка сам только что прибежал с улицы, размахивая этой карточкой:

— Хочешь, подарю?

И они вдвоем, дурачась и веселясь, пришили ее к стенке...

На тахту, длинно мурлыкнув, прыгнул Федот.

— Зачем пришел, усатый лентяй? — сказал Журка. — Смотри, это Ромка... Если бы не он, я бы ни за что не пошел бы тогда на кладбище. И никто бы тебя глупого не спас. Так что имей в виду...

Федот зажмурился и зевнул.

Ромка смеялся, глядя вслед улетающей птице.

...А «Березки» Журка опять вставил под стекло и повесил в большой комнате. Пускай напоминают о весне, когда за окнами осень.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Все уважают

Я узнала о Всесоюзном пионерском сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны» и хочу написать о своей бабушке — Александре Михайловне Джетурде.

В военные годы моя бабушка работала медсестрой в госпитале. Много горя пережила она. Многим больным, раненым помогла. Ее труд отмечен наградами.

Теперь уже давно бабушка работает в больнице фельдшером, хотя сейчас она уже на пенсии. Бабушка вырастила троих детей. В нашем селе все ее уважают, и бабушка очень тепло говорит о хороших людях.

Если кому-то нужна медицинская помощь, все идут к бабушке, а она никогда никому не отказывает. Бабушку часто приглашают в школу на пионерские сборы, и, когда она рассказывает о тех далеких военных годах, многие даже плачут. Я очень хочу быть похожей на бабушку и стараюсь учиться на «отлично».

Саша ГОЛИКОВА,
село Балтабай, Алма-Атинская область,
Казахская ССР.

Быть достойной памяти деда

Мне хочется рассказать о моем дедушке Алексее Михайловиче Лыскине.

В тридцатые годы дедушка стал членом комсомольской ячейки и вместе с товарищами создавал в родном селе Старопашенки колхоз. Потом поступил на курсы при МТС и стал первым в своей артели трактористом.

Потом дедушку призвали в Красную Армию, и он стал красноармейцем. А в 1936 году дедушка сражался в республиканской армии Испании против фашизма.

С самых первых дней Великой Отечественной войны дедушка боролся с гитлеровскими захватчиками, командовал батальоном. Дедушка рассказывал, что однажды танковая бригада, в которую входил его

батальон, попала в окружение. Кончилось горючее, были израсходованы патроны, не оставалось продовольствия. И вот он, капитан Лыскин, получил приказ прорвать кольцо фашистов, обеспечить бригаду горючим и продовольствием. Фашисты не ожидали дерзкого налета русских, и большая колонна вражеских автомашин была разбита, а приказ выполнен. Подвиг комбата Лыскина, то есть моего дедушки, был отмечен высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

В конце войны дедушка командовал 35-й танковой бригадой, которая громила гитлеровцев на территории Румынии.

После долгожданной победы мой дедушка Алексей Михайлович Лыскин продолжал служить в рядах Советской Армии, а когда ушел в отставку, дома усидеть не смог — пошел работать. Работал на разных должностях, внося свой вклад в укрепление обороноспособности Советской Родины, вел работу и по патриотическому воспитанию молодежи. Советское правительство оценило его заслуги орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. Отмечен дед и наградами зарубежных государств.

Теперь, когда я думаю о дедушкиной жизни, то понимаю, что он всегда старался быть там, где мог принести больше пользы народу и партии. Я учусь сейчас в восьмом классе. Учусь отлично — хочу быть достойной памяти дедушки — верного сына советского народа.

Алена ЛЫСКИНА,
г. Михайлов, Рязанская область.

Учитель, перед именем твоим...

Я хочу рассказать о моей бабушке, Смирновой Зое Васильевне. Всю жизнь она проработала учительницей.

Во время Великой Отечественной войны бабушка учила ребят в далеком поселке на Урале. Поселок был маленький, а школа четырехклассная. Тетрадей не было, писали на старых книгах. Чернила делали сами, растворяя в воде сажу или сок свеклы. Учебников не хватало, одним учебником пользовались несколько человек. Ученики сами убирали школу, кололи дрова, топили печи, а летом вместе с учителями заготавливали на зиму дрова.

В свободное время и ученики и учителя собирали на фронт посылки с теплыми вещами: носки, варежки, ну и еще клали в посылку кисеты и носовые платки с вышивкой.

Жили все тогда с мечтой о Победе. И учителя помогали ребятам пережить это трудное время. После войны бабушке вручили медаль «За трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны». В послевоенные годы бабушка продолжала работать в школе.

Сейчас моя бабушка пенсионерка, но до сих пор продолжает получать письма и поздравительные открытки от своих питомцев. За свой учительский труд бабушка награждена знаком «Отличник народного просвещения Казахской ССР» и юбилейной Ленинской медалью.

Надя СТУКОВИНА,
ученица, 8-й класс, школа № 8,
Меркенский район, Джамбулская область.

Не уронить чести семьи

Мне нравится читать в журнале о семьях ребят, об их участии в жизни страны. Я хочу рассказать о моей бабушке — Татьяне Сергеевне Мельницкой. До войны она окончила машиностроительный техникум, работала на Харьковском тракторном заводе в конструкторском бюро. Была активной комсомолкой, лучшей шахматисткой района. Но тут пришла беда: началась Великая Отечественная война. Бабушка окончила курсы и пошла на фронт снайпером.

Под Киевом бабушка была ранена. Ей удалось вырваться из окружения, добралась она до Винницких лесов, партизанила.

Ходила бабушка в разведку не раз. Однажды послали ее вместе с товарищами из тех мест собрать сведения об отступающих фашистских частях. Собрали сведения, а потом, чтобы передать их, захватили телефонный аппарат у железнодорожной станции Пеньковка.

Задание выполнили, но фашисты схватили их. Бабушку долго пытали, но и под пытками она ничего не сказала, не выдала товарищей. Истерзанную, замученную, фашисты повесили ее в селе Пеньковке. Я всегда хочу быть похожей на свою бабушку, быть такой же смелой, как она.

Мои папа и мама — ветераны труда, работают на КРАЗе. Они ударники коммунистического труда. Мама еще донор, а папа — рационализатор. Я дала себе слово, когда вырасту, работать так же самоотверженно, как и мои родители, чтобы не уронить чести семьи.

Юлия МАЛОЛЕТНЯЯ,
г. Кременчуг, Полтавская область.

1922-1982

Какие победы вам удалось одержать в детские годы? Как они помогли вам стать настоящим композитором?

На эти вопросы отвечает композитор Алексей Львович РЫБНИКОВ — автор музыки к фильмам «Про Красную Шапочку», «Приключения Буратино», «Усатый нянь», «Шла собака по роялю»...

Про нотную грамоту, радиоприемник и детский сад...

То, что сделал первый раз в жизни, всегда запоминается. Я до сих пор помню свой балет «Кот в сапогах». Я его написал, когда мне было лет десять. Этот балет — мое первое крупное музыкальное сочинение. Он мне очень нравился. Конечно, хотелось, чтобы его непременно послушал кто-нибудь из знаменитых композиторов. И я решил показать партитуру балета Араму Ильичу Хачатуряну. Я почему-то очень надеялся, что Хачатурян поддержит меня. И не ошибся.

С этой встречи началась наша дружба. Арам Ильич интересовался моими новыми работами, критиковал ошибки, советовал, как сделать лучше. И в школе и в консерватории я чувствовал его поддержку.

Не все у меня получалось легко и сразу. Я, например, не с первого раза поступил в музыкальную школу. Сначала меня не приняли, сказали, что «не владею голосовыми связками». На экзамене меня попросили спеть. Я пел и сам чувствовал, что фальшивлю. Но взять нужную ноту никак не мог. Мне стало очень обидно, но сдаваться не хотелось. Потом я каждый день повторял за роялем гаммы, пел. И вот снова экзамены. На этот раз я прошел конкурс сразу в двух школах: в Центральной музыкальной школе и имени Гнесиных. Я стал учеником Центральной музыкальной школы при консерватории имени П. И. Чайковского. Уроки музыки были каждый день и по несколько часов. А это не так легко, особенно поначалу.

Скажу честно, первые два года я занимался не очень серьезно. Но когда почувствовал, что сам могу сочинять и играть свою музыку, я начал учиться охотнее.

Конечно, как и всех мальчишек, меня увлекала не только музыка. Помню, конструировали мы с ребятами модели катеров, собирали радиоприемники. Как-то раз смонтировал приемник, а он не заработал. Снова разбирать, переделывать не захотелось, так и забросил. А теперь жалею. Знания радиотехники мне бы оченьгодились. Ведь для многих современных композиторов студия звукозаписи — второй рабочий кабинет. И часто то, что задумал, можно осуществить только в студии вместе со звукооператорами.

Электронные синтезаторы, которые могут подражать всем музыкальным инструментам, различные эффекты звукозаписи — наложение, совмещение отдельно записанных инструментальных и вокальных партий, реверберация (эхо)... — много технических хитростей сейчас в звукозаписи. Эти тонкости приходится постигать мне теперь, ведь нужно знать возможности аппаратуры. И автор обязательно должен быть в студии при записи своего нового произведения.

И все же музыка была нашим главным делом. В школе мы с ребятами организовали свой детский творческий союз — «Общество юных композиторов и музыкантов» (ОЮКИМ, как мы его называли сокращенно). Мы сами издавали музыкальные сборники — аккуратно переписывали ноты своих музыкальных сочинений, красиво их оформляли, сами устраивали концерты музыкантов — членов ОЮКИМа для школы, родителей.

Чтобы не получилось, как с тем радиоприемником, я приучал себя обязательно доделывать до конца все, что начал. И

это мне сейчас очень помогает в работе. Ведь как бывает: если сию минуту не запишешь музыку, которая уже давно живет в тебе, потом это вряд ли получится: не будет тех чувств, мыслей, настроения. В итоге твой замысел не осуществится. Что-то, конечно, выйдет, но уже не то.

Композитор не всегда выбирает себе тему сам. Часто его просят написать музыку к фильму, сочинить песню на определенную тему.

Свой первый «заказ» я получил, когда отдыхал под Волгоградом рядом с дачей детского сада.

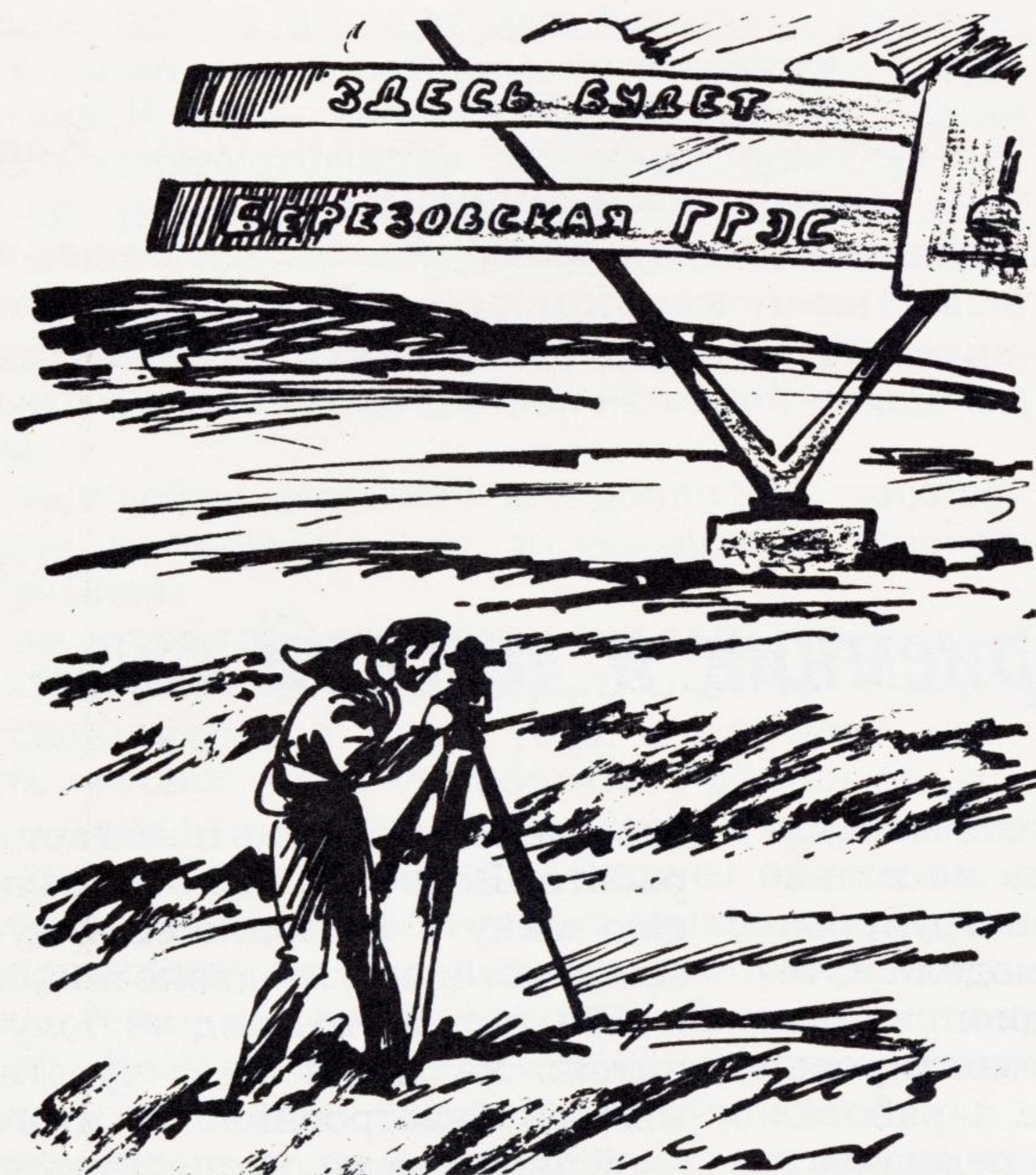
Так получилось, что у малышей не оказалось музыкального работника, некому было играть на пианино, петь и разучивать с детьми песни. Скучно им жилось на даче. Какой же это летний отдых без музыки, без песен, без танцев?

К тому времени я окончил шестой класс и уже довольно хорошо играл на рояле. Я сел за инструмент и стал аккомпанировать малышам. Они заулыбались, повеселели, с радостью запели вместе со мной. И мне было приятно, что я сумел развеселить этих маленьких человечков, которым так к лицу улыбки и огоньки в глазах. Я придумывал для них разные музыкальные игры, викторины.

И вот однажды малыши попросили меня сочинить песню про них, про их детский сад. Не представляю себе, что было бы с ними, если бы я не выполнил их просьбу. Свою новую песню я назвал «Сад идет».

Так появилась у моих «подшефных» своя, детсадовская песенка.

А для меня это была еще одна победа как будущего композитора.

Мурад АДЖИЕВ,
кандидат экономических наук

НАД КАТЭКОМ — ЧИСТОЕ НЕБО

Рисунки А. ГРИШИНА.

По Ленинскому проспекту каждый день проезжают тысячи москвичей, по улице Стасовой проходят сотни жителей столицы, и наверняка никто из прохожих даже не догадывается, что здесь, на перекрестке двух оживленных улиц, добывают нефть.

Правда, добыча невелика: всего сорок — пятьдесят литров в сутки. Но об этой нефти стоит рассказать. Она особенная. «Угольная»! Вот почему здесь, на территории Института горючих ископаемых, сколько ни ходи, не увидишь ни буровых вышек, ни трубопроводов.

А нефть в лаборатории института все же сейчас получают — жидкую нефть из твердого угля...

Зачем же это понадобилось?

Угольный гигант Сибири

Каждый, наверное, знает, что Сибирь очень богата углем всех сортов и оттенков. Самый ценный — в Кузнецком бассейне. Самый дешевый — в Канско-Ачинском. В этих двух бассейнах и ведется главная добыча.

На XXV съезде Коммунистической партии решено было по-новому добывать уголь в Канско-Ачинском бассейне. Здесь задумали создать могучий топливно-энергетический комплекс.

Подобных ему никогда не было еще на всей планете!

КАТЭК (так сокращенно называется новый комплекс) — это работы огромного, поистине сибирского размаха. Самые мощные в мире электрические станции намечено возвести здесь. Самые богатые угольные карьеры будут сооружены в бассейне.

Угля тут можно добывать больше, чем сейчас его добывают во всей нашей стране! От

западной границы бассейна до восточной 800 километров. А толщина угольного пласта местами больше 100 метров.

Один миллиард тонн топлива — столько может дать КАТЭК в год. Даже при этой фантастической добыче запасов хватит надолго — до XXV века.

Но самое главное — даже не огромные размеры, хоть и они очень важны. Главное в другом: уголь лежит почти у поверхности! Пласт лишь чуть-чуть присыпан землей. По склонам речных долин уголь часто стеной выходит наружу, и его можно собирать руками.

Вот почему для КАТЭКа в Красноярске возводят специальный завод. Он будет выпускать богатырские экскаваторы, каждому из которых по плечу за одну минуту доверху нагрузить два железнодорожных вагона углем...

Что может быть лучше для хозяйства? Не нужно строить под землей дорогие и сложные шахты. И специалисты поначалу говорили о Канско-Ачинском бассейне, употребляя заманчивые для экономики слова: «самый дешевый», «самый перспективный».

Потом стали говорить по-другому: не простой уголь в бассейне, трудный.

А виноват был... сам уголь.

Капризный уголь

Он плохо горит — дает мало тепла, потому что очень сырой. Если же его высушивать, то куски рассыпаются в бурый порошок. А порошок тоже капризный: его нельзя перевозить, нельзя долго хранить, потому что, когда крупинки угля трутся одна о другую, они возгораются.

Но, может быть, сжигать уголь на месте, вблизи добычи, пока он не успеет высохнуть и

рассыпаться? Этот путь сперва и избрали ученые. Так появился проект КАТЭКа со сверхкрупными тепловыми электростанциями.

Намечалось построить десять станций-гигантов. Первую — Березовскую станцию — уже сооружают. Но какова судьба остальных новостроек, пока неизвестно.

Опять виноват... уголь.

Очень уж опасную золу оставляет он после горения.

Обычно уголь, сгорев в топке, превращается в сухие, заскорузлые комочки, которые легко выгребать из печи. А зола канско-ачинских углей лежит единым твердым куском, накрепко сцепленная, будто клеем приклеенная к стенкам печи. Очень трудно удалить ее.

Трудно, но можно! Если сконструировать специальные очистные механизмы, если придумать особые топки для котлов (обычные котлы — те, что на всех тепловых электростанциях, — для канско-ачинских углей не годятся).

Так что сжигание канско-ачинских углей для получения электроэнергии сохраняется сейчас как одно из направлений развития КАТЭКа.

Есть и другие пути, которые будут развиваться параллельно первому. Оба они связаны с превращением «капризного» угля в более удобное для переработки топливо.

Один путь — превращение сырого и хрупкого угля в **твердое топливо**, другой — получение из угля **искусственного жидкого топлива**.

Заботы о природе Сибири, о ее богатствах заставили нашу науку продолжить поиск самого выгодного варианта КАТЭКа. Многие научные институты и исследовательские лаборатории занялись этим поиском. Для нашего народного хозяйства важно не просто добывать природные богатства, а делать это без спешки, бережно, осторожно, стараясь не по-

вредить природе, не разрушить взаимосвязь ее частей.

Вот почему на XXVI съезде Коммунистической партии Леонид Ильич Брежнев сказал: «Глядя в перспективу, следует также основательно проработать вопрос о производстве синтетического жидкого топлива на базе углей Канско-Ачинского бассейна».

Уголь будет чистым топливом!

Есть несколько путей, по которым КАТЭК вступит в XXI век. Один из них — через «угольную» нефть.

Так Институт горючих ископаемых стал научным тылом КАТЭКа.

Я — в кабинете директора института профессора Андрея Анатольевича Кричко. И первое, что бросилось мне в глаза, была огромная глыба угля, стоящая на постаменте.

Андрей Анатольевич поймал мой взгляд и сказал:

— Сейчас во всем мире вспомнили об угле. А до 1973 года — до начала энергетического кризиса на Западе — почти все зарубежные ученые твердили о закате угольной промышленности. Считалось, что нефть, дающая топливо моторам, в скором времени вытеснит уголь. Теперь же газеты и журналы мира сообщают о возрождении славы «короля-угля».

Почему же такой резкий поворот?

Все объясняется просто. Запасы нефти в мире иссякнут лет через сто, а угля хватит по крайней мере тысячелетия на два-три. Другое дело, что мы не научились еще правильно пользоваться углем.

И, заметив мое удивление, добавил:

— Да-да, именно правильно пользоваться. Сейчас в мире почти всю добычу сжигают, используют уголь как топливо. Вот почему пыль, копоть и газ попадают в воздух, вот почему возникло обидное прозвище угля — «грязное топливо»...

Уголь должен стать чистым топливом! И он станет им! Таково мнение многих ученых.

Еще в прошлом веке великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев первым предложил подземную газификацию угля: не поднимать уголь на поверхность, а сжигать его под землей и получать таким образом из угля газ.

Сегодня уже действуют станции подземной газификации — в Кузбассе и на Ангреномском месторождении. Здесь вместо угля из-под земли по трубам выходит газ. Уже пятнадцать лет, как в среднеазиатском городе Ангрено жители перешли на «угольный» газ. Чистое небо теперь и над Ангреном и над сибирским городом Кисилевском, где тоже в печах котельных горит новое топливо, сделанное из старого угля.

По примеру советских «шахт будущего» такие станции подземной газификации строят ныне во многих других странах — в США, ФРГ, Польше, Бельгии, Японии, Италии. Всюду.

А вот с «угольной» нефтью все вышло по-другому. Ей просто не повезло.

В тридцатые годы ученые и инженеры знали об «угольной» нефти, наверное, не меньше, чем сейчас.

В те годы многие месторождения нефти и природного газа еще не успели открыть. Топлива всюду не хватало, и взоры ученых обратились к углю. Тогда в разных странах было построено двадцать заводов, на которых из угля получали нефть, бензин, дизельное топливо. Один из таких заводов работал тогда в сибирском городе Кемерово, ученые пробовали получать бензин из угля в Харькове и в Черемхове. Но опыты оборвала война...

После войны открытия нефтяных и газовых месторождений следовали одно за другим. И об «угольной» нефти, об «угольном» газе попросту забыли. Они стали не нужны хозяйству!

В других странах тогда тоже были открыты новые крупные месторождения и... закрыты все заводы угольного топлива. Потому что нефтяной бензин намного выгоднее, дешевле угольного.

Прошло много лет. Об «угольной» нефти упоминали только в учебниках химии. И вот совсем недавно ученые снова обратились к опытам тридцатых годов. Попробовали сжи-

жать угли Канско-Ачинского бассейна, и результат превзошел самые смелые ожидания.

Оказалось, что сибирский бассейн идеально подходит для выработки нефти из здешнего угля. Из пяти тонн угля «выдавливается» одна тонна нефти!

А поскольку добыча угля в КАТЭКе обходится дешево, значит, и продукты получатся из него недорогие. А главное — получение «угольной» нефти никак не повлияет на природу южной Сибири!

Все эти доводы и привели к тому, что в Москве, на территории Института горючих ископаемых, появился «нефтяной промысел».

Весь «промысел» уместился в одной небольшой комнате, где от потолка до пола извивается много толстых труб и тонких трубочек, поблескивают ручки кранов. И все. Если бы не следы черных луж на светлом кафельном полу и запах, как у бензоколонок, я никогда не поверил бы, что здесь добывают нефть. Но вот лаборант насыпал угольный порошок в одну трубу, в другую нацедил черную жидкую пасту. Установка заработала. Угольный порошок сначала сильно нагрели — до 400 градусов, потом стали подавать водород под очень высоким давлением. Прошло немного времени, и из крана в большую эмалированную кастрюлю закапали черные капельки, потом полилась упругая струйка.

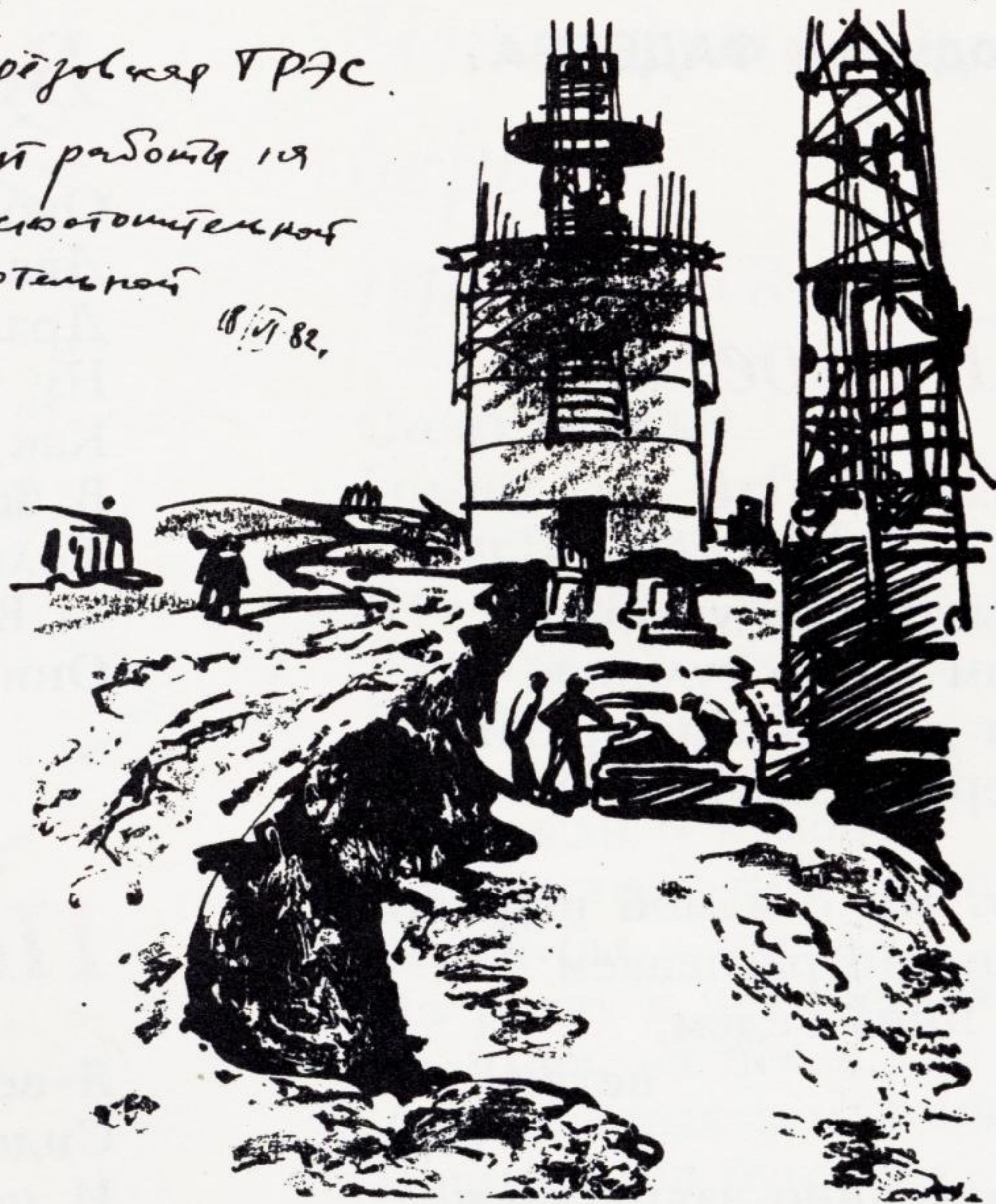
Я подставил руку — маслянистая жидкость заполнила ладонь. Правда, нефть!

Рядом были установки, на которых из этой черной нефти можно получать дизельное топливо желтого цвета. Можно — бесцветный бен-

Берёзовская ГРЭС.

Идут работы на
испытательной
котельной

18/11/82.

зин высшего качества и коричневое газотурбинное топливо.

Уже в нынешней, XI пятилетке начнется строительство первого опытного завода в КАТЭКе. Он будет в год перерабатывать в жидкое топливо 3 тысячи тонн угля.

А потом появятся заводы в сотни раз мощнее. Миллионы тонн нефти получит страна из КАТЭКа. И первые капли тех будущих нефтяных рек я видел в Институте горючих ископаемых. Даже трогал их.

Берёзовский разрез
доставит ЭКТ-46.

Непрерывный поток
изот загрузки угля.

18/11/82.

Первое задание

Мы теперь ученики.
Нам не до гулянья.
На дом задали крючки —
Первое задание!

Вот мы с мамой над столом
Дружно распеваем:
— Вниз ведем,
ведем,
ведем —
Пла-а-авно закругляем!

Но противные крючки
С острыми носами
У меня из-под руки
Выползают сами!

Телевизор не глядим,
Сказку не читаем,
Три часа сидим,
сидим —
Пла-а-авно закругляем!

Вечер. Поздно. Спать идем.
Сразу засыпаем.
И во сне:
ведем, ведем —
Пла-а-авно закругляем!

Воробьи

Около школы
Два воробья
Дрались.
Ну точно,
Как Стаська и я!
В бок удивленно
Толкнул меня Стась:
— Вовка!
Они научились у нас!

Поведенье

Я весь урок
Сидела без движенья
И получила «пять»
За поведенье.
А кто сидел с движеньем,
Те — «четыре».
А те, кто дрался,
«Тройки» получили.
А Жене
«Два» поставили в дневник,
Хоть он у нас
Хороший ученик.
Но весь урок
Смеялся этот Женя
Над тем,
Как я сидела
Без движенья.

Непосильная работа

Это только дошколята
Без работы бегают.
А ребята-октябрята
Всё работу делают.
Каждый знает, что она
Быть посильною должна.

Я хожу и рассуждаю,
Что мне делать из работ
Непосильная, я знаю, —
Двигать шкаф или комод
А посудомойная,
Мусорвыносившая,
Пылевытиральная —
Это все посильная.

Но пока я рассуждала,
По квартире бегала,
Всю посильную работу
Мама переделала.
И кругом —
Какая жалость! —
Непосильная осталась.

Тополь

Маленький тополь ладошкой прохладной
Высокое небо хотел потрогать.
Не доставал и думал — ну ладно,
Вот новой весной подрасту немного!
Он рос до окошка, потом до крыши,
До телевизионной антенны над домом,
А небо все уходило выше,
Оставаясь таким же: совсем незнакомым...
В отчаяньи вверх однажды он прынул
Всею своей

зеленой громадой.
На мир большой
удивленно глянул
И понял, что небо
всегда было рядом.

Что думает береза про меня

Стоит береза,
Голову
От ветра наклоня.
Что думает,
Что думает
Береза про меня?
Она, наверно, думает:
«Вот если б я могла,
То вместе с этой девочкой
Венки бы я плела,
На речку с нею бегала,
Валялась на песке,
Две крупных земляничины
Нашла б на бугорке».
А вдруг береза думает
Совсем наоборот!
Стоит себе и думает:
«Вон девочка идет.
Глядит,
От солнца жмурится,
Глядит,
Как я стою,
Глядит,
Не налюбуется
На красоту мою!»
Стоит береза,
Голову
Тихонько наклоня.
Хочу я, чтобы думала
Береза
Про меня.

Человек с

Вот такая история: приходит ученик на урок химии. Впрочем, это вполне мог бы быть урок физики или, скажем, литературы. Садится за стол, достает учебник, тетрадь, ручку. Учитель постукивает мелом по доске, объясняет, формулы выписывает. Кругом одноклассники, тоже пишут, на вопросы учителя отвечают, сами о чем-то спрашивают. Я говорю «о чем-то», потому что, О ЧЕМ ИМЕННО они спрашивают, человеку непонятно, и что означают формулы на доске, он, прямо скажем, тоже не знает. Но сидит человек, сосредоточенно склонившись над тетрадью, и переписывает в нее с доски непонятные формулы, чтобы не привлекать к себе внимания ничегонеделанием. Купрум, плюмбум, ангидрид, фталазол, фенолфталеин, традесканция... Все ему едино! А со стороны поглядишь — все в порядке, вроде учится человек, не шумит, в окно не смотрит, товарищей не отвлекает... А тут и звонок на перемену. Переменку человек любит, даже очень. Переменка — это отдых. А он устал. Ведь если честно, это очень трудно — ничего не делать, вернее, делать вид, что ты делаешь, когда ты ничего не делаешь.

И так сорок пять минут, и еще сорок пять, и еще. Урок за уроком. Место у человека спокойное: между китайской розой и шкафом с лабораторной посудой — на последней парте. Не видно его там и не слышно.

Скучно ему? Наверное, когда-то было скучно и даже очень. Ведь не может же нормальный, любопытный к жизни мальчик (или девочка) не скучать и не мучиться, если ему каждый день, час за часом, урок за уроком

приходится делать одно и то же, а именно — ничего не делать! Поглядите на малышей... Трудно представить малыша, который изо дня в день, из часа в час строил бы одни и те же похожие домики или одно и то же рисовал. Нет, человеку, самому маленькому, обязательно хочется что-то изменить, выдумать, усовершенствовать или вообще изобрести такое, чего и на свете никогда не было. И пусть со стороны кажется, что изобретает он всем известный велосипед, но он его **изобретает**, а не копирует то, что существовало на свете и без него. И сам при этом меняется, и растет, и делает шаг к тому, чтобы стать личностью.

Так какое же это несчастье, если в один совершенно не прекрасный день ему станет скучно, и он заставит себя поскучать, и еще заставит, и еще... А потом это так станет для него привычно, что и заставлять себя не надо будет. Кто бы другой поглядел, сказал: «Со скуки умереть можно!» А он: «А что? Нормально, порядок!»

Знаем мы таких людей? К сожалению, знаем. И вы, ребята, в своем отряде, классе их встречаете, мы, взрослые, на работе их видим. Потому что взрослые иваны ивановичи (помните сказку Эдуарда Успенского про Чебурашку), которые бессмысленно изо дня в день, нисколько при этом не скучая, перекладывают бумажки на своем столе, вырастают именно из таких ничего не делающих и нисколько при этом не скучающих учеников.

«Нормально», — говорят они. Но мы-то с вами должны очень хорошо понимать, что нисколько это не нормально. Да они и сами об этом догадываются.

«Когда я получаю пятерку, некоторые мои одноклассники дразнят меня «профессором»,—пишет ученик пятого класса Слава Рябой из села Шебутенцы Черновицкой области.—А я думаю, лучше выучить урок, чем сидеть в классе дурак дураком!»

Не могу сказать точно, похожи ли Славины приятели на ученика, о котором шла речь, думаю, в чем-то похожи. И Славин энергичный ответ мне лично нравится—он по существу. И еще я думаю, если дразнятся, то непременно, значит, завидуют, потому что, как бы ни уверял себя человек с Последней парты, что все в порядке, не может он не завидовать другим, на него непохожим.

И хорошо, если бы из этой зависти, из соперничества, из соображений «а я чем хуже!» поглядели бы они однажды на мир не безразличными глазами и почувствовали желание изменить что-то и в себе, и в нем.

том, чтобы они выросли прекрасными, ооразованными людьми; лечить больных, не интересуясь тем, выздоровеют они или нет... Ибо состояние, о котором идет речь, именуется творчеством. И ни Балериной, ни Рабочим, ни Врачом стать без него нельзя. Нельзя. Можно, правда, так называться. Но люди всегда обман угадывают. И наказывают обманщиков своим презрением.

С чего же начинается в человеке сон души? Я думаю, с непонимания. Однажды в подмосковном городе Калининграде на сборе пионерского актива стали ребята говорить о том, как они понимают слова «Работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня». А один мальчик решил нарисовать. Получилось три картинки.

На первой—мальчик в красном галстуке возле небольшой горки металлолома, на второй—тот же мальчик, но горка побольше, и на

последней парты

Хотя, сказать честно, чудесных превращений не бывает. И человеку, душа которого ленится, чей ум не привык к работе, невозможно переродиться вдруг, вдруг стать иным. Сердце и ум нуждаются в работе ежечасной, а если ее нет, то тогда... Тогда, даже если человека с Последней парты вдруг посещает великая мечта, ему очень трудно воплотить ее в жизнь. А ведь он наверняка тоже мечтает, и его мечты непременно начинаются со слов: «А что, если бы вдруг!..»

«Я мечтаю стать балериной. Но у меня нет тапочек, которые надевают настоящие балерины. Достаньте мне такие тапочки, напишите, как с ними обращаться, как надевать их и т. д.»,—пишет одна девочка из поселка Жанатурмыс Уральской области.

Человеку с Последней парты всегда кажется, что исполнение его желаний зависит от вещей, от него лично не зависящих,—волшебных палочек, положения звезд на небе, наличия тапочек—только не от собственных усилий.

Пришлет редакция журнала пуанты—стану балериной, не пришлет—на нет и суда нет, не довелось балериной стать. А ведь вскользь брошенное «т. д.» может заключать в себе вещи, заполучить которые потруднее, чем тапочки. А именно: волю, талант, трудолюбие. И то самое, совершенно неизвестное человеку с Последней парты состояние души, при котором не смог бы скучно и бессмысленно записывать одни и те же формулы, ничего в них не понимая; вытачивать одну и ту же деталь не лучше и не быстрее, чем вчера, а точно так же, как десять лет назад; учить детей, не мечтая о

третьей—улыбающийся мальчик и огромная, во весь лист горища металлолома. И подпись «Без слов». Но мне показалось, что слова нужны обязательно. Прежде всего потому, что не все в жизни так просто, как в сборе металлолома. И улыбающийся мальчик должен не только улыбаться, собирая металлолом, но и обязательно ПОНИМАТЬ СМЫСЛ И ЦЕЛЬ СВОЕГО ТРУДА. Во-первых, для того, чтобы труд его был успешен. И во-вторых, чтобы другие, более сложные дела, за которые он в жизни примется, были ему по плечу. Непонимание—грозная вещь.

И масштабы непонимания разные. Не понимать формулы, которые записываешь в тетрадь, не понимать, зачем изо дня в день ходишь в школу... Это еще самое начало, когда человеку можно и обязательно нужно помочь. Потом не понимать, зачем каждый день ходишь на работу, в чем смысл и необходимость для других твоего труда. И не понимать в итоге задач, стоящих перед людьми, обществом, государством. И тогда происходит печальная вещь—человек без радости ждет наступления завтрашнего дня, ведь новый день—это непонятная, ненужная, немилая ему работа, учеба ли в школе, работа ли у станка или за письменным столом.

«А что? Нормально, порядок»,—думает он. Но мы-то с вами должны знать, что никакой это не порядок, а самый настоящий беспорядок. Счастливо-то живут люди иные, каждый день которых прекрасней предыдущего. Ведь их работа—творчество, и только оно делает дни прекрасными.

И. ХРИСТОВАЯ

Арифметика в подъезде

У нас покрасили подъезд. Светлые нежно-зеленые стены, сочно-коричневый бордюр у пола. Такой же краской—двери. Потолки белые-белые, побелки не пожалели.

Зашли ко мне в гости знакомые. Говорят, с трудом дом узнали, раньше он казался старым, мрачным, а теперь радостный, как весенний день.

Да, раньше у нас подъезд грязноват был. Окно на лестничной площадке разбито, беленая стена на уровне человеческого роста грязными руками захватана. Так и видишь этого человека, который бежит вниз по ступенькам, а чумазым пальцем по побелке ведет, серые борозды оставляет. Но это еще что, вот у моих друзей дом...

Стекла в подъездной двери выбиты. Какая-то сердобольная душа дыры картонками забила, чтоб не дуло. Лифт—войти страшно! Пластик, которым кабина внутри покрыта, почти весь содран, а на тех клочках, что остались, расписались, наверное, все мальчишки микрорайона—каких только имен там нет!..

Знала я одного пятиклассника, который трехлетнюю сестренку до слез довел. За то, что она в углу, куда ее в наказание поставили, новые обои пальчиком ковыряла. А сам остроу перочинного ножичка на перилах в подъезде проверял. И таких примеров, я думаю, каждый из вас десятки может привести, когда **свое** берегут, а **общественное** портят и стыда при этом не чувствуют.

Но, с другой стороны, вспомните, как чисто в метро. Ведь никто из нас не может сказать, что метро—это мое, собственное, а относимся мы к нему

бережно. Никому и в голову не придет бить в метро лампочки или царапать стены ножом. Значит, дело тут не только в чувстве собственности.

Совестно нам безобразничать при людях, в метро, когда мы на виду. Хорошо бы, наша совесть не дремала, и когда мы остаемся в подъезде одни.

Совесть иногда может быть понятием экономическим. То есть совесть, а вернее, бессовестное отношение к подъезду можно выразить в рублях.

Чтобы побелить потолки в подъезде пятиэтажного дома, надо истратить 13 рублей. Покрасить стены—198 рублей. Заменить разбитые плитки на полу—400 рублей. Вставить выбитые стекла—17 рублей. Новый поручень перил—92 рубля.

$$13р + 198р + 400р + 17р + 92 = ?$$

Сколько стоит ремонт твоего подъезда? А всех подъездов дома?

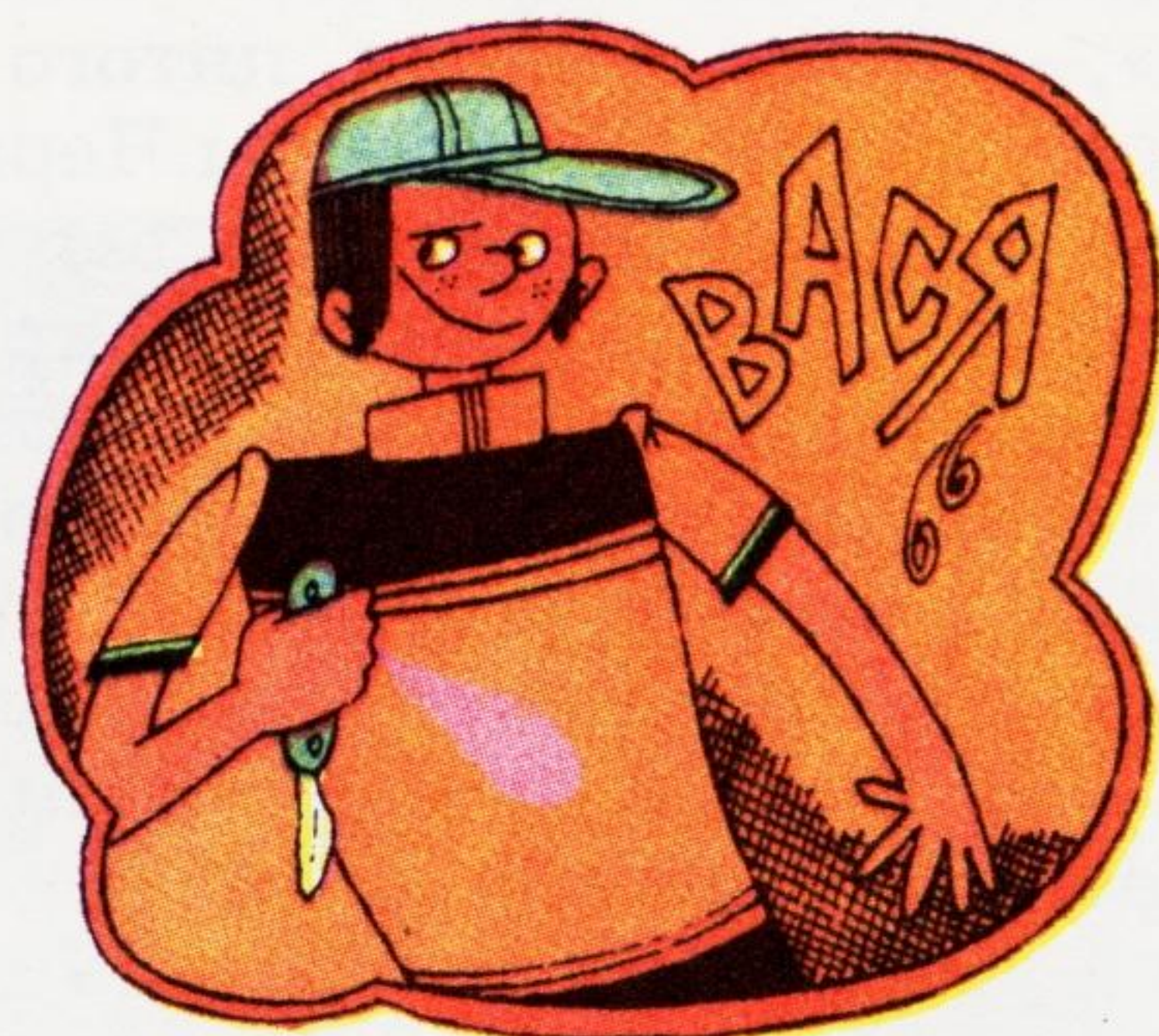
Ты живешь не в пятиэтажке, а шестнадцатиэтажной башне? Можно посчитать стоимость ремонта и такого подъезда. Вычисли, сколько стоит ремонт одного этажа подъезда, умножь на число этажей дома и прибавь 65 рублей за косметический ремонт кабины лифта.

$$720р : 5 = 144р.$$

$$144р \times 16 + 65р = ?$$

А теперь выйди и взгляни на свой подъезд.

М. МАТВЕЕВА

Татьяна ПОЛЯКОВА

Артист

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Когда нашему третьему «Б» объявили, что к нам пришли шефы-пограничники да еще привели с собой овчарку, класс взорвался от восторга. И я кричал «Ура!» вместе со своим соседом по парте Вовой Крошкой.

Смешная фамилия, правда? И действительно, Вова у нас в классе самый маленький, чуть ли не на голову меньше меня. Он все время ходит с книжкой. Мы на перемене во двор бежим, а Вову из класса не вытащишь. Достанет из портфеля «Робинзона Крузо» и просидит себе за партой всю перемену.

Вот почему я удивился, что Вова обрадовался приходу пограничников. Я думал, кроме книжек, его вообще ничего не интересует.

Учительница Нонна Федоровна велела нам не шуметь и сообщила:

— Сегодня последний урок мы проведем на улице.

На школьном дворе к нам подошли два пограничника с громадной серой овчаркой.

— Здравствуйте, ребята! Давайте знакомиться, — сказал пограничник с тремя золотыми ленточками на погонах. — Я сержант Сабилов, инструктор-собаковод, а это мой помощник, рядовой Синичкин. А вот этого красавца зовут Артист. — Он показал на собаку. — Представься, пожалуйста!

Артист высоко задрал морду и два раза громко гавкнул. Мы засмеялись: здорово представился, будто по слогам сказал: «Артист!»

Но инструктор был серьезен:

— Артист не случайно носит такое имя. В своем деле он действительно артист, да еще и заслуженный! У него немало наград за отличную службу на границе. Мы их просто с собой не взяли — не любит мой друг особых почестей... А сейчас вы увидите, как пограничная собака находит по следу и задерживает нарушителя границы. А «нарушителем» у нас будет мой помощник.

Рядовой Синичкин весело подмигнул нам и легонько наступил на краешек цветочной клумбы. Затем он быстро зашагал по аллее и скрылся в кустах.

— Пока «нарушитель» запутывает след, — сказал инструктор, — посмотрите, как Артист умеет выполнять различные команды.

Артист оказался настоящим молодцом — не ошибся ни разу. Например, инструктор говорит: «Лежать!» Пес ложится на землю и голову кладет между передними лапами. «Ползи» — ползет, «стоять» — вскакивает на ноги, будто пружиной подбро-

шенный, «голос» — лает. Оказывается, команды ему можно подавать и жестами, и он все исполняет в точности!

Потом инструктор взглянул на часы и сказал: — Пора! Давай работать, Артист!

Пес прямо заплясал от нетерпения, часто перебирая лапами. Сержант защелкнул на его ошейнике длинный поводок. Потом подвел собаку к клумбе, на которую наступил «нарушитель».

— Артист, след, ищи! След! След!

Артист обнюхал след да как рванется в ту сторону, куда ушел рядовой Синичкин. На поводке за собой сержанта потащил. Только они исчезли за кустами, как с другой стороны на школьный двор вошел «нарушитель».

— Ну, — говорит, — придется им побегать. Я не только вокруг школы прошел, но и по улицам прошел!

Он вытащил из рюкзака специальный тренировочный стеганый халат с капюшоном и стал его надевать.

— Как вы думаете, ребята, справится Артист с задачей? — спрашивает Нонна Федоровна.

— Справится! — кричим.

— Не справится, — говорит Саша Маханьков.

— Почему ты так считаешь? — удивилась Нонна Федоровна.

— Потому что по этим улицам после «нарушителя», знаете, сколько людей прошло! Там уже от его следов ничего не осталось. Все затоптали.

— Логично, — согласилась Нонна Федоровна.

Но тут Вова Крошка опять меня удивил — как автомат затрепал, даже заикаться начал от волнения:

— Н-ничего п-подобного! Я читал, что...

Но мы не успели узнать, что читал Вова, потому что из кустов, откуда только что появился «нарушитель», выскочил Артист. За ним еле поспевал запыхавшийся сержант Сабилов. Рядовой Синичкин бросился бежать, на ходу затягивая капюшон. Инструктор остановил собаку и отцепил поводок от ошейника.

Почувствовав свободу, Артист в несколько прыжков догнал «нарушителя» и вскочил ему на плечи. «Нарушитель» упал. Пес вцепился зубами в капюшон, стал сильно трясти бедного Синичкина и прижимать к земле до тех пор, пока тот не замер. Тогда Артист положил на него свои мощные передние лапы и громко победно залаял. Инструктор подбежал к собаке и прицепил к ошейнику поводок.

— Хорошо, Артист, хорошо! — произнес он, выделяя букву «р».

Достал носовой платок, вытер мокрый от пота лоб. Отвел Артиста подальше от «нарушителя».

Рядовой Синичкин поднялся с асфальта, стал отряхивать и снимать тренировочный халат. «Вот, — думаю я, — натерпелся, должно быть, страху! Зубы-то у Артиста — ого-го!» А Синичкин как ни в чем не бывало китель свой поправил, фуражку надел и улыбается!

— А что ваш Артист еще умеет? — спрашивает Вова Крошка.

— Многое, — отвечает сержант, — умеет, например, находить украденные вещи и похитителей.

— А вы нам это можете показать? — разохотился Вова.

— Отчего бы и нет.

И, конечно, никто не мог ожидать того, что произошло дальше. У Вики Рябушкиной вдруг покатались слезы, и она тоненько запищала:

— Ой, не надо, пожалуйста, не надо!

— Что не надо? — недоуменно посмотрел на нее сержант.

— Вика, что с тобой? — встревожилась Нонна Федоровна.

— Пожалуйста... не надо искать... — всхлипывает Вика. — Я больше не буду-у!..

Вика открыла свой портфель и достала оттуда книжку из серии «Библиотека приключений».

Тут открывает она свой портфель и достает книжку из серии «Библиотека приключений».

— «Похитители бриллиантов»! — ахнул я. Эту книжку я сразу узнал: ее Крошка на урок внеклассного чтения приносил.

— Вова, прости меня, я у тебя без спроса книгу взяла, — сказала Вика. И добавила чуть слышно: — Почитать...

— Стащила, значит? — съехидничал Саша Маханьков.

Вика заплакала так, что кудряшки у нее на голове затряслись.

— Выбирай выражения! — возмущенно сказал Саше Вова Крошка. — Она бы все равно рассказала. Ведь правда, Вика, сказала бы?

— Вообще-то я собаку испугалась, — признается она. — Но я бы и без нее...

— Вот видите, ребята, — улыбнулась Нонна Федоровна, — оказывается, пограничный пес может не только нарушителя поймать, но и честности научить кое-кого. Bravo, Артист! Спасибо, товарищи пограничники!

И весь наш класс вместе с Нонной Федоровной долго аплодировал — у меня даже ладони заболели.

— Знаешь, — сказал мне по дороге домой Вова, — я теперь мечтаю воспитать настоящую пограничную собаку. Папа обещал щенка подарить. Хочешь, будем вместе его воспитывать?

И мы скрепили наш уговор крепким мужским рукопожатием.

ВСЕГДА С ПИОНЕРАМИ

Юрий Михайлович Чичков, лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств РСФСР, частый гость у юных ленинцев. Тысячи километров проехал и пролетел любимый композитор советских ребят по нашей стране. Каждая встреча с ним — это радостный праздник, это новые песни.

Тысячи писем приходят из разных уголков нашей страны в «Пионерскую зорьку», журнал «Пионер» и «Пионерскую правду». О чем пишут ребята?

«Мне очень понравилась песня о Клаве Назаровой. И маме тоже. Она слушала ее и плакала. Клава была маминой вожатой. Мама видела ее и разговаривала с ней накануне ареста. И видела казнь героини... Хотя мама была маленькой, она многое запомнила и рассказала мне». Марина Божанова, г. Пермь.

«Мы хотим, чтобы песня «Одноклассники» стала нашей отрядной песней. В ней хорошо говорится о дружбе между мальчиками и девочками». Пионеры пятого класса московской спецшколы №3.

«Мамин вальс» готова слушать каждый день. Пусть ребята чаще приглашают своих мам танцевать». Таня Лиходед, Львовская область.

«Ваши песни наполнены светлой радостью. Услышишь знакомую мелодию, и хочется сделать что-то необыкновенное, хорошее для мамы, для товарищей, для школы, для всей страны». Оля Оларь, Молдавская ССР.

«В отряде мы разучили много песен Чичкова — «Берем с коммунистов пример!», «Мы верная смена твоя, комсомол!», «Старты надежд», «Лесной марш». А песню «Непослушный медвежонок» я разучила с октябрятами». Светлана Понтева, Крымская область.

Шесть десятилетий минуло с тех пор, как в Сокольниках у пионерского костра прозвучала первая пионерская песня — «Взвейтесь кострами, синие ночи!», чтобы навсегда остаться в пионерском строю. Тебе, юный друг, повезло: для тебя создан удивительный песенный мир нашими замечательными композиторами Дмитрием Кабалевским, Исааком Дунаевским, Аркадием Островским, Александрой Пахмутовой и многими, многими другими. В этом ряду свое достойное место занимает лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Михайлович Чичков. И когда его песни звучат по радио, исполняются на концертах, то все, кто носил в детстве красный галстук, невольно вспоминают своего первого вожатого, первую учительницу, увлекательные походы и веселые игры.

Песни Ю. М. Чичкова отличаются глубокая лиричность и

высокая гражданственность, неподдельная искренность и тонкий юмор, огромная любовь к Родине и самым юным гражданам Страны Советов. Композитор всегда с пионерами. Если сложить вместе все километры преодоленных Юрием Михайловичем дорог по земле, по воде и по воздуху, то получится семизначная цифра. О нем можно сказать: он всегда в пути, всегда с вами, дорогие ребята. Его встречали на далекой Чукотке, когда открывался Дворец пионерской мечты. Там впервые прозвучала песня об «Операции «Чукотка». Он был на слете школьных лесничеств на Брянщине, и там ребята впервые услышали звонкий «Лесной марш». Он крепко дружит с артековцами. И на каждом празднике — «Салют, Победа!», «Пусть всегда будет солнце!» — звучат его добрые песни. Делегаты многих партийных и комсомольских съездов встречали юных ленинцев во Дворце съездов под звуки песен Ю. М. Чичкова.

Песни композитора Юрия Михайловича Чичкова летят над страной. Их поют миллионы юных ленинцев. Эти песни навечно в пионерском строю. Творчество Ю. М. Чичкова достойно высокой награды — Государственной премии СССР.

С. ФУРИН.

Саша **ТУРУНКИН** живет в городе Балаково Саратовской области.

Вот опять я дома

Вот опять я дома,
Все родное рядом.
Луг, давно знакомый,
Ветхая ограда.
В теплом солнце зреет
Добрая пшеница.
У пруда белеет
Уток вереница.
В роще птицы свищут,
Гонят к речке стадо...
Вот опять я дома,
Все родное рядом!

Утро

Мне сказала мама:
«Сколько чуда рядом!
Вот березка — прямо
Над крутым оврагом.
Солнце нежно льется
В каждое оконце.
Девочка смеется
Около колодца...»
Я взглянул на маму,
Тихо ей ответил:
«Самое большое
Чудо — ты на свете!»

Любе **ЗДРУК** 10 лет, она из города Североуральска Свердловской области.

Грибы

Я взяла корзинку
И пошла в лесок.
Вышла
на полянку —
Там один грибок!
А на пне опять
Весело растут.
Славные ребята!
Как их много тут...
Набрала в корзинку
Я опять простых
И пошла тропинкой
Мимо трав лесных.
Вот красноголовики,
Выстроясь в рядок,
Из-под шапки искоса
Смотрят на цветок.
На цветочке бабочка
Пестрая сидит,
Машет она
крыльями —
Прямо вот взлетит!
Я в лесу не стала
Бабочек ловить,
Я домой бежала
Суп грибной варить.

«ДЕТСКАЯ
ПЛАНЕТА».

Эвелина
ГЕОРГИЕВА,
14 лет,
Народная
Республика
Болгария.

Миша **МЕЖУБОВСКИЙ** из города Стаханова Ворошиловградской области отдыхал в Крыму и написал там стихи.

Ночь в Крыму

Горы тучами закрылись,
Затаились хмуро.
Ты теперь на их вершинах
Не увидишь туров.
Туры спрятались в ущелья
И лежат там тихо.
Где-то на вершине горной
Дремлет соколиха.
Сон идет между горами,
Шагая неслышно.
И в садочке рядом с нами
Засыпают вишни.

Лена **УСТИНОВА** живет на станции Маргуцек Читинской области.

Джейран

Звезды меркнут, гаснут звезды,
И редуют облака.
И слегка щекочет ноздри
Запах красного цветка.
Выйду в поле очень рано
И увижу в полутьме
Круторогого джейрана
На сиреневом холме.

Стихи Наташи **КУДРЯШОВОЙ** из Костромы.

Грибные дожди

Как я люблю дожди грибные,
Когда на небе солнца луч
И капли — искры золотые —
Из маленьких пушистых туч!

Все вместе: солнышко, и дождик,
И лужи с теплою водой...
Бегут по лужам ребяташки,
И дождь струится золотой.

Веселый дождь прошел внезапно,
Оставив капельки свои.
А их, толкаясь и щипаясь,
Клюют, как крошки, воробьи!

Вдруг разноцветные ворота.
Я через них скорей бегу.
Вот только жаль, конца и края
Я почему-то не найду.

«ДРУЗЬЯ». Ира БОБКОВА, 9 лет.

«Решилась написать вам и предложить маленький рассказ о моей любимой Туркмении. Я живу на окраине Ашхабада, и буквально за дорогой начинаются пески. Я часто встречаю рассвет и решила описать его». Эвелина КОСОГОВА, 8-й класс.

Рассвет в пустыне

Кто как, а я больше всего люблю нашу пустыню Каракумы — мои черные пески.

А они совсем не черные, а красные, белые, желтые, зеленые! Красивее всего Каракумы утром.

Вот потихоньку серое небо становится чище, расцветает, как роза. Вскоре на горизонте появляется пунцовая полоса. Она растет, захватывает багровым пламенем темные лица и плечи богатырей Копет-Дага, окрашивает грязно-желтые барханы в цвет любимого туркменами камушка для украшений — сердолика. Каждая травинка-былинка тянется в ожидании на восток. И, наконец, лениво выплывает солнце с заспанным лицом. Утренние росы омывают его, и, цепляясь за зубцы гор, оно быстро движется вверх, заливая своей добротой мир, в котором я живу.

Наташа БОБЫЛЕВА живет в Ленинграде. Она увлекается водным спортом и лето провела на озере Вуокса.

Из письма Наташи: «На Вуоксе я училась ходить на байдарке, здесь я сделала первые шаги в этом виде спорта, и поэтому озеро особенно дорого мне. Учила меня моя сестра. Многое у меня поначалу не ладилось: я три раза перевернулась. Моя сестра всегда говорила, что любой вид спорта, как куст шиповника: пока доберешься до цветка — исколешь все руки, но зато потом поймешь, что все старания и усилия были приложены не зря.

И успех пришел! В соревнованиях по водному слалому мы на байдарке-двойке заняли II место.

Вот почему мне так дорога Вуокса».

Прощание с Вуоксой

И снова я с тобой, Вуокса,
Твое дыхание ловлю.
За все, что ты мне подарила,
Тебе спасибо говорю.

За дождь, за ветер и за волны,
За пенье ласковой струи
Прими, Вуокса, дар прощальный,
Цветок шиповника прими.

Вот стало солнце над водою,
И ветер дремлет на песке.
Летит байдарка над волною,
Послушная моей руке.

Нелегко путь к вершинам спорта,
Как куст шиповника, колюч.
Но, как бы трудно
ни пришлось мне,
Победы все равно добьюсь.

Мне радость наполняет сердце —
Летит байдарка, так легка!
Но грустно все равно, Вуокса,
Разлука наша уж близка!

Ну что ж, Вуокса, до свиданья.
Да, «до свиданья» — не «прощай».
Я слышу, как мне волны шепчут:
«Сюда еще ты приезжай!»

ВЯТСКОЕ КРУЖЕВО

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 8.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Льняная бабочка

Ночью сквозь сон Сережа слышал, как у него гудят ноги. Еще были шорохи и шаги, но проснуться и узнать, кто это, не хватало сил. Потом мимо него пронесли что-то, задевая о пол, и мальчик проснулся.

Над ним склонялся дедушка и спрашивал:

— Сергей!

— Ну.

— Вазелин не знаешь где?

— Не в посуднике ли?

— Как он туда попал?

— Ты его туда кладешь.

— Я? Совсем обеспамятел, непутящий. Надо же, куда я его запрятал!.. Другого места нет, что ли?

Не зажигая света, дедушка долго гремел посудой в посуднике, пока не нашел искомое, и ушел в переднюю избу, бормоча под нос:

— Не дом, а содом.

Позевывая, Сережа лежал в темноте с открытыми глазами и видел в окно часть полночного неба, а наискось через него — Млечный Путь. Звезды в нем бежали, и мальчик глубже залезал под одеяло, потому что знал: звезды бегут — быть ветру. Ветер уже начался. Покачивались створки окна, и под навесом, несмотря на руководящий басок пехуха, беспокойно переговаривались куры.

Кому дедушка-то вазелин понес?

На цыпочках по холодному полу мальчик прошел в сени.

Из двери в переднюю избу падал желтый свет. В нем возникла фигура дедушки, большая и угластая.

— И не думайте и не расстраивайтесь, Лидия Александровна, — увещевал дедушка. — Не до свадьбы — завтра же к вечеру все пройдет.

— Я расстраиваюсь, — говорила женщина.

— Вот это напрасно! — убеждал дедуш-

ка. — Это ни к чему. Другой раз три загара за лето сойдет, и мы только крепчаем!

— Три загара?!

— Три загара. А что такого? Три загара, и никто еще не умирал...

Сережа спрятался под быстро нахолодавшее одеяло, когда мимо него прошел дедушка, и по одному его дыханию было ясно, что старик доволен и ему хочется поделиться своими суждениями о квартирантах и о жизни вообще.

Дедушка сказал, чтобы слышал Сережа:

— Девушке спину напекло. Так, маленько! Красноты-то настоящей нет. А шуму-то, шуму-то!

Поскольку Сережа молчал, дедушка подождал, а потом продолжил:

— Мы с тобой, сынок, молчком болеем...

Озаряя навес и двор, вспыхивали зарницы, а грома не было, и, звеня стеклами, хлопали створки окна.

Дедушка закрыл их, долго раздевался, укладывался, заснул и во сне, как человек, бывший на войне, раненый и контуженый, разговаривал сам с собой:

— Жизнь-жизнь.

Или:

— Беда-аа...

Или еще:

— На риск иду, мужики.

Причем слово «риск» он произносил по-своему: «рыск». Так, по его мнению, было убедительнее и, если хотите, интеллигентнее.

В такие минуты до спазмы в горле мальчик жалел дедушку, и ему хотелось разбудить его, растолкать и сказать:

«Не спи, пожалуйста. Чего я без тебя буду дела-аать?»

Но по-другому дедушка спать не умел, и мальчик не будил его: пусть хоть так отдохнет. Сережа знал, что в груди у дедушки, недалеко от сердца, сидит осколок немецкого железа — сорок лет сидит и не растворяется в

живой соленой крови. Вынуть бы его — легче бы стало дедушке, ой, легче. Да врачи говорят:

«Ни в коем случае!»

А не ошибаются ли они?

Был бы мальчик врачом, он обязательно вынул бы ненавистный осколок, и полегчало бы старику...

А в окне, высвечивая каждую травинку, загорались и гасли молчаливые молнии с ветром и предвещали ненастье.

Сережа не заметил, когда заснул, и проснулся оттого, что дедушка напустил в избу сырого воздуха и с пристуком поставил на стол ведро с молоком, только что из-под коровы.

— Когда ты успел надоить-то? — как можно ласковой спросил Сережа, на что дедушка, процеживая молоко, промолчал, вкладывая в свое молчание укор:

«Я-то надоил, а ты? Вставать-то собираешься или нет? Кроме нас с тобой, в этом доме работать некому, и еда сама на стол не придет».

А внук не захотел понимать укора, остался лежать под одеялом, и дедушка взорвался:

— Сергей!

— Ну.

— У тебя, кроме спанья, никаких срочных делов нету?

— А что?..

— Не в службу, а в дружбу: отнеси молоко квартирантам.

Мальчик полежал и спросил:

— Так неумытому идти в гости?

— Это — дело хозяйское.

Мальчик нехотя встал, умылся под рукомойником, взял в обе руки теплую кринку с молоком и попросил дедушку:

— Еще плесни молока.

— Зачем?

— Чтобы молоко шапкой стояло!

Дедушка долил молока, надел тяжелый, как из железа, плащ и сказал:

— На озере жерлицы проведу...

— И я с тобой! — загорелся Сережа.

— Ты нынче дома посиди, — попросил дедушка. — В такую погоду хороший хозяин собаку из дому не выпустит. Вон дождик-то чего делает!

И ушел, гремя плащом.

Не сводя с кринки глаз, со сметанно-белой шапки поверх нее, мальчик плечом открыл дверь в переднюю избу и увидел Лидию Александровну, которая сидела за бубном — плела кружево.

— Парное молоко несусь! — объявил Сережа.

Не отрываясь от работы, она шепотом предупредила:

— Муза спит. Сейчас только заснула.

И показала лицом на кровать, где за ворохом одеял девочки не было видно.

Видя, что мальчик держит кринку на весу, она сказала:

— Поставь на стол.

Мальчик поставил молоко рядом с букетом цветов в стеклянной банке. Вода в банке была

желтой, а цветы завяли, и белая лилия тоже, кроме таволги, которая расцвела еще пышнее, расточая сладкий запах.

«Никак таволга их погубила? — подумал Сережа. — Надо бы вчера сказать, что коровы не больно ее едят, и ставить таволгу лучше в отдельную банку... Да откуда я знал? Мы букеты не берем».

— Ка-аак Муза мучилась! — говорила женщина. — Она всю спину сожгла. А ты?

— Мы привычные, — ответил Сережа и зашел сбоку бубна, чтобы лучше видеть работу и лицо кружевницы. Глаза у нее были сосредоточенные и сонные, то ли от недосыпа, то ли от долгого старания. А пальцы с колобочками на суставах потемнели, были старше ее и жили своей отдельной жизнью: они быстро-быстро перебирали коклюшки, пощелкивали, побрякивали, звенели ими, и видеть и слышать это на первых порах было хорошо. От коклюшек шли блестящие нити, и на бубне, на заранее нарисованном рисунке — сколке, на латунных булавах эти нити из льна сплетались в узор. Время от времени кружевница продергивала нити крючком-плетешком, и он сновал между ними быстро-быстро, как ласточка в сарае между лучами солнышка.

В пощелкивании коклюшек да и во всей этой работе было нечто однообразное, не рассчитанное на длительное слушание-созерцание, и Сережа собрался уйти, как женщина сказала:

— Ты можешь разговаривать со мной.

— О чем? — спросил мальчик.

Стрекоча коклюшками, она погасила улыбку и ответила:

— О чем угодно.

Мальчик задумался, о чем бы ее спросить, не придумал и сказал на всякий случай:

— Помешаю ведь...

— Нисколько.

— Да?

— Когда я работаю, я могу разговаривать о чем угодно. И думать обо всем. Не о работе. А, скажем, о том, как хорошо в сосновом лесу.

Не меняясь в лице, она сообщила сокровенным шепотом:

— Я даже петь могу!

Губы ее дрогнули, округлились, и Сережа понял, что на подходе — песня. Он замер, чтобы сквозь стук коклюшек не пропустить в ней ни единого слова, звука или дыхания.

Но Лидия Александровна показала лицом на ворох одеял, нельзя, мол, сейчас петь: девочка спит, разбудим еще, и попросила шепотом:

— Разговаривай, Сережа, только негромко.

Быть букой и молчать все время было неудобно, и после долгих раздумий мальчик спросил:

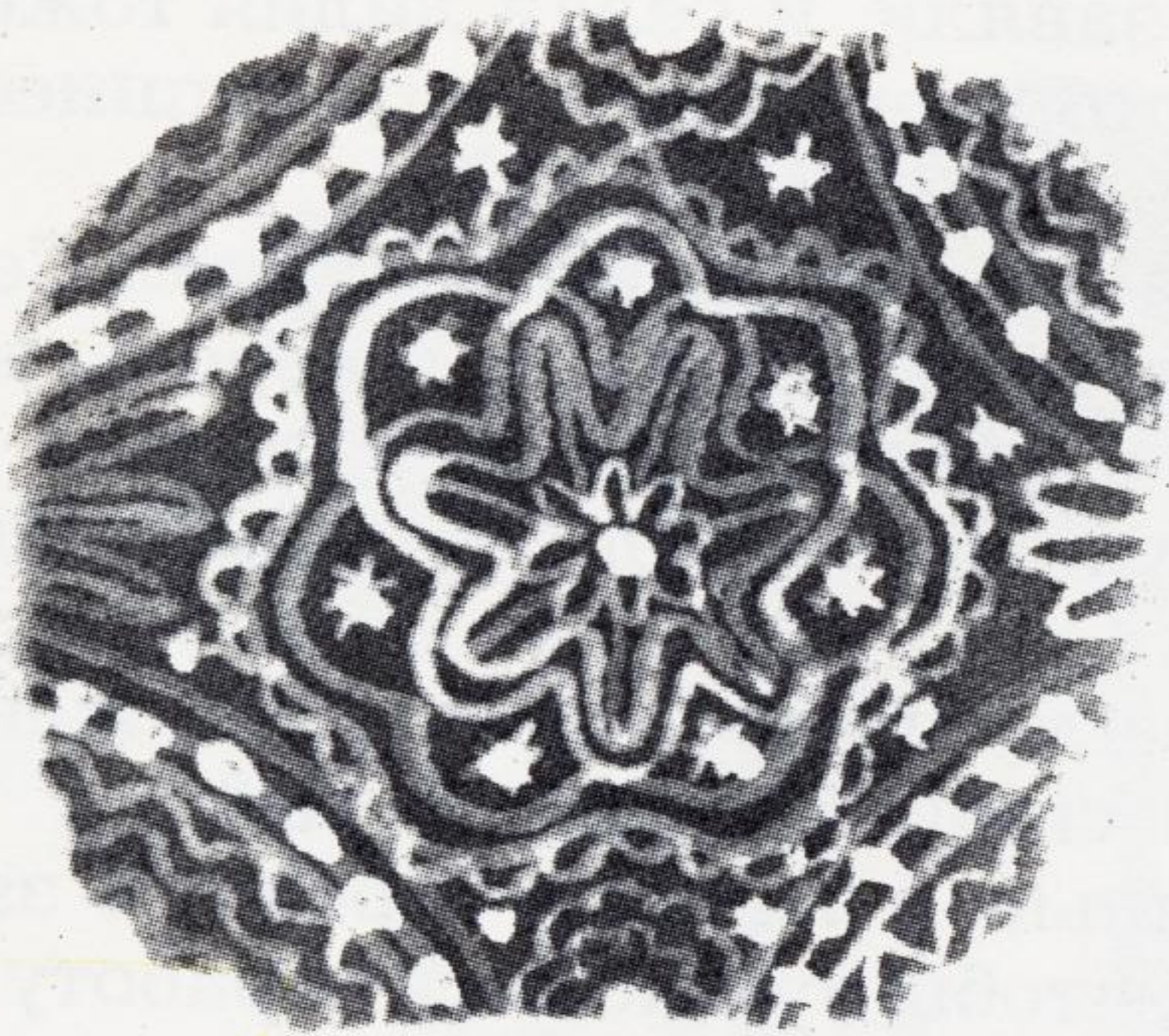
— Вам сколько платят?

— Сдельно.

— Ааа!..

И опять затянулось молчание.

Тогда Сережа стал говорить наугад, без

обдумывания, не зная, к месту это или не к месту:

— Мы, когда маленькими были, первоклассниками, пошли с ребятами рыбу ловить: я, Петр Паратиков и его брат Константин. Он тогда совсем маленький был. И понесло нас через болото. А идти нельзя: засасывает! Мы—назад. А тут что-то большое, черное из-под ног вылетело, и мы бежа-аать! Потом спрашиваем друг друга: «Что мы видели?» Константин ничего не говорит, ревет. Мы его на руках несли. Петр говорит: «Летающего человека». А я говорю: «Ворону». Мне не поверили, а потом с большими ребятами ходили на это место. Там ворона сидела и дохлую рыбу расклевывала. Бли-изко нас подпустила... А другой раз перепугались зайца. Тоже сперва не поняли, кто такой выскочил. Не волк ли?..

Он говорил-говорил, а Лидия Александровна перестала стрекотать коклюшками, закрыла глаза, откинула голову назад, и ее обильные, без приколок, волосы свесились до пояса. Пальцами обеих рук она помассировала у себя шею сзади и спереди, там, где обозначились ярёмные жилы, взбила волосы и опять застучала коклюшками.

Мальчик спросил с сочувствием:

— Больно?

— Что?

— Пальчики.

Она перестала работать, посмотрела на него изумленно и спросила:

— Как ты сказал?

— Я сказал: «пальчики»...

Грубовато-ласковым, как тогда у озера, лесным движением она взлохматилась Сереже волосы и убрала руку, когда услышала, что Муза стонет во сне.

— Что, доченька?—еле слышно спросила она.—Я здесь. Спи, деточка, спи.

Близко наклонилась к мальчику и, обдав молочным дыханием, сообщила счастливым шепотом:

— Спит.

Дождь постукивал по стеклам, словно птицы клевали зернышки, и от этого сухой звон коклюшек слышался певучим: кто лучше споеет—дождь или коклюшки?

— Пальцы у кружевниц не болят,—рассказывала Лидия Александровна.—У них шея болит... Что нужно кружевнице? Одна—вся в

хлопотах, нет подачи—кружева нет. А другая все разложит по порядку, плести сначала не торопится, а потом так увлечется, расцветет вся, и кружево расцветет! Сережа, можно тебя попросить об одном одолжении?

— Просите.

— Если ты увидишь что-нибудь особенно красивое: цветок, облако, птицу...—покажи мне. Смотри на морозные узоры на стеклах. С дедом-морозом ни одному художнику не сравниться. Откуда он берет эти линии, этот блеск, я не знаю. Кто его учитель... а без учителя нельзя!.. Не представляю. Если встретишь интересный рисунок на стекле, покажи мне его.

— Зимой-то как я вам его покажу?

— Зимой?—озабоченно переспросила Лидия Александровна.—Ах, вон оно что: зимой...

Было видно, что она забыла про Сережу и нашла нечто новое в сотворении кружева: торопливо перекалывала булавки, перекидывала нити, и опять, вплетаясь в шум дождя, застрекотали коклюшки.

— Во время работы я обычно пою,—сказала женщина, и мальчик решил, что вот сейчас-то, сейчас-то! Песня обязательно будет, негромкая, чтобы не разбудить Музу, и приготовился слушать, а то и петь. Но вместо песни Лидия Александровна зубами перекусила нитку, вынула из бубна булавки, на которых держалось плетение, сняла с рисунка-сколка готовое кружево и, подержав в руках, подала Сереже.

— Я что-то не пойму,—сказала она,—хорошо получилось или не очень?

А сама воздела обе руки, чтобы от них отлила кровь и они отдохнули, и закрыла глаза.

Лицо ее сразу осунулось и постарело, и на миг Сережа со страхом подумал, что это не Лидия Александровна перед ним, а какая-то другая, незнакомая женщина.

В его руках большая Лыняная Бабочка колыхалась от тайных токов воздуха, что при любой погоде бродили по дому. Она могла выскользнуть из пальцев и улететь на лесные поляны, взмахивая блестящими крыльями, готовыми растаять росой от неосторожного дыхания.

Мальчик вспомнил, как дедушка лечил его росой от простуды и слабости, когда Сережа остался без родителей и ухаживать за ним стало некому.

В овражке за дорогой, где мята была так огружена росой, словно ясной ночью при прибывом месяце из ничего пролился проливень и весь остался на пахучей траве, дедушка снимал с внука все и, прежде чем завернуть в полушубок, вымывал бело-набело: ладонями черпая росу, он мыл мальчику шею, подмышки, грудь, спину, отчего тело горело и светилось.

Или дедушка брал его, слабого, синюшного, на руки, нагнувшись, проносил сквозь неко-

шеную траву — сквозь ядреную, яркую, теплую светлынь-влагу! — и приговаривал:

С гуся — вода.
С лебедя — вода.
А с моего милого —
Вся худоба.
Лети, худоба,
За темные леса,
За высокие горы,
За синие моря.

И худоба отлетала. Тело Сережи, алое, прополосканное в росяной купели, обретало здоровье, упругость и силу, и мальчик, хилый от роду, рос крепче своих сверстников.

Когда это было? Давно. Вот перестал Сережа умываться росой и простудился от купания в Вятке.

Почему он сейчас вспомнил про росу, а не про что другое?

А Ляная Бабочка вырвалась у него из рук и полетела было на свои поляны, но он поймал ее на лету и непроизвольно воскликнул:

— Ой, как хорошо!

— Серьезно?.. — спросила Лидия Александровна и открыла глаза. — Разве это хорошо?..

— Лучше не бывает! — заверил Сережа. Он сиял, и его настроение передалось женщине. Держа за крылья Ляную Бабочку, сплетенную из росы, она поворачивала ее и так и эдак и говорила то с недоверием, то с радостью:

— Спасибо на добром слове... По-моему, совсем плохо не могло быть. Все-таки вещь выставочная! Мы так старались...

А Сережа стоял рядом, ловил ласковость в ее глазах, радовался ей и все чего-то ждал, пока Лидия Александровна не сказала:

— Умираю — спать хочу! Всю ночь не спала. Ступай к себе, Сережа, а я лягу.

Прежде чем уходить, Сережа погладил коклюшки на столе и сказал с сожалением:

— Березовые коклюшки — шахравые.

— Какие?

— Шахравые...

Было видно, что кружевница забыла про Сережу, и опять, вплетаясь в шум дождя, застрекотали коклюшки.

— Это значит «шершавые»?

— Да...

— Шахравые-шершавые!.. Шершавые-шахравые... Ой, Сережа, у меня даже смеяться сил нет! Господи, как я хочу спать.... Ступай, Сережа.

Уходя, он пообещал с порога:

— Мы с дедушкой вам вересовые выточим — гладкие!

После обеда в заднюю избу пришла Муза в толстом фланелевом халатике, заспанным лицом ткнулась в плечо Сереже и пробормотала:

— А мы к вам в гости...

— Милости просим! — обрадовался мальчик. — Спина-то болит?

Она пожаловалась:

— Чешется.

— Это хорошо, что чешется: скоро пройдет.

А я к тебе приходи-и-и!

— Мама мне говорила.

— А ты не слышала?

— Как я могла слышать? Мама говорила, что из-за меня ночью весь дом не спал. Так это совершенно напрасно: я самый обыкновенный человек.

— Я тоже! — обрадованно заверил Сережа.

Она потрянула золотыми неубранными волосами и сказала, наморщив носик:

— Сергей, покажите что-нибудь интересное.

— Пошли на подволоку.

Из сеней по скрипучей лестнице дети поднялись на чердак, где свет пополам с дождем брезжил из двух прорезных окошек по торцам.

Здесь было хорошо. Дождь гудел по всей тесовой крыше, и капли его, просачиваясь сквозь щели, нет-нет да и задевали лица детей. Пол на подволоке (против пожара и для тепла) был засыпан мягкой, как пух, землей. Две кирпичные трубы, длинные, как шеи жирафов, поднимались сквозь крышу, чтобы посмотреть на белый свет и задышать горячим дымом, когда внизу, в горницах, хозяева затопят печи. А каких только диковинных предметов, отслуживших или не отслуживших свое, здесь не было!

Воистину это передать невозможно! Здесь была медная ступа с пестиком, в которой когда-то толкли прежний сахар стальной крепости, крупную камскую соль — бузун и орехи. Около нее притулилась чаруша — плетеное блюдо, почерневшее от времени. А вот плошка для ососков — для молочных поросят. В свое время на ней подавали к столу жареного поросенка, и специалисты говорят, что вкуснее этого блюда человеческое воображение представить отказывается. Здесь было множество других, неведомых ныне вещей, покрытых пушистой пылью.

Сережа показал наверх, где в глиняном гнезде тесно сидели ласточки, и грудки их белели в темноте.

— Почему их так много? — прошептала девочка. — Отцы и дети?

— Я не знаю...

— А может быть, семьями дружат, — рассудила она. — Мы вот ведь дружим семьями!

— Дружим.

Из тайника — из паза между верхним венцом и крышей — Сережа достал главное свое богатство — жестянку со старинными деньгами. Дети рассматривали зеленые «керенки» с поджарыми орлами без корон, синие николаевские пятирублевки. Особой гордостью мальчика была сторублевая ассигнация с белым полем, где на просвет проступал человек с грозными усами.

Мальчик показал его девочке и спросил:

— Узнаешь?

— Я знаю этого императора со всеми его слабостями, — с достоинством ответила она.

— Петр Первый, — сказал Сережа.

Почему-то деньги вопреки ожиданиям мальчика не произвели на Музу большого впечатления. Зато ее заинтересовал ящик без крышки, полный сухого шиповника. Рукавом она стерла пыль с боковин и вслух прочитала надпись:

«Сия колыбель для младенца малого, для усыпания и для просыпания, и чтобы он рос и добрел на ум, учился закону божию, родителей почитать».

— Тут рисуночки всякие, травки, цветочки, — умилялась девочка. — Ты, Сережа, тоже лежал в этой колыбели?

— Говори-и-и, — нехотя ответил он. — Сам-то я не помню. Я рано пошел. А чего разлежиться-то?

— Еще кто в ней лежал?

— Кто? Да мы все по очереди.

— С того века?

— С какого?

— Разумеется, с девятнадцатого!

— Пожалуй, — согласился мальчик. — Можно по годам посчитать. Прапрадедушка. Прадедушка. Дедушка. Папа мой... Да и мы лежали, пока маленькие были... Сейчас в ней шипягу сушим — шиповник. Тоже дело!

— Кстати, — девочка сделала очень серьезное лицо, — мы вам дали книгу почитать. Вы ее читали?

— Нет еще.

— И даже не заглядывали?

Поколебавшись, Сережа ответил:

— Дедушка заглядывал.

— А вы?

— «А вы»... Нам некогда.

— Совсем нет времени?

Внизу в сенях дети услышали шаги и голос Лидии Александровны.

— Давай спрячемся от мамы? — шепотом предложила Муза.

— Давай!

Мальчик схватил ее за руку, и дети на цыпочках прошли за кирпичную трубу и затаились там. Шаги приближались, и почему-то Сережа перепугался этих шагов. Но его страх не был тем страхом, от которого тошно жить, а был он страхом веселым, нарочным, и без него не бывает настоящей игры в прятки.

— Муза! Сережа! Где вы?—спрашивала внизу Лидия Александровна.— Ау-уу!

Глаза детей бедово блестели в темноте.

— Ау-уу! Я вас все равно найду.

На Музу напал смех, и она делала невероятные усилия, чтобы не рассмеяться вслух. Сережа соорудил суровую физиономию, и девочка смеяться перестала.

— Ау-уу! Молчите? Я тоже буду молчать. Посмотрим, кто кого перемолчит. Также мне, молчаливники...

Теперь смех напал на Сережу. Щеки его надувались. Он корчился и чувствовал, что не совладать ему с собой и хохот вот-вот прорвется наружу.

А внизу в сенях Лидия Александровна повторяла на разные лады:

— Молчаливники-печальники!.. Молчаливники-прощальники!.. Молчаливники-начальники!.. Ку-ку!

Дети не выдержали. Они прыснули одновременно, а потом одновременно же засмеялись, взвизгивая от восторга, оттого что теперь можно хохотать вволю, а игра все равно не кончается.

Внизу загремела парадная дверь. Кто-то старательно вытирал ноги на крыльце и, грохоча плащом, вошел в сени. Сережа перестал смеяться и сказал:

— Дедушка пришел.

Дети молча стали спускаться по скрипучей лестнице. Ласточки, белея грудками, смотрели на них из глиняного гнезда и не шевелились.

Вятская история

Дедушка принес на кукане большую зеленую щуку, отчего во всех комнатах запахло сырой рыбой и озером.

Он положил добычу на тесовую лавку, и все обитатели дома опасливо стали ее разглядывать.

У щуки было темно-зеленое прогонистое тело, белое брюхо и костистая, в буграх голова с круглыми, как луны, глазами.

Для Сережи рыба, выловленная в озере, или глухарь, принесенный из леса, были вестниками загадочного мира, о котором ему хотелось узнать побольше. Он заглядывал в щучью пасть и в глаза и думал, что они видели такое, чего ни один человек не видел: подводную горловину — главный живун, откуда поступает живая вода, Щуку с серебряными рогами — властительницу этого провального лесного озера и других его обитателей. Медлительных лещей в кольчугах, выкованных из булатной стали; толстых, как лапти, золотых карасей; изумрудных окуней со слюдяными гребнями, похожих на парусники из пиратских времен; раков немислимых размеров, клацкающих клешнями и умеющих под водой рыть глубокие пещеры... Оттуда, из глубины, эта дедушкина щука видела солнце, луну и

звезды и, надо думать, их отражение на водной глади. Наверное, из озерной горницы звезды виделись особенно большими и приближались к озеру, разговаривали с ним, принимая его за свою сестру — за прозрачную звезду, упавшую с неба в вятские леса и пылающую своим и отраженным светом... Чего только не видела на своем веку эта рыбина, расточающая острый запах водорослей! О, если бы она умела говорить, она бы порассказала такое, чего не прочитаешь ни в одной, даже самой старинной книге.

Украдкой мальчик посмотрел на Музу и на Лидию Александровну. Они рассматривали рыбину и думали приблизительно так же.

А может быть, и не так.

Девочка ощупала костяные шишки на щучьей голове и заявила:

— А у нее рога есть!

Лидия Александровна справилась у дедушки:

— Это та самая знаменитая Щука с серебряными рогами?

Ответить сразу он не успел: рыбина ворохнулась, захлопала мокрым хвостом по лавке, и всех, кроме хозяина дома, как ветром сдуло. Издалека девочка испуганно повторила вопрос матери:

— Та это щука или не та?

— Не та, — ответил дедушка. — Ту я бы отпустил.

Досыта насмотревшись на щуку, квартиранты ушли.

Дедушка затопил подтопок, охотничьим ножом выпотрошил рыбину, натер щучье нутро солью, а чешую счищать не стал, вложил хвост щуки в ее пасть и, чтобы хвост не вырвался, закрепил таловым прутиком. В таком виде он положил щуку в широкую кастрюлю, залил куриным бульоном и поставил на огонь.

Во время всех этих священнодействий Сережа был рядом и молчал: он очень хотел есть.

Из устья печи дедушка выгреб холодный уголек, обдул от золы, бросил в kloкочущий бульон и пошел звать квартирантов.

Когда весь дом был в сборе, дедушка накрыл стол вышитой скатертью, расставил перед едоками лучшие тарелки, мелкие и глубокие, на колени каждому положил полотенце для рук и пожаловался Лидии Александровне:

— Тарелок-то много, да едоков мало. Раньше большой семьей садились. К столу протиснуться нельзя. А сейчас — я да Сережа. Ладно, много-то говорить не будем: рыбу едят молчком...

Щуку ели горячей, с жару, с пылу, и была она, нарезанная на большие куски, вкусна необыкновенно. Пряча лицо в пар, Сережа сказал тихонько, чтобы услышал один дедушка:

— Ты мне ни разу так рыбу-то не варила...

— Ты, батюшко, забы-ыыл, — улыбался де-

душка.— Было такое угощение по великим праздникам.

— А сейчас какой праздник?— ревниво спросил Сережа, увидел смеющиеся глаза девочки, фыркнул, чуть не подавился костью и умоляюще попросил взглядом:

— Ты меня не смеши.

— А что за это будет?

— Что-нибудь да будет...

— Да ты сам смеешься без меня. Смешинка в рот попала?

Дедушка дал гостям разбирать огромную щучью голову. Сколько в ней было всяких пластинок, костяных палочек и легкого вкусного жира, про который Лидия Александровна сказала:

— Пальцы от него склеиваются, как от почек тополя. Раньше на нем писали иконы...

— Э, не-еет!— не поверил дедушка.— Щука—рыба грешная. Бо-оольшая грешница! Много она рыбьих душ погубила, не сосчитать. Если и писали мастера по рыбьему клею с мелом, то брали для него рыбу мирную, которая травку подбирает. Одним словом, карася, леща или сорожку.

Вытирая руки полотенцем, Лидия Александровна сказала:

— Что-то я у вас в доме икон не вижу.

— А мы не моленные, дак зачем они нам? Это бабушка у нас была моленая,— ответил дедушка.— Может, где-нибудь на подволоке и есть... Сейчас чай будем пить!

Держа в обеих руках на отлете пышущий паром самовар, дедушка поставил его посреди стола, и Муза воскликнула:

— Мамочка, он не электрический!

Самовар пел-гудел вполголоса, расточая смолистый жар, и пение его мало-помалу становилось все глуше, с посвистами. Иногда он окутывался влажным облаком и вовсе остывать не собирался.

В самоварном облаке Сережа видел распаренное лицо девочки. Она дула на блюде с чаем, смешно сводя глаза к переносице, но мальчик не смеялся, а отчего-то жалел ее, и, когда она смотрела в его сторону, он тут же прятал глаза и делал вид, что, кроме чая, сейчас его ничто не интересует.

Между тем взрослые вели свой разговор, и дедушка рассказывал Лидии Александровне историю здешнего кружева:

— ...Жил в старину плотник Мирон Хоробрых, и Петр Первый его очень любил, потому что не сыскать лучшего мастера по корабельному делу. Царь взял Мирона с собой в Голландию, и голландцы учились у него. Так он вытешет и подгонит доски—капля не просочится, хоть не конопать, не смоли суденышко.

Пришел Мирон к Петру и говорит:

«Жениться хочу, государь».

«Здешнюю присмотрел?»

«Зде-еешнюю. Мастерница-кружевница. Я мимо проходил, а она у окошка с бубном сидит, как у нас в слободе, и песню поет. Я

говорю: «Как звать тебя?» «Ма-артой». Полюбилась она мне.

«Ладно,— говорит царь.— Я у тебя на свадьбе дружкой буду».

Сыграли свадьбу. Все пили-гуляли, кроме жениха и невесты, и Петр о-оочень их хвалил:

«Больно вы похожи, Мирон и Марта. Ровно брат и сестра. Значит, жить будете в любви и согласии». Подарил он невесте перстень, а жениху—плотницкий топор из булата. Молодые отдарились—вынесли царю рубашку в кружевах. Петр спрашивает:

«Ты, Мартушка, плела?»

«Я... Не понравилась?»

«Такая тонкая работа,— хвалит Петр.— Я эту рубаху по большим праздникам буду надевать».

После свадьбы царь собрал совет и спрашивает:

«Где на Руси корабельные рощи?»

Советники руками разводят.

«Нету,— говорят.— С обыском искали: нету! Отдельные хорошие сосны попадают, а так больше жердняк да кривель».

«Худо искали!— сердится царь.— Державато немеренная».

Тут Мирон подошел и говорит:

«У нас на Вятке около слободы Кукарки¹ бор корабельный. Что ни сосна, то колонна. Отпусти меня на Вятку, государь! Я тебе по зимнику лес привезу».

Царь карту расстилает, головой качает:

«Далека Вятка от моря. Оставайся при мне, Мирон: корабельных мастеров мало».

Плотник слезно просит:

«Мне которую ночь сон снится: две сосны падают в бору. Это у меня отец и мать при смерти. Как бы они без меня не померли... Отпусти, государь!»

«Не всякий сон в руку,— говорит царь.— Даст бог, выздоровеют. А в Кукарку ты поезжай. Сруби в бору самые лучшие сосны по счету да с выбором, чтобы после тебя бор жил. Привезешь мне их таким путем—запоминай по карте. Жена-то поедет с тобой?»

«Она за мной в огонь и в воду!»

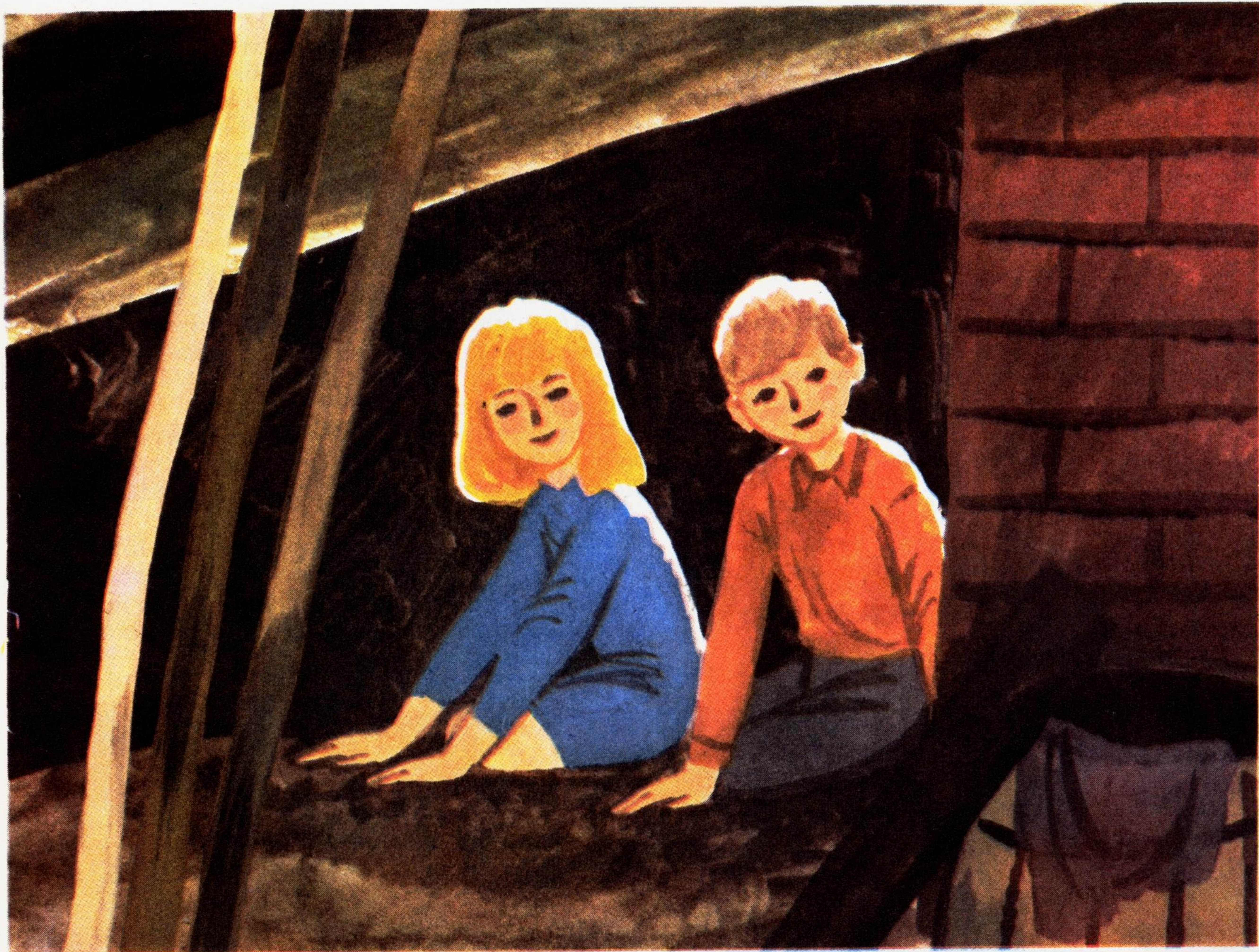
«Только такие жены и нужны,— хвалит государь.— А то другие чуть что—в обморок...»

Приехал Мирон с женой в Кукарку, а родителей в живых не застал. Только две свежие могилки на монастырской горе у церкви Покрова.

Посидел он у них, поплакал. Жена от него не отходит, утешает его.

А жить-то дальше надо!.. Мирон с мужиками по цареву указу сосны рубит, в связки вяжет. А жена его Марта смотрит, как русские-то кружевницы плетут, учится у них и сама их учит. Вишь, голландское-то кружево строже, а наше бойчее, наряднее. Подружек у Марты стало много, и процвело кукарское диво-кружево!..

¹ Кукарка—старинное вятское поселение. С 1918 года—город Советск.

По зимнику на лошадях Мирон привез обещанное в Петербург. Царь ходил вдоль привозных сосен, обушком по ним стучал и дивился:

«Какое гонкое дерево! Да звон какой! Да долина́ какая! Пока всю сосну пройдешь — устанешь. Останься, Мирон Иванович, да поставь корабль напоследок. Из родимого-то леса! Разве он тебе чужой?»

Тут плотника и разобрало. Он шапку об пол: «Сделаю, государь!»

И такой он вытесал корабль — ладный, легкий. Сам просится в море, как борзый конь в поле. А как закачался кораблик на волнах, Петр обнял Мирона и говорит:

«Спасибо, Мирон Иванович! Вот теперь отпускаю тебя навовсе».

Веселый он, царь, а глаза невеселые.

«Накажи жене своей, чтобы послала мне рубаху белую, считайте, без кружев. Смертную рубаху».

«Что так, государь? — опечалился Мирон. — Ты же вон какой здоровый».

А Петр смеется:

«Поживем пока! Жене кланяйся. А рубашечку вы мне все-таки пришлите».

Вернулся Мирон в Кукарку и говорит жене:

«Мартушка, царь тебе кланяется. Рубаху белую просит прислать. Только кружев на ней — чуть-чуть...»

*Из сеней по скрипучей лестнице
дети поднялись на чердак.*

«Зачем чуть-чуть-то, Мирон Иванович?»

Не сказал муж жене зачем.

С подружками выткала она рубаху, ромашки-кружавчики подплела и послала во дворец. Аккурат тут царь заболел. Долго он мучился и был без памяти. А когда в сознание вошел, ему посылку показали. Он сказать успел:

«Вот в этой рубашке меня и похороните».

И молвы у Петра не стало.

Так и положили его в вятской рубахе...»

Внезапно дедушка прекратил рассказ, посмотрел на свет стакан и сказал в сердцах:

— Чай-то нынче больно жидкий: из Кирова Котельнич¹ видать!

— Почему? — удивилась Лидия Александровна. — Чай как чай...

— Да не в чае дело! — взорвался дедушка. — Я тут разговоры разговариваю, а корову кто будет доить? Вон она, сердешная, недоеная мычит... Дождь льет... Куда я плащ-то подевал, а? Никто не видал?

— Зачем так шуметь? — смиренно сказала Лидия Александровна. — Корову я буду доить. Дайте-ка мне плащ...

¹ Котельнич — город на реке Вятке приблизительно в восьмидесяти километрах от города Кирова.

Она без боя отобрала у дедушки его тяжелый плащ, накинула на себя, взяла эмалированное ведро для молока и пошла в дождь.

— Погодите-ка,—остановил ее дедушка.—Фонарь надо. Без фонаря вы ничего не увидите...

На удивление скоро он нашел электрический фонарик, пощелкал выключателем, надел пальто и сказал:

— Идемте, Лидия Александровна, я вам посвечу.

— И я пойду!—обрадовалась Муза и надела дедушкину телогрейку, которая была ей до пят. Захваченный общим возбуждением, Сережа тоже стал одеваться, но дедушка наказал ему:

— Сергей, ты дома посиди. А вдруг кто придет?

Компания ушла в дождь, а Сережа остался домовничать. В избе, вздыхая, остывал самовар и тикали часы. Вокруг лампочки, прини-

мая ее за солнце, летали бабочки и обжигали крылья, отчего слышалось потрескивание и запах паленины. На этих бабочек хорошо берет сорога, язь или даже лещ в лунную ночь на лесном озере, поверху, где-нибудь при устье ручья. Там вода всегда шевелится, и рыба смело хватает насадку, а после ходуном ходит на леске, облитая луной... Вот бы в новолуние сводить туда гостей! А может быть, луна уже показалась? Заслонившись ладонями, Сережа прижался к оконному стеклу, по которому стекал дождь. Никакой луны не было и быть не могло, а мальчик все высматривал, когда по двору пойдет народ с дойки.

Скоро они или нет?

Может быть, свет в избе погасить? Тогда лучше будет видно, что делается на подворье. Да не стоит: расспросы пойдут. Дедушка обязательно спросит:

«Чего ты, Сергей, во мраке сидишь?»

Наконец-то компания воротилась с дойки. В сенях загремело. Первой вошла Муза и, хлопая мокрыми рукавами стеганки, заявила:

— Мама целое ведро надоила!

«Жил в старину плотник Мирон Хоробрых...»

И добавила с не меньшим ликованием:

— А у коровы глаза фиолетовые!

Вслед за ней появилась Лидия Александровна, поставила ведро молока на стол в прихожей, откинула мокрый капюшон плаща, и Сергей увидел ее счастливое лицо. Усталости на нем не было, а бродила по нему возбужденная улыбка человека, что сделал хорошее дело и еще не отошел от него. Щеки ее разрумянились, в бронзовых волосах и на лбу блестели капли дождя. Она не замечала их и, снимая великанский дедушкин плащ, улыбалась Музе, мальчику и дедушке, который светил фонарем в сених и говорил весело:

— А вот и мы! Никто нас не спрашивал, Сергей?

— Никого не было.

— Ну и ладно. В такую погоду все добрые-то люди по домам сидят. Даром, даром, Лидия Александровна, пол-то не подтирайте! В такую погоду хочешь не хочешь всегда с воли воду принесешь. Мойте руки да будем парное молоко пить.

Он налил полную, с пеной кружку, с поклоном подал ее Лидии Александровне и сказал:

— Пробу доярка первая будет снимать!

А потом налил и остальным и себя не забыл.

Лидия Александровна отпила глоток.

— У нас в городе молоко порошковое, — сказала она. — А у вас оно как сливки...

Сережа не выдержал и провозгласил:

— А мы пьем и ничего не замечаем!

Получилось у него громковато, и дедушка сказал:

— Ого! Голосок прорезался.

Все трое переглянулись, и Сережа подумал или почувствовал, что дедушку, Лидию Александровну и Музу объединяет какая-то тайна.

Квартиранты ушли к себе, унося бидон молока, а дедушка, припоминая подробности доения, улыбался и рассказывал:

— ...Пришли мы поздно. Курицы нас перепугались. Петух насилу их успокоил. Я светил, а Лидия Александровна доила честь по чести. Откуда вот она умеет?

— Она все умеет, — с хмуровой гордостью вырвалось у Сережи.

Легли спать по разным углам, да ни тому, ни другому не спалось. Сережа не выдержал и подал голос:

— Дедушка-аа...

— Болит чего? — встревожился старик.

— Нет. А Муза-то... доила маленько?

— Что ты! Ей все в диковинку.

Полежали молча, и Сережа протянул:

— Дедушка-аа...

— Чего опять?

— Ты жерлицы-то на озере поставил?

— Три штуки я поставил при ручьях.

— Я утром хочу сбежать да проверить. Нынче щуки жоркие!

Сережа представил, как он завтра на озере поймает щуку, да, может быть, и не одну, и закатит для гостей новый пир на весь мир. Он тотчас хотел спросить дедушку, согласится ли

тот опять варить щуку в чешуе, да побоялся среди ночи рассердить старика, с головой заполз под одеяло и заснул.

Во сне в сознание его проник голос Лидии Александровны:

— Сережа... Сережи... Сережу...

Этот голос, склонявший его имя, был как нежный укол, от которого мальчик сразу проснулся и выглянул из-под одеяла. У керосиновой лампы сидели Лидия Александровна и дедушка, и от них шевелились лохматые тени на стенах.

— Горячо вы беретесь, Лидия Александровна, — говорил старик. — Ой, горячо!

— Почему? Я рассуждаю совершенно спокойно. Муза у меня болезненная девочка. Красный цвет она практически не видит... особенно на зеленом... и землянику в лесу она собирала не по цвету, а по виду. Ее здесь так много, что с закрытыми глазами можно собирать!.. А в туесок дочери я незаметно подкладывала мои ягоды. Помните, она сказала, что у коровы фиолетовые глаза? — волнуясь, спрашивала женщина. — Я просто перепугалась ее слов!.. Разве у коровы глаза фиолетовые?

— А почему бы и нет? — рассудил дедушка. — Это как посмотреть. При каком свете...

— Это вы серьезно?.. Суть в конце концов в другом. Больше всего врачей... про себя я уже не говорю... беспокоят перепады настроения у девочки. Сейчас она в восторге, а буквально через минуту — в отчаянии! Лекарства тут не помогут и уже не помогают. Она одинока. Она плачет и повторяет: «Хочу, чтобы у меня был такой брат, как Сережа!..» Он неизбалованный, чистый, оказывает на нее самое благотворное влияние... И на меня тоже. Я хочу усыновить Сережу. Отдайте мне его! Пожалуйста-аа...

— «Отдайте», — передразнил дедушка. — Чай, не вещь. А живой ведь человек! Моя кровь.

— Но родителей у него нет. Он сирота. Вам — не обижайтесь! — все-таки много лет.

— Много-оо, — согласился дедушка. — Все при мне. Годочки мои такие, что самому не верится. На пятилетку я не загадываю. Куда мои годы денешь?

— Вот видите? Стоит всерьез подумать о будущем Сережи. Я же беру ответственность за его жизнь... За благополучие мальчика.

— А муж?—потерянно спросил дедушка.—Он же ни сном, ни духом ничего не знает...

— Муж доверяет мне буквально во всем. Веревок, правда, я из него не вью... Не вижу необходимости. Но как я скажу, так и будет. Разве это справедливо: ребенок растет без мамы?..

— Вон оно ка-аак,—заколебался дедушка.—Он, чай, не теленок... Сережа-то. Корову продают, уводят в чужую деревню... Она голо-сом ревет, упирается, не хочет идти. Силом ее уводят. Под стражей. Запрут в хлеву—она неделю ничего не ест. И ждет, ждет, бедная, когда ее выпустят, чтобы бегом прибежать обратно! Чай, Сережа-то не теленок...

— Да кто с вами спорит, Сергей Данилович? Я прошу вас... Умоляю... Если хотите, я заклинаю вас: позвольте мне усыновить Сережу. И я усыновлю его! Вот увидите...

Мальчик похолодел.

Он мгновенно представил, как его силком увозят отсюда—от бабушки и деревни—в город, где камень на камне, где вместо лесного озера—бассейн, в котором от хлорки облезает кожа, где люди один другого напористее. Разве это дело? Здесь он помнит по памяти все ягодные поляны, и грибные высыпки, и народившееся деревце, что ему по колено. Здесь с ним издавека здороваеца каждый деревенский житель, как с ровней. А эти чужие люди, что живут у них в доме без году неделя, уже распоряжаются его свободой и жизнью.

Чего же бабушка-то молчит? Молчит и не заступает за родного внука, которого он зовет по-отечески «сынок» и никак больше?

А Лидия Александровна говорила вкрадчиво:

— Я никого не тороплю, не подгоняю.

— Вот это другой коленкор!

— Поживем мы у вас...

— Правильно. Поживите. Отойдите на парном молоке, на ягодах. На свежем воздухе. Я веаь и сам, если правду говорить, Лидия Александровна, горячо брался усыновить Сережу. Да не вышло.

— Почему?—насторожилась женщина.

Бабушка крякнул и сказал:

— Годá! Устарел я. По закону усыновлять можно до пятидесяти пяти лет. Да-аа... Чего это мы керосин-то зря жжем?

Бабушка задул лампу, отчего на стенах растворились две тени, а в избе стало светлее.

— Я, Лидия Александровна, на него одного надеюсь, на Сережу,—сказал он и посмотрел в угол, где под одеялом затаился мальчик.

Посмотрела туда и женщина и спросила шепотом:

— А если он не спит?

— Об эту пору мы только с вами полуночи-чаем,—успокоил бабушка.—С добрым утром вас, Лидия Александровна!

— С самым добрым,—улыбнулась женщина.—Светлым-светло-оо...

— Вче-ра лило, а нынче день-то какой ясный заводится! Расходиться пора да часок поспать. Хотя через силу да подремать надо.

Прежде чем уходить, женщина сказала:

— Что-то в вас такое военное есть, Сергей Данилович. Вы веаь воевали?

— А как же.

— Кем?

Бабушка ответил с расстановкой:

— Признáнность была пулеметная.

Женщина ушла к себе, а бабушка лег, долго ворочался, вздыхал и говорил знакомые слова во сне или наяву:

— Жизнь-жизнь...

Или:

— Беда-аа...

Или еще:

— На рыск иду, бабы.

Последнее предложение относилось к тому времени, когда он после фронта работал председателем колхоза, где остались одни женщины, нечем было платить за трудодни, и молодому тогда бабушке, чтобы накормить людей, приходилось принимать на самом деле рискованные решения.

Забывшись коротким сном, мальчик поднялся раньше бабушки, оделся, захватил ломоть хлеба и, не звякнув калиткой, пошел дальше от деревни.

Его обступила рожь в белой толстой росе, и ненадолго, в предчувствии перемен, ему захотелось отчаянным усилием воли подняться над рожью и полететь невысоко, чтобы видеть зерна в колосьях, птиц, пережидających росу, пустые гнезда жаворонков...

Он собрал росу с колосьев, вымыл ею лицо, глаза, уши и сразу стал далеко видеть и слышать.

Далеко-далеко он увидел деревню Кукушку в тополях и услышал, как по всему полю подають голоса птицы, еще робкие после вче-рашнего дождя. Только одна птица, если судить по ее пению, золотая, продувала свой пастушеский рожок:

— Фиу-тиу-лиу!..

Куда тепе-рь?

Домой? А если квартиранты сегодня же повезут его в город, а у него не хватит духу отказаться? Сегодня они, наверное, не сделают этого, но он не сможет скрыть, что слышал разговор, и обязательно скажет Лидии Александровне:

— Отсюда я никуда не поеду.

Скажет ли? Отсюда-то легко загадывать и храбриться, а вблизи все по-другому, все не так. Лучше походить, устать, охолонуть, и тогда уже ничего не страшно. А если вовсе не приходиться в деревню? Они все поймут и уедут. То есть как это «не приходиться»? Жить-то где? У кого? У него же никого нет, кроме бабушки. Не-еет, человеку рано или поздно обязательно куда-то надо приходиться.

Он придет. Только не сейчас.

Если дедушка и квартиранты кинутся искать его, куда, мол, он убежал без спросу? И найдут, а душа его еще не готова сказать эти самые слова:

— Отсюда я никуда не поеду.

Не найдут.

Он сумеет спрятаться. Про эту спрятку никто не знает, кроме его друга Петра Паратикова, да и тот на все лето уехал с братом Константином и родителями к родне в Лебяжье.

Ближе к полудню Сережа пришел к старым березам, залез в дупло, что было высоко над землей, и удобно устроился там.

Вот она — заветная спрятка!

Здесь пахло берестой, воском и горелым деревом и было загодя постлано сено. Лежи, свернись калачиком и ни о чем не думай!

Если бы береза могла говорить, она бы рассказала мальчику о том, что в этом дупле роились и держали мед пчелы, пока люди не поселили их в ульи. Она бы вспомнила, как здесь не единожды ночевал медведь и тихонько повизгивал во сне: жаловался, а на кого, она так и не поняла.

Из дупла было видно бирюзовое небо. Между ним и Сережей свешивалась ветвь, одетая зелеными листьями. Она раскачивалась и что-то хотела высказать человеку.

Что?

Мальчик выглянул наружу.

Плакучих ветвей было много, и все они говорили наперебой. В ветвях закипал ветер, и они металась и били по черной коре, и в метании этом было предчувствие осени, хотя стояла жара и рожь еще не начали убирать.

Сережа слез с дерева и пошел в деревню навстречу ветру. Ветер катил по полю волны, и рожь ластилась к небу — подкатывалась к белесому его краешку и затихала.

Дóма ворота были раскрыты и ветер ворошил перья на курицах.

В задней избе у окошка стоял дедушка и, шевеля губами, читал книгу — ту самую, которую Сереже дала на время Лидия Александровна.

Он не услышал, как вошел мальчик, и, увидев внука близко от себя, вздрогнул, так что в книге ворохнулись страницы, и сказал:

— Ой, как ты меня напугал!.. Чего же ты на озеро-то как долго ходи-иш?

— Так...

— А мы тут обыскались тебя. Обкричались. Вишь, на красной машине к квартирантам хозяин приехал! Они собрали вещи моментом и уехали. Муза голосом ревела: «Давайте Сережу дождемся!» А хозяин говорит: «На переправу опаздываю»... Тебе не попадалась красная-то машина?

— Не-еет!

— Муж-то у Лидии Александровны такой молодой, симпатичный. Животик у него через ремешок свешивается. Всё иконы на подволоке искал! Не нашел. А колыбельку нашу забра-аал. Вместе с шиповником. Я сперва не

хотел отдавать. Да он говорит: «Я ее в музей приспособлю. Пускай люди любуются». Я подумал: «Чего она здесь будет пылиться? Лежать в ней все равно некому». И отдал. Не бесплатно, конечно... Я его спрашиваю: «Куда торопитесь? Зачем такая выгонка? Погостили бы недельку-другую». Он говорит: «Нельзя: момент все решает — квартиру получаем». Так я и не понял, где... то ли в Советске, то ли в Кирове? То ли в Яранске, то ли в Москве? Лидия-то Александровна все тебя поминала и плакала...

И краткая ненадежная радость, оттого что квартиранты уехали и, стало быть, никто теперь не увезет Сережу в город, стала быстро меркнуть у мальчика.

— Так-то они вроде культурные люди, — говорил дедушка. — А что-то у них не то! Последние стихотворения Пушкина позабыли...

Мальчик взял у дедушки книгу, полистал и, не разбирая, что в ней напечатано, пробормотал:

— Без картинок...

— Не нарисовали, — согласился дедушка. — Пойду хоть ворота закрою.

Оставшись один, Сережа разобрал слова в случайной странице, и они поразили его. Он отвел глаза от книги и заплакал, оттого что Лидия Александровна и Муза уехали, возможно, навсегда и ему не пришлось с ними проститься, оттого что при них он не удосужился почитать эту книгу и поговорить о ней и оттого что в его жизни больше не предвидится перемен и все пойдет по-старому... Он опять заглянул в книгу, и снова, так что занялось дыхание, пушкинские строки ожгли его душу неслыханной красотой:

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег — он уже бы растаял,
Были б лебеди — они б улетели.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

«На далекой Амазонке не бывал я никогда», — сетовал в одном из своих стихотворений известный английский поэт Р. Киплинг. Для многих жителей северного полушария великая южноамериканская река стала символом экзотики. Вот почему, выполняя пожелания наших читателей, мы отправляемся к берегам Бразилии, в удивительную и таинственную страну Амазонию. Сопровождает нас в этом путешествии журналист-международник Виталий Сергеевич СОБОЛЕВ.

НА БЕРЕГАХ АМАЗОНИИ

Амазонией называют край, где протекает река Амазонка. Первые русские появились в Амазонии еще в начале прошлого века. Экспедиция во главе с членом Российской Академии наук Григорием Ивановичем Лангсдорфом несколько лет изучала бассейн Амазонки и привезла в Россию богатейшую научную коллекцию.

Григорий Иванович Лангсдорф служил русским консулом в Рио-де-Жанейро еще в ту пору, когда Бразилия была колонией Португалии. Колониальные власти запрещали иностранным ученым проводить исследования в Бразилии. И поначалу Лангсдорф занимался ботаникой на приусадебном участке. Он обучил основам науки о растениях своего слугу-индейца из племени ботокудов, и тот помогал Лангсдорфу в работе. Григорий Иванович первым акклиматизировал, стал выращивать в бразильских тропиках некоторые сельскохозяйственные культуры: абрикос, перец, гвоздику, мускатный орех и другие. А как только Бразилия получила независимость — это произошло в 1822 году, — академик вместе со штурманом русского флота Нестором Рубцовым и несколькими учеными отправился в экспедицию по амазонским лесам. Экспедиция пробивалась через дебри, где было множество воинственных индейских племен и диких зверей, пересекала болота, спускалась по опасным, порожистым рекам, кишачим крокодилами, и закончилась там, где в Амазонку впадает река Тапажос. Длилась экспедиция семь лет.

Сейчас в самом сердце Амазонии можно часто увидеть советский флаг. Его несут на мачтах наши корабли, доставляющие грузы в Манаус. И хотя город расположен в 1500 километрах от устья реки, океанские суда без труда поднимаются на такое расстояние вверх по течению. Они заходят не только в Манаус, но и во все крупные порты Бразилии.

Много грузов перевозят советские суда в Бразилию. В самом большом городе, Сан-Пауло, работает более полутора тысяч советских станков. Некоторые из них величиной с двухэтажный дом. Советские турбины и генераторы установлены на двух бразильских гидроэлектростанциях. Советские танкеры привозят в Бразилию нефть, а вывозят растительное масло. Кроме того, СССР получает из Бразилии кофе и какао.

На одном из теплоходов, идущих до Манауса, мы приближаемся к устью Амазонки.

Пресное море

Еще не видно реки, еще даже не показались на горизонте полукруглые вершины прибрежных гор Южной Америки, а вода мутнеет и становится почти несолоной. Испанские мореплаватели, первыми добравшиеся сюда, назвали место впадения великой реки в Атлантику Пресным морем. Акватория эта составляет десяток квадратных километров. Плавающие в ней большие корабли под флагами

разных стран, дельфины и ламантины — морские коровы — все это не речные, а морские приметы.

Плывать по Амазонке не просто. То и дело навстречу попадаются целые острова водной растительности. Их несет с верховьев, с заводей и болот. Кроме того, река тащит деревья-великаны, подмытые или вырванные с корнем. Они почти полностью погружены в воду, и потому их трудно заметить. Рулевому приходится глядеть в оба.

Неожиданно нарастает грохот, будто какое-то чудовище гонится за теплоходом. Во всю ширь реки несется волна высотой метров пять. Она переворачивает лодки и крушит на берегах все, что ей удастся захватить. Поророка! Так называли бразильские индейцы это грозное природное явление. Мы удалились от океана уже на тридцать километров, но он прислал нам прощальный привет.

Поророка — явление редкое, и причина его до конца не ясна. Поророку рождает прилив. Огромная масса речной воды, вытекая из устья, теснит океан. Но прилив придает ему силы, и он переходит в наступление. От столкновения встречных потоков возникает вал. Как посланная из лука стрела, мчится он вверх по течению Амазонки.

День за днем по обе стороны от нас проплывает зеленая стена амазонского леса. В сельве насчитывается более четырехсот видов деревьев. Но выглядит она уныло и однообразно. Не в пример нашим северным лесам. Нет здесь сверкающих золотистой корой сосняков и белоствольных берез. Зеленый цвет в таком изобилии, что действует угнетающе. В конце концов начинаешь понимать, почему еще первые путешественники по Амазонии прозвали ее «Зеленым адом».

Притоки и города

Оживляют амазонские берега постройки, возведенные человеком. Но городов в Амазонии мало, и с реки их обычно не видно. За весь долгий путь до Манауса лишь крохотные поселки да отдельные хижины показываются в лесных прогалинах. Крыша, а нередко и стены у хижин сплетены из пальмового листа. А стоят хижины на сваях — на случай разлива реки.

У Амазонки масса мелких и крупных притоков. Один из них — Тромбетас — заслуживает особого внимания. У места его впадения в Амазонку произошла знаменательная встреча испанского авантюриста Франсиско Орельяны с индейским отрядом, состоявшим из одних женщин.

Орельяна плыл на небольшом парусном судне с верховьев Амазонки. По дороге испанцы допрашивали каждого пленного индейца, пытались узнать дорогу к мифическому золотому царству Эльдorado. Пленники, разумеется, не могли дать ответа. Несчастных краснокожих жестоко пытали, и слух о зверствах белых проникал в самые дальние уголки сельвы. Неудивительно, что отряд индианок встретил гостей неласково. Вооруженные только луками,

женщины смело вступили в бой против извергающих огонь аркебуз.

Путевые записи Орельяны утверждают, что потом испанцы и индианки помирились и расстались чуть ли не друзьями. Так это или нет, но рассказ о краснокожих воительницах напомнил европейцам древнегреческую легенду об амазонках. Потому и получила великая южноамериканская река такое название.

Манаус, конечный пункт нашего плавания, тоже стоит в месте слияния с Амазонкой одного из крупнейших ее притоков — Рио-Негро.

Манаус

Это самый большой город Амазонии. Путешественника, уставшего от изобилия воды и леса, он просто потрясает. Улицы Манауса выходят прямо к воде. На мостовой тесно от автомобилей. А на тротуарах, в магазинах, на рынках и в гостиницах — всюду встречаешь малолетних работников. Мальчишки лет десяти — двенадцати продают газеты и жевательную резинку, чистят ботинки, работают грузчиками, посыльными. На каждом шагу они будут предлагать свои услуги. Среди таких ребят мы и находим толкового гида. Зовут его Луис. Ему десять лет. Одет в потрепанные, но чистые шорты, в застиранную футболку и резиновые шлепанцы. Обычный наряд бразильского мальчишки из простой семьи. В таком наряде он щеголяет круглый год, потому что в Амазонии всегда тепло. Луис окончил два класса. Дальше учиться не смог — надо помогать родителям. Мечтает накопить на велосипед, только вряд ли удастся. Братья и сестры — их четверо — тоже вынуждены зарабатывать. Живет Луис на окраине, в домике, где едва хватает места лечь всем, когда семья собирается к ночи. В домике нет водопровода и канализации. А в тропиках, где столько заразных болезней и кишечных инфекций, эти удобства нужны не меньше, чем в Сибири отопление. Две младшие сестренки у Луиса умерли от какой-то болезни...

Красиво здание театра оперы. По мнению специалистов, театр не уступает ни по размерам, ни по

архитектуре, ни по великолепию лучшим европейским театрам. Проект, мастера-строители и материалы для него были привезены из Европы. Театр оперы напоминает о временах «каучуковой лихорадки», о первом периоде расцвета амазонской столицы.

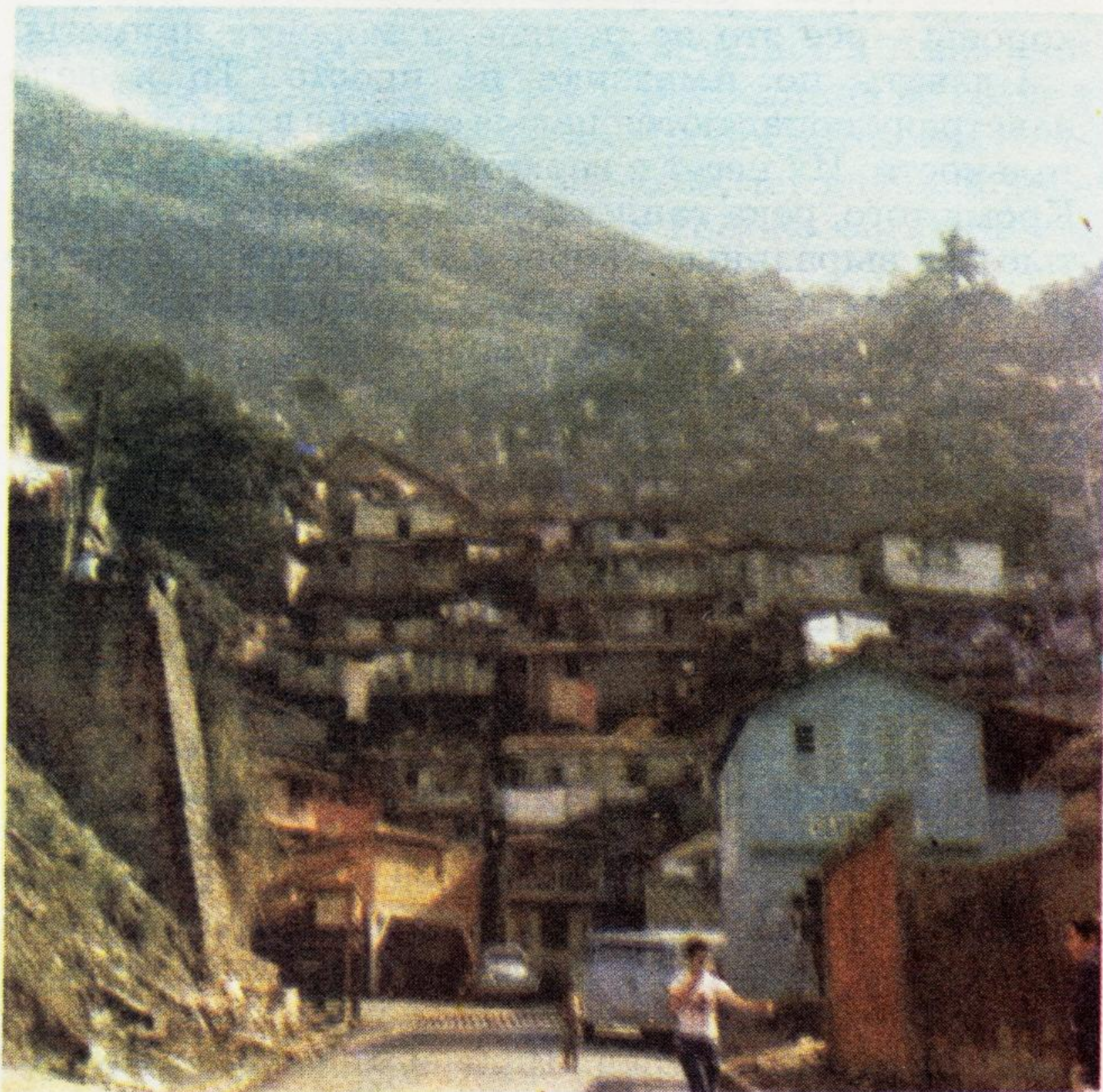
Манаус, можно сказать, порождение одного из чудес природы Амазонии. Сок каучуконосного дерева гевеи, которое росло только здесь, сто лет назад стал пользоваться необыкновенным спросом. Многие тысячи бразильских бедняков погибли в глухой сельве, добывая этот сок. Зато благодаря сказочным доходам от перепродажи каучука маленький свайный поселок в устье Рио-Негро превратился в большой город. В Манаусе пустили первый в Латинской Америке трамвай и построили оперный театр не хуже, чем в Париже. Но конец «каучуковой лихорадки» привел к разорению торговцев.

...Луис проводит нас в дальний конец речного причала, куда пристают лодки крестьян, живущих на берегах Амазонки. У шатких мостков — столпотворение. Выгружают мешки с зерном, связки бананов, груды кокосовых орехов. И среди разного товара — большие светло-коричневые шары каучука. Они так тяжелы, что грузчик, взяв шар на плечо, сгибается пополам. Шары привозят издалека, где в чаще лесов еще можно встретить гевеи. Выращивать эти деревья искусственно, на плантациях, в Бразилии так и не научились. Хотя долгое время такие попытки предпринимал известный американский магнат Форд. Поэтому натуральный каучук до сих пор добывают, как в старину. Немало километров ежедневно проходит сборщик, отыскивая в сельве гевеи. Надсекает кору и подставляет чашечки под капающий сок. Сок потом сливают в бидон. А вечером сборщик должен сидеть у огня, где горит скорлупа бразильского каштана. В его дыму сборщик поливает соком толстую палку и как бы наматывает на нее твердеющий сок. Получается шар — такой, какие мы видели на пристани.

Сейчас Манаус снова переживает расцвет. Он начался лет пятнадцать назад. Именно тогда город был объявлен зоной беспошлинной торговли, и здесь быстренько обосновались бразильские и заграничные компании. Город обзавелся международным аэропортом, и наконец была проложена дорога для связи с остальной Бразилией. По этой дороге мы и продолжаем наше путешествие.

Тропа войны вдоль шоссе

Дорога идет на юг, к городу Порто-Велью. По ней разрешают двигаться только колоннам автомобилей. В одиночку опасно. В случае поломки рассчитывать на помощь нельзя: шоссе пересекают безлюдные тропические леса. Безлюдные в том смысле, что там нет больших поселений. Обитают здесь

Окраина Манауса. В таких хижинах живут бедняки.

лишь коренные жители Амазонии — индейцы. Но их становится все меньше и меньше. Когда португальцы открыли Бразилию, в ней насчитывалось примерно два миллиона краснокожих аборигенов. Сейчас число индейцев не превышает двухсот тысяч. За всю дорогу можно не встретить ни одного индейца, ни одной индейской хижины.

Однообразный пейзаж сельвы начинает меняться, когда сворачиваешь на Трансамазонскую магистраль. Магистраль проложена с востока на запад, параллельно великой реке. На каждом шагу встречаются вырубки и гари. Некоторые еще дымятся. На других начинает пробиваться трава и пасутся стада. У коров на спине горб. Это зебу, порода, завезенная из Индии и хорошо переносящая местный климат.

А вот и плантации кукурузы, рисовые поля, посадки маниоки, дающей съедобные клубни. Но полей мало, все больше пастбища. По табличкам вдоль дороги можно узнать, кому принадлежат окрестные земли и пасущиеся на них стада. Наряду с бразильскими названиями поместий попадает много иностранных. Скотоводческие компании из Соединенных Штатов, Западной Европы, Израиля. И даже крупнейшая автомобильная монополия ФРГ — «Фольксваген». Она купила сотни тысяч гектаров, завезла телят, наняла бразильских пастухов, и, пожалуйста, доходы не заставили себя ждать. Дело в том, что земля здесь стоит буквально копейки. Сжечь лес — работа нехитрая, а зола

служит хорошим удобрением. Трава растет быстро, и скот пасется круглый год под открытым небом. Знай, вывози его вовремя на мясокомбинаты. Правда, тропические ливни за три года полностью смывают плодородный слой почвы, так как он лишается защиты леса. А быки, вытаптывая траву, ускоряют эрозию. Но Амазония велика. Компании покупают новые участки и выжигают их. Бразильские журналисты подсчитали, что общая площадь иностранных поместий в стране равна территории Франции. Уже четвертая часть бассейна Амазонки лишилась леса. Если его уничтожение пойдет и дальше с такой же скоростью, через двадцать лет сельва будет истреблена полностью.

Под давлением общественности правительство Бразилии приняло закон, обязывающий помещиков в Амазонии половину своих владений сохранять как нетронутый лес. Но разве можно проверить выполнение закона в бескрайних просторах бассейна Амазонки? А прибыли иностранных компаний так велики, что им ничего не стоит подкупить местного чиновника, даже если он и обнаружит нарушение.

Но довольно о лесе! Давайте посмотрим, как живут люди вдоль этой магистрали.

Сначала мы встретим их за рулем грузовиков, вывозящих древесину, зерно, скот или, наоборот, везущих с далекого юга Бразилии промышленные товары. Потом увидим крестьян, пастухов, лесорубов. Начнут попадаться хижины: глинобитные, покрытые пальмовым листом, с дырами вместо окон.

Застекленное окно здесь редкость. Стекло слишком дорого стоит для бедноты. Хотя оно и не роскошь в этих местах. Застекленные окна нужны для защиты не от холода, а от комаров и мошек, которые по свирепости намного превосходят своих сибирских сородичей. Потрескавшаяся глина стен дает приют множеству живых существ, не всегда безобидных. В их числе разносчик страшной болезни Шагаса, до сих пор неизлечимой. С виду он похож на таракана и клопа сразу. Бразильцы прозвали его «Барбейро» — брадобреем, так как жучок кусает человека обычно в лицо.

Подойдем к какой-нибудь хижине, заглянем внутрь.

На чисто подметенном земляном полу — циновка. Мебели никакой. Только миски из ореховой скорлупы у входа. От стены до стены тянутся гамаки. Это изобретение бразильских индейцев до сих пор очень популярно в стране. А у бедняков гамаки — нередко единственная мебель. Их делают из полотнища ткани, без распорок, так что непривычному человеку в гамаке с удобством не расположиться. Впрочем, на ночлег мы останавливаться не будем — вообще в хижину здесь приглашать не принято, разве что на улице сильный дождь.

Возле хижины — огород: хилые ростки кукурузы и маниоки.

Если уж могущественные компании предпочитают

очищать участки леса огнем, то простым крестьянам вовсе не найти иного способа. Правда, в крупных наделах большие деревья остаются стоять среди пожарища. Одним мачете — длинным ножом — бедный поселенец не осилит амазонского гиганта.

Надо знать, как велико гостеприимство простых бразильцев, чтобы заметить такую странность: никто здесь не выходит встречать гостей. Лишь спустя некоторое время из хижины нехотя покажется ее хозяин и будет рассматривать пришельцев на расстоянии. И только убедившись, что они не чиновники сельскохозяйственной администрации, станет радушным, угостит тем, что найдется в хижине, расскажет историю своей жизни, обычную для большинства бразильских крестьян Амазонии.

Безземельных крестьянских семей в стране десять миллионов. На обжитых территориях вдоль атлантического побережья почти вся земля в руках помещиков. Потому надежды бедняков были обращены к Амазонии, к Трансамазонской магистрали, вдоль которой могло найтись для них место. И действительно, 100 тысяч безземельных крестьян власти пригласили осваивать Амазонию. Им выделили участки и дали небольшую сумму денег взаймы на обустройство.

Жизнь в амазонской глуши полна опасностей. Но не они угнетают местных крестьян. С великим трудом расчистив участок и вырастив первый урожай, крестьянин не находит, кому его продать поблизости. А везти далеко слишком дорого, да и транспорта нет. Между тем долг растет, выплачивать его нечем. И отчаявшиеся переселенцы продают первый в их жизни собственный клочок земли богатому соседу. Чаще всего помещику, бразильскому или иностранному. Половина переселенцев вернулась обратно, туда, где они батрачили или арендовали участок раньше. Другая половина батрачит в Амазонии, в том числе и на западно-германский концерн «Фольксваген».

Будущее Бразилии во многом зависит от того, удастся ли ей освоить огромные просторы и богатства Амазонии. А для этого не обойтись без дорог. Вот почему с такой надеждой смотрели бразильцы на Трансамазонскую магистраль. Но, к сожалению, первыми ею воспользовались иностранные компании. Да и бразильские капиталисты и помещики, скупая земли вокруг магистрали, принялись прежде всего истреблять лес и его обитателей, вытеснять и уничтожать коренных жителей Амазонии — индейцев.

Трансамазонское шоссе выводит нас к побережью. Остаются позади многочисленные реки Амазонии, леса и первые дороги.

Прощаясь с Амазонией, мы уносим в памяти не только красоты этого края, но и тревогу за него. Грандиозные дела творятся в Амазонии, но как часто они не идут на пользу беднякам и как часто приносят лишь зло здешней природе...

ЗОЛОТОЙ ЖЕРЕБЕНОК

РАССКАЗ

Волки охотились за жеребенком.

Волков было пятеро. Пять пар жестких неморгающих глаз наблюдали за ярким, как золотой налив, к тому же еще натертый сухой тряпочкой, светло-желтым жеребенком.

Но волкам важен был не цвет. Жеребенок привлекал хищников своей беспомощностью и тем, что оказался единственным в косяке из десятка кобылиц.

Малому жеребенку табунщики дали имя — Олтин Дивона — Золотой Сумасшедший. За цвет и диковатую резвость.

Волки то и дело сходились головами, совещаясь, и наконец приготовились к драке.

Перед высоким желтым предводителем косяка внезапно вырос волк. Все четыре копыта жеребца оторвались от земли, жеребец взвился и с визгом ринулся на врага. И в момент, когда смертоносное копыто должно было обрушиться на волка, тот ускользнул, как змей, в кусты. Глаза жеребца налились кровью, с храпом он вломился в кусты за волком.

Жеребец сам стал зверем, и куда более сильным и свирепым, чем волк.

Серый хищник уводил жеребца все дальше и дальше от косяка.

Тем временем четверо других волков проскочили между кобылицами и разбили косяк. Лишившись своего предводителя, молодые кобылицы бестолково метались, не решаясь пуститься в бег.

Волки быстро отбили жеребенка с матерью от косяка и погнали перед собой по ровной, летней степи. Скоро к ним присоединился пятый волк, сумевший уйти от жеребца.

Волки торопились, хотя знали, что бешеного гона жеребенок долго не выдержит, а им совсем не хотелось, чтобы он пал дорогой. Главное сейчас — уйти как можно дальше: там можно будет не спешить.

Жеребец, пробившись назад к косяку, взволнованно заржал и забегал вокруг, успокаивая перепуганных кобылиц. Он кружил и фыркал — я прогнал врага, не бойтесь! — потом встал, и кобылицы потянулись к нему — положить головы ему на круп, закрыть глаза и сознавать, что его могущество сильнее всех злых сил.

Жеребец мотал головой — да, я могуч! И вдруг глухой нутряной стон потряс его тело. Где тот непослушный, взбрыкивающий малыш, на которого он, жеребец, никогда не смотрел, но всегда видел? Где его мать?

Снова разъярившись, он закрутился, разогнав кобылиц, и поднялся на дыбы. И увидел серых зверей, уходящих к горизонту, и жере-

бенка с кобылицей. Он рванулся было им вслед, но отчаянное ржание косяка его остановило.

Завернув косяк, подгоняя кобылиц безжалостными укусами, жеребец погнал их в противоположную сторону от той, куда удалялись Золотой Сумасшедший с матерью.

Странное решение он принял.

За грядой холмов, среди сочных трав пасся основной табун в триста лошадей. Табуном управлял старый черный жеребец с туловищем длиной в осеннюю ночь.

При табуне находились еще две свирепые пастушьи овчарки — каждая могла взять волка — и два молодых табунщика. Но это так, при табуне. Главой, верховным владыкой оставался черный жеребец.

Табунщики — винтовки за плечами, транзисторы на шеях — ехали рядом, покуривая и рассуждая, куда Сарык — мятежный жеребец — увел утром свой маленький косяк.

Потом они заговорили о достоинствах собственных скакунов. Табунщик, сидящий на рослом рыжем дончаке, с усмешкой сказал другому — на изящном карабаире:

— Конечно, у тебя лошадь — лебедь на картинке. Да только на лебеде по оврагам не поскачешь. Тем более Сарыка не догонишь.

— А ты? — спросил человек с карабаира.

— У моего коня выносливость, как у ракеты.

В сотый раз они принялись спорить, не замечая, что табун стоит, повернув головы к холмам, прислушивается.

Дробный топот из-за холмов нарастал. Черный жеребец понесся вокруг табуна, сбивая его плотнее. На вершине холма появился и стремительно покатился вниз сомкнутый косяк.

Впереди летел желтый красавец конь с черными бабками и черной гривой.

От табуна тотчас отделился и кинулся ему навстречу старый жеребец. Они столкнулись — словно солнечный день с грозовой ночью. Оба устояли на ногах, и в груди обоих жеребцов родился низкий тигриный рык, перешедший в визг. Черный жеребец достаточно прожил и немало прытких жеребчиков поколотил на своем веку. И впервые нашелся ему достойный соперник: может, сам он постарел, а может, потому, что Сарык был его сыном.

Табунщики заторопились к месту схватки, раскручивая длинные кнуты, резко щелкая ими. Туда же поспешили собаки — не вмешиваться в драку, а из любопытства. Лошади

свели, чем окончится очередной спор за высшую власть в табуне.

Сарык отступил, и не просто отступил — бежал. Склонив голову к плечу, почти заваливаясь на левый бок, он обогнал табун, мгновенно достиг вершины холма и исчез.

Табунчики хлестнули своих коней и поскакали к вершине.

Взбесился, что ли, Сарык?

Жеребенок не понимал, отчего мать дрожит и храпит в безумном страхе. Серых зверей, следовавших за ними, он не боялся. Никогда ни одна собака не трогала его. Единственный страх в его короткой пока жизни — ярость желтого жеребца. Бывало, он убежит от косяка — почему не побродить одному среди высокой молодой полыни! — и не откликается на зов матери. И, раздвиг черную гриву, на него налетала гроза — сомнет, истопчет. Сарык, описав круг, возвращался к косяку, не оглядываясь, суровый, надменный, с уверенностью, что жеребенок следует за ним.

Мать порывалась свернуть к холмам — там собаки, люди, и главное, могучие жеребцы, которые могут защитить ее и сына. Она пыталась ускорить бег, обойти волков и прорваться за холмы, — отставал жеребенок. Он был озорным, любил покурлесить, но не имел еще достаточно сил для борьбы за жизнь.

Они удалялись от холмов все дальше, и, поглядывая в ту сторону, лошадь уже не видела их.

Теперь волки не торопились. У них был свой расчет: убивать ясным днем и в открытой степи, где видно на десяток километров, да чтобы потом всю ночь тащить добычу на себе — волки были не дураки. Они гнали, не отставая и не приближаясь, словно не добыча была перед ними, а особы, подлежащие охране.

Жертвы уже никуда не денутся.

Жеребенок привлекал хищников своей беспомощностью и тем, что оказался единственным в косяке из десяти кобылиц.

Солнце переваливало за полдень, но до заката еще далеко.

Степь не выгорела, зеленая трава была мягкой, местами алели поздние маки.

Ласковая была степь.

В безоблачном небе висела крошечная точка — могучий беркут, считавший себя властелином степного мира, облетал свои обширные владения. Беркут обладал сказочно острым зрением, он прекрасно видел волков, гнавших кобылицу с жеребенком к глубокой балке, пересекавшей степь, как глубокая морщина.

Беркуту незнакомы чувства жалости и сострадания. Он сам кровавый хищник. Но беркут не любил волков. Он вообще никого не любил, кроме своих двух прожорливых птенцов. Мелкое зверье он презирал, крупных животных терпел, а вот волков особо не любил. Он считал их чем-то вроде степного пожара, губящего все подряд.

Имей беркут свой язык, сказал бы: жулье, а не охотники. Степной лис и тот больше охотник.

Не раз беркут спугивал их добычу, а если удавалось, уносил из-под носа и потом с удовольствием наблюдал, как волки бесятся, щелкая зубами.

Сложив широкие крылья, беркут бросился вниз. Воздух загудел, беркут не сводил взгляда с серого волчьего загривка, на который падал. От огорчения, что нельзя вцепиться в этот загривок, беркут дернулся и едва не сплосховал, на мгновение позже раскрыв крылья. Он задел волка, и острая вонь смертельно испугавшегося зверя подкинула беркута вверх.

Когда раздался удар крыльев и трава вокруг полегла от вихря, волк опрокинулся на спину, повизгивая по-щенячьи, молотя лапами по воздуху. А ведь только что бежал по степи победителем, с сознанием своей силы — грудь широка, клыки острые.

Круто взмыв, беркут издал торжествующий крик: «Куа-а-ах!»

Волки остановились, яростно оскалились.

«А! А! А!» — крикнул беркут, проносясь над ними. Мол, догоните, возьмите меня, бескрылые твари на четырех ногах.

Он спикировал еще раз — не на волков. Молнией мелькнул перед кобылицей и словно воздвиг стену — кобылица остановилась у спуска в балку, прижала жеребенка боком к громадному валуну и повернулась к волкам.

Им предстояло здесь умереть. И все же лошадь на что-то надеялась и заржала, но никто в бескрайней степи не ответил ей. Лошадь прижала уши и оскалила большие желтые зубы, годные сейчас тоже стать оружием.

Вновь поднявшийся ввысь беркут заметил, как на склоне далекого холма мелькнула тень. Зарулив широким хвостом, он полетел навстречу. И разглядел черную гриву.

Жеребец держал направление к балке. Он летел над степью, едва касаясь ее черными копытами. Беркут с неудовольствием заметил,

что жеребец обгоняет крошечную точку — тень самого беркута.

Но он был далеко от балки, очень далеко...

«Что мы стоим? Мне здесь не нравится». — Жеребенок носом толкнул мать.

«Молчи, растворишься и уйдешь в камень», — дрожью кожи ответила она.

Волки сидели чинным полукругом, будто пришли к кобылице в гости пить кумыс, и терпеливо ожидали, пока она поставит перед ними бурдюк с белым напитком. Крайним, чуть поодаль от остальных, сидел волк, напуганный беркутом. Он морщился и чихал, изгоняя из ноздрей собственный запах. Он уже не жаждал чужой крови: ему хотелось дожидаться ночи, одиночества и луны, чтобы долгим воем излить смертельную обиду и вновь утвердить себя в мысли, что он — волк.

Камень был горяч, и жеребенок толкался, пытаясь оттеснить мать дальше от него.

«Они же совсем небольшие, не страшные, — разглядывая волков из-под брюха матери, сообщил ей жеребенок. — Пойдем к траве, а?»

«Молчи и спрячься, — повторила мать, — ты их не знаешь».

Лошадь от долгого напряжения готова была вот-вот зазвенеть, закричать или взорваться.

Ближайший к ним волк зевнул — ску-у-учно жить на свете! — и умильно склонил голову. Но зубы его щелкнули, как несколько столкнувшихся ножей.

Выгнувшись, как если бы хотел почесаться, волк прыгнул к лошади. Прыжок был расчетливый, до точно выверенной границы. Мгновенно повернувшись, лошадь ударила задом и не достала.

Не раз и не два волк повторил этот маневр.

Прыгали и другие волки так же безрезультатно. Казалось, волки забавлялись. Только крайний, сидевший с обиженной мордой, не прыгал, отвернулся от всех.

Солнце скатывалось к западу.

Беркут поймал крыльями верховой ветер, и тень его обогнала желтого жеребца. Беркут увидел кобылицу с жеребенком и удивился, что они еще живы. Хотел было снова позабавиться, но кинуться вниз не успел. Четыре волка одновременно бросились на кобылицу...

Лошадь громко заржала. И слышался в ее голосе: «Сын мой! Кто тебя теперь защитит?!»

Жеребенок впервые закричал, прячась за мать.

Волк уже висел на шее кобылицы, которая упала на колени, резко мотая головой. Второй волк прыгнул через нее на жеребенка. Но в момент, когда лошадь падала, жеребенок взвился на дыбы, собираясь перемахнуть через мать и умчаться в степь. Столкнувшись с взлетевшим навстречу волком, жеребенок замахал передними копытами и случайно попал в голову волка. И тот от слабенького удара увалился по спине лошади обратно.

Матерый хищник, вцепившийся в шею ко-

былицы, скосил на жеребенка выкатившийся кровавый глаз, и жеребенок затрясся от его ярого взгляда и еще раз закричал — тонко, жалобно, призывая мать подняться.

И кобылица поднялась.

Она уже не ощущала въевшегося в нее зверя, не чувствовала жеребенка рядом. Что-то заставило ее подняться и удержаться, расставить широко ноги, чтобы не упасть. И все же она падала, потому что была фактически не жива.

Падала.

Жеребенок снова заплакал, а мать уже не могла ему ответить. Волки, впавшие в кроважадное бешенство, рвали кобылицу.

Из степи донесся яростный рев, не похожий на голос коня. Одуревшие от горячей крови волки не слышали гула грозových копыт, не видели летящей грозы.

На волков пал желтый смерч.

Первым погиб волк, даже не принимавший участия в убийстве лошади, ставший неуклюжим от тоскливого ожидания ночи. Волчий череп влажно хрустнул от удара копытом.

Второй волк, подкинутый двойным ударом копыт, пролетел, кувыркаясь, до балки, съехал туда на спине и больше не оглядывался.

Противостоять желтому страшному зверю волки оказались не в силах и бросились врассыпную.

Еще одного, догнав, жеребец смял, и волк, сшитый из мускулов, когтей и клыков, оставался лежать в степи серым мешком, набитым костями.

Беркут видел, как два оставшихся в живых волка неслись по степи, и презрительно свистнул сверху и уронил над ними помет.

Вернувшись к камню, жеребец обнюхал лошадь, фыркнул и попятился от нее.

Лошадь погибла, защищая сына.

Не сложат над ней погребального кургана, не пройдет мимо табун печальной вереницей. Лишь ветер пронесет над ее останками шары перекати-поля.

Во-он виднеются две точки — уже спешат сюда грифы...

Помотав головой, жеребец заржал и пустился через степь к холмам. Он знал, не оглядываясь, что жеребенок бежит за ним на расстоянии вытянутого хвоста.

Они бежали ровно, не ускоряя и не замедляя бег. За холмами вокруг табуна носился черный жеребец, длинный, как осенняя ночь. И молчаливые стражи табуна, умные пастушьи овчарки, опасались попасть ему под копыта.

Табунчики покуривали и спорили, чей конь лучше.

Туда они и держали бег — отец и сын: Сарык — Желтый и Олтин Дивона — Золотой Сумасшедший жеребенок.

Возможно, когда-нибудь он станет Великим конем под именем Золотой Сумасшедший?!

Но то будет другое время и для того времени — другой рассказ.

Моя гимнастика

Из дневника Алены Петровой

«Сегодня к нам на физкультуру приходила тренер по гимнастике и посоветовала мне записаться в секцию. Я видела гимнастику только по телевизору, но и то было немножко страшно, и я иногда закрывала глаза. Мне казалось, что Корбут обязательно упадет. Однажды она даже плакала, когда судьи поставили ей низкие оценки за очень сложный элемент. Я подумала, что плачет она не от несправедливости судей, а потому, что ей очень страшно было делать этот элемент, а потом она все-таки пересилила этот страх и боялась уже другого: что никогда у нее так хорошо не получится.

С мамой я всегда советуюсь. И насчет гимнастики тоже, конечно, спросила. Раньше мама занималась в ЦСКА волейболом, а теперь играет в волейбол на работе. У нас дома очень весело, когда собирается их команда. Мама всегда предупреждает: «Алена, завтра придут мои девочки». Смешно: ну какие же это девочки, если им всем за тридцать? А они говорят: пока мы играем в волейбол, мы молодые, старухи в волейбол не играют. Когда они собираются вместе, особенно если выиграют, то поют, пляшут. А сами жалуются, что ноги болят. Все эти «девочки» говорят, что спорт — это молодость и что в спорте нужна одержимость. Надо очень захотеть, и все сможешь. А ведь, наверное, действительно здорово смочь все, что захочешь.

А Светка на меня обиделась. Она сказала, что если я настоящая подруга, то не пойду на гимнастику, а запишусь вместе с ней в кружок кройки и шитья. Но мне там совсем неинтересно. Светка всегда так говорит: «если настоящая подруга». Если настоящая — дашь списать, если настоящая — пойдешь со мной в магазин. А мама считает, что это не дружба, а эксплуатация дружбы.

Завтра у меня первая тренировка.

* * *

Утром я проснулась без будильника, словно от радости, что день начинается. Зарядку я давно уже не делаю. Был, правда, однажды порыв — по утрам бегать, но всего-то на три дня меня хватило. Сразу отговорки нашлись. А сегодня руки и ноги сами в пляс просятся: завела музыку и давай делать акробатические упражнения. Чуть стекло в книжном шкафу не разбила! Мама заглянула в комнату и сказала: «Ну-ну». Думала, что у меня очередной «заскок». У меня так часто бывает: что-нибудь решу, а потом брошу. Начала марки собирать, а теперь, где лежит альбом, даже не знаю. Или

балет. Уехала наша преподавательница, и бросила я все.

Сегодня пойду на гимнастику. Что, если и здесь не смогу долго продержаться? Значит, я вообще человек безвольный?

* * *

Раньше я никогда не бывала в настоящем гимнастическом зале. У нас в школе тоже стоят разные спортивные снаряды, только они тусклые какие-то, старые. А здесь — настоящий город, блестящий и праздничный. Особенно мне понравилась яма, набитая разноцветными кусочками поролона. После занятий Нина Ивановна, наш тренер, разрешила там покувыркаться. В это время подошел какой-то мужчина, важный такой, и спросил строго: «Кто это вам позволил безобразничать?» А Нина Ивановна и говорит: «Это мои дети, я им разрешила». Так и сказала — «мои дети», а всего-то на первой тренировке у нее. Нас немного, человек пятнадцать. Все девочки из разных школ. Мы еще даже не познакомились как следует. А после тренировки так устали от новых впечатлений, что и говорить было лень.

Все, заканчиваю писать. Мама уже сделала замечание, сказала, что спортсмены не должны нарушать режим. Завтра обязательно сделаю зарядку.

* * *

Идет к концу вторая четверть. Светка говорила, что из-за гимнастики я скачусь на тройки. Но мне только сначала было очень тяжело. Успевала кое-как сделать письменные, а на устные предметы времени совсем не оставалось. Приходилось читать на переменах. Все путалось, мешалось в голове. Но потом я приучила себя обязательно читать устные перед сном, как бы ни устала, или в троллейбусе — по дороге на тренировку и домой.

Светка несколько раз пыталась поймать меня на том, что я не приготовила домашнего задания. Утешала: «Ты, наверное, не успела задачи решить. Не волнуйся, я договорилась уже, дадут списать, могу и тебе потом дать». Раньше я обижалась на ее вредности, а теперь мне все эти обиды кажутся мелкими.

Что-то изменилось во мне. То, что раньше не трогало, не задевало меня или имело смысл, значение, вдруг перевернулось, стало видаться по-другому. Почему? И вот до чего я додумалась. Здесь, в школе, они все придумывают. Все эти переживания — кто на кого посмотрел, кто во что одет — какие-то игрушечные. Из-за них нельзя по-настоящему расстроиться и радоваться тоже нечему. А у нас, в гимнастике, все по правде, серьезно. Вот такое открытие.

Я это поняла случайно, когда выполняла вольные упражнения. Они раньше никак не получались. И вдруг появилась какая-то свобода во мне. Я слышала музыку и будто летела, мне было весело и легко, словно не вольные это вовсе, а танец. И сама я не девочка, с руками, ногами, а мотылек — невесомый, послушный да-

же незаметному дуновению ветерка. Когда оборвался последний аккорд, долго не могла прийти в себя — как в прекрасном сне находилась, и мне виделось поле — огромное, с ярко-красными маками и синью васильков.

Скоро наши первые соревнования, будем сдавать на разряд.

* * *

...Прошло уже десять дней, как я не брала в руки дневник. Я болею. Болею и плачу: соревнования прошли без меня. Доктор говорит, что, если я буду все время лить слезы, долго не выздоровлю. Но мне все равно. Кто мог подумать, что одна-единственная пачка пломбира превратится в ангину, да еще с осложнениями? А тут еще Светка масла в огонь подливает: тебя, говорит, теперь из гимнастики выгонят. А ты не расстраивайся — что это за жизнь: ни в кино, ни на день рождения не пойдешь, все вечера заняты. Я все это выслушала и даже согласно головой покивала... И вдруг мне показалось, что я предаю гимнастику. Позвала маму и все ей рассказала. Мне стало немного легче, но все равно казалось, что страшной моей беды нет. Я закрывала глаза и пыталась в уме повторить свои комбинации, но у меня ничего не выходило, казалось, что я падаю и нет сил удержаться на снаряде.

* * *

...Сегодня мне разрешили выйти на улицу. Еще не закончились зимние каникулы, и можно было успеть попасть на елку. Но мне скорее надо в гимнастический зал. Я сошла с троллейбуса, побежала, устала, пошла медленнее, потом снова побежала.

Нина Ивановна очень обрадовалась моему приходу. Все тормозила меня, спрашивала, что врач сказал, разрешила посмотреть тренировку (у нас нельзя просто так, без дела в зале сидеть — отвлекает). Некоторых девочек не было: они не выполнили программу разряда. Только их никто не выгонял, они сами решили, что им заниматься гимнастикой ни к чему. Не понравилось, наверное. А те, что остались, намного меня обогнали. Но Нина Ивановна говорит, что тяжело будет только первые две недели, а потом все пойдет как надо. Она посмотрела мне в глаза и очень серьезно спросила: «Ты любишь гимнастику? Только не спеши с ответом». Я подумала, вспомнила все, о чем передумала во время болезни, и сказала: «Понимаете, я без нее жить не могу».

Девочки отнеслись по-разному к тому, что мне разрешили без разряда продолжать занятия. Одни просто промолчали, а Люся подошла и сказала: «Я очень рада, что ты выздоровела. Если нужно помочь, скажи». Но тут я услышала, как рядом кто-то громко проговорил: «Подума-

ешь, особенная какая! Испугалась соревнований и притворилась больной».

За что они так? Что я им сделала? Я же только тренироваться хочу и больше ничего...

Мама еще не пришла. Я ничего не могла делать. Ни читать, ни телевизор смотреть. Как назло посуда оказалась вымытой, белье постиранным и поглаженным. Не с кем было поговорить. Я вытащила пылесос и стала убирать квартиру: не могла сидеть без дела, не могла. Но потом и это дело закончилось. Больше нельзя было сопротивляться самой себе. Я включила проигрыватель, поставила пластинку Вивальди и стала делать шпагаты, мостики... А потом уселась на пол и разревелась. Повторяла про себя: проживу без вашей гимнастики, жила же раньше. Даже не слышала, как щелкнул в двери замок. На пороге стояла мама. Я уткнулась в ее мокрое от снега пальто и все говорила, говорила про свою беду. Она помолчала, а потом просто сказала: «Давай-ка ужин готовить».

Утром на кухне я увидела свой отглаженный и ушитый купальник.

* * *

Все учат программу первого юношеского разряда, и я вместе со всеми. Ко мне подошли Вера с Наташей и извинились. Я им сказала, что и не сердилась даже, что со всяким может такое случиться и что я уже все забыла, так что никаких обид. И им, и мне сразу стало так легко, что мы заулыбались. Послезавтра соревнования...

* * *

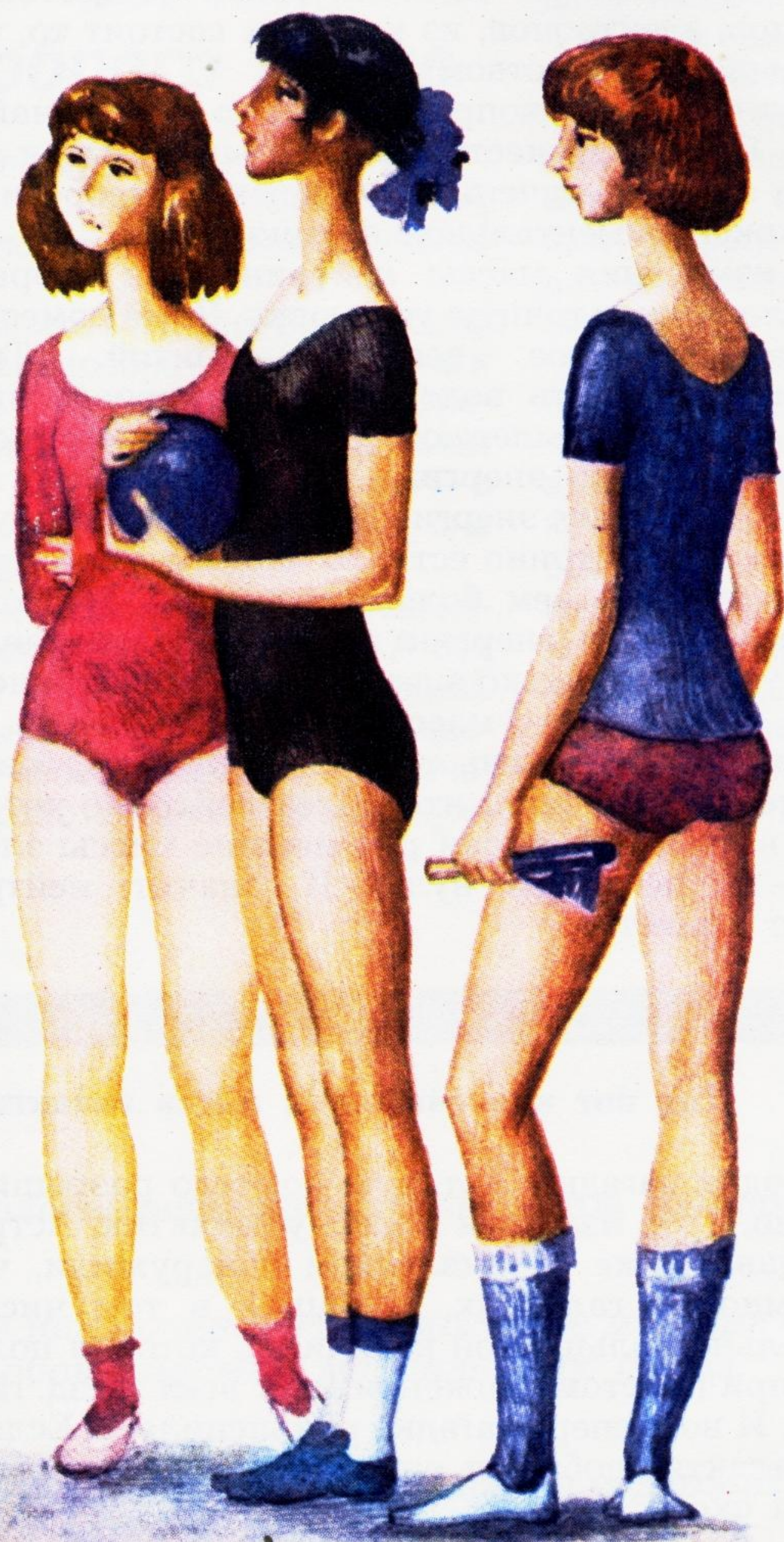
Я заняла первое место, а эта победа принесла мне и первый юношеский разряд. Вечером я вспоминала, как все произошло. Как кивнул головой аккомпаниатор, как улыбалась Нина Ивановна, как внимательно следил за моим выступлением директор школы, как после вольных я услышала аплодисменты и не поняла, что это — мне. Помню, как разыскала Нину Ивановну, усталую и радостную, и как она сказала: «Ты так вольные выполнила, что я позавидовала тебе». «Это все вы, вы,—говорила я ей,—вы меня в гимнастику привели, вы меня научили, спасибо вам за мою гимнастику».

Дома мама сказала, что мое первое место — это только крошечный успех в моей спортивной жизни. И что завтра опять тренировка, и послезавтра, и послепослезавтра, и всегда. Я поняла, о чем мне говорила мама. Думать о завтрашнем дне так приятно...

Наверное, многие из вас ведут или вели дневники. Что-то в Аленином дневнике показалось тебе знакомым и понятным, что-то, наоборот, спорным, странным. Если ты занимаешься спортом, наверняка поймешь Алену, которой спорт помог приобрести настоящих друзей, научил прощать ошибки другим и не прощать их себе... Поймешь, потому что обязательно вспомнишь, как спорт что-то изменил и в тебе.

Т. КАЛЧАНОВА

Рисунок А. ДУГИНА.

Раздел ведет
В. НИКИТИНА.
НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ
Рисунки
Н. ДОБРОХОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

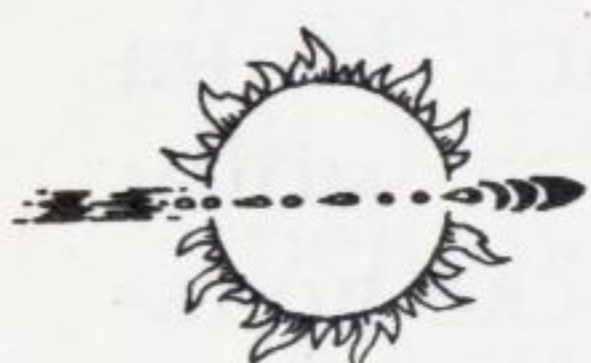
ЧАСТИЦА ОБЪЯСНЯЕТ, КАК УСТРОЕН МИР

Загадочный воришка

В 1932 году при изучении реакции радиоактивного распада обнаружилась пропажа. Пропала часть энергии, которая выделяется при распаде атомного ядра. Ученые тщательно измерили энергию всех частиц, вылетевших из ядра, но пропажа не нашлась. Тогда знаменитый немецкий физик Вольфганг Паули предположил, что загадочный воришка, похитивший энергию, — еще одна частица, не имеющая электрического заряда. И настолько маленькая, что она не оставила следов на фотографической пластинке, которая фиксирует процесс распада ядра.

Итальянский физик Энрико Ферми предложил эту крошку назвать «нейтрино», используя такой же уменьшительный суффикс «ино», как в словах Буратино, Чиполлино. Так что нейтрино можно перевести на русский язык как «нейтрончик».

Ничто нейтрино не преграда

Самое замечательное свойство нейтрино — его удивительная проникающая способность. Если от всех других частиц можно защититься слоем железа, свинца или бетона толщиной в несколько сантиметров, ну, в крайнем случае в несколько метров, то для нейтрино не только такой слой вещества, а даже весь земной шар, даже Солнце — не преграда.

Каждую секунду через один квадратный сантиметр любого тела на Земле проходит сто миллиардов нейтрино. Пронесаются эти миллиарды частиц и сквозь нас с вами, не задерживаясь и не причиняя ни малейшего вреда.

Хотя бы след его увидеть...

Увидеть саму частицу нельзя. Но, может быть, можно увидеть хоть какой-нибудь ее след? Следы нейтрино удалось заметить, создав с помощью ядерного реактора огромный поток этих частиц. Тысячи миллиардов нейтрино рождались при ядерных реакциях, пронизывали стенки ядерного реактора и уносились прочь, не задерживаясь в приборе, построенном для их регистрации, и не оставляя

никаких следов. Но все-таки иногда какое-то одно нейтрино из многих-многих миллиардов случайно налетало на ядро атома в приборе. И тогда возникали вспышки, которые уже можно было увидеть. Так было доказано, что нейтрино и в самом деле существует.

Нейтрино — тоже вещество

Хотя со времени открытия нейтрино прошло уже около 50 лет, многие его свойства еще неизвестны. Самый главный вопрос: какова его масса? Равна ли она нулю, как у частиц света — фотонов, или же имеет определенную величину, как у протонов, нейтронов, электронов, из которых состоит то, что мы называем веществом?

Ответить на этот вопрос оказалось чрезвычайно трудно. После множества неудачных попыток это сделали советские ученые из Института теоретической и экспериментальной физики.

Для измерения массы нейтрино они собрали очень сложную и точную установку. В нее поместили радиоактивное вещество — тритий. Тритий — разновидность водорода. При распаде ядра трития из него вылетают электрон, нейтрино и выделяется много энергии. Если у нейтрино нет массы, то почти вся энергия достается электрону. А если масса у нейтрино есть, то частица унесет тем больше энергии, чем больше ее масса. Поэтому, измерив, сколько энергии досталось электронам, можно узнать, сколько энергии унесло нейтрино, а значит, и какова его масса.

И вот, проводя очень тонкие измерения, советские ученые доказали, что масса нейтрино хотя и мала — в двадцать тысяч раз меньше массы электрона, — но не равна нулю. И, значит, нейтрино — это вещество.

Так вот как считается масса галактик!

Еще одна загадка, которую помогло разрешить нейтрино, — это издешек массы у галактик. Астрономы давно уже с удивлением обнаружили, что масса многих галактик, и нашей в том числе, значительно больше той величины, которая получается при простом сложении масс всех звезд, газа и пыли. И вот теперь загадка разъяснилась. Если к массе галактик добавить еще и массу нейтрино, все расчеты сходятся.

Что ожидает Вселенную?

Открытие массы нейтрино решительно изменило наши представления о будущем Вселенной. Вселенная с огромной скоростью расширяется, разлетается во все стороны. И наша Галактика, а вместе с ней наше Солнце и наша Земля летят куда-то с огромной скоростью. Это расширение Вселенной — следствие грандиозного взрыва, происшедшего 15—20 миллиардов лет тому назад.

Сила всемирного тяготения тормозит разлет галактик. Остановится когда-нибудь расширение или нет, зависит от того, сколько всего вещества во Вселенной. Если его достаточно много, то разлет галактик со временем остановится и они начнут сжиматься, собираться вместе. А если масса Вселенной недостаточно велика, то галактики так и

будут разлетаться до бесконечности. Так какое же будущее нас ожидает?

Подсчет массы всех звезд, галактик и прочего показывал, что вещества в несколько раз меньше, чем нужно, чтобы остановить разлет галактик. Так что вроде бы Вселенная обречена на вечное расширение.

Но вот оказалось, что у нейтрино есть масса. А частичек нейтрино во Вселенной очень много. Если подсчитать общую массу всех этих нейтрино и добавить к звездам и галактикам, получается, что вещества во Вселенной вполне достаточно, чтобы остановить расширение. Так что наш полет вместе со всей Вселенной затормозится, а потом все галактики начнут сближаться и в конце концов вещество во Вселенной сольется в один комок с немыслимой температурой и плотностью. Но до этого еще несколько десятков миллиардов лет. К тому времени люди придумают, как быть с нашей Землей...

Г. С. ВОРОНОВ,
кандидат физико-математических наук

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Зонтик доброго гнома

«Почему людям снятся сны?»
Валя СМЕРНОВА,
д. Плоше, Тюменская область.

Помните чудесную сказку Г.-Х. Андерсена? Каждую ночь к детям приходит гном Оле-Лукойе, раскрывает над ними свой разноцветный зонтик — и дети всю ночь видят во сне волшебные сказки...

Почему людям снятся сны, наука пока точно не знает. А вот зачем — это вопрос более ясный. Оказывается, ночные видения — неосознаваемая творческая работа мозга, которая нуж-

на ничуть не меньше, чем сознательная, дневная. При правильном, полноценном сне мозг избавляется от накопившихся за день напряжений, конфликтов. А порой и находит решения проблем, над которыми человек напряженно, но безуспешно размышлял наяву. Известно, что во сне иногда совершаются научные открытия, сочиняется чудесная музыка — этим историям можно верить: считается, что, чем талантливее человек, тем ярче, оригинальнее его сны.

Некоторые люди могут при этом пожаловаться, что они никогда не видят снов — что ж они, бездари, что ли? Разумеется, нет. Сны видят все, только не все их запоминают. Да и тот, кто запоминает, проснувшись, может рассказать один-два сна. А на самом деле он видит их больше: четыре, а то и шесть. Через

каждые час-полтора глубокий сон без видений сменяется особым, так называемым «быстрым» сном — тогда-то и посещает нас Оле-Лукойе со своими сказками, но ненадолго. Его визит не длиннее маленького мультфильма, после чего сон снова становится глубоким. И — прав все-таки Андерсен — к детям добрый гном приходит чаще и гостит у них дольше, чем у взрослых. Не потому ли все дети так талантливы?

П. САВКО

ЗНАЕШЬ?

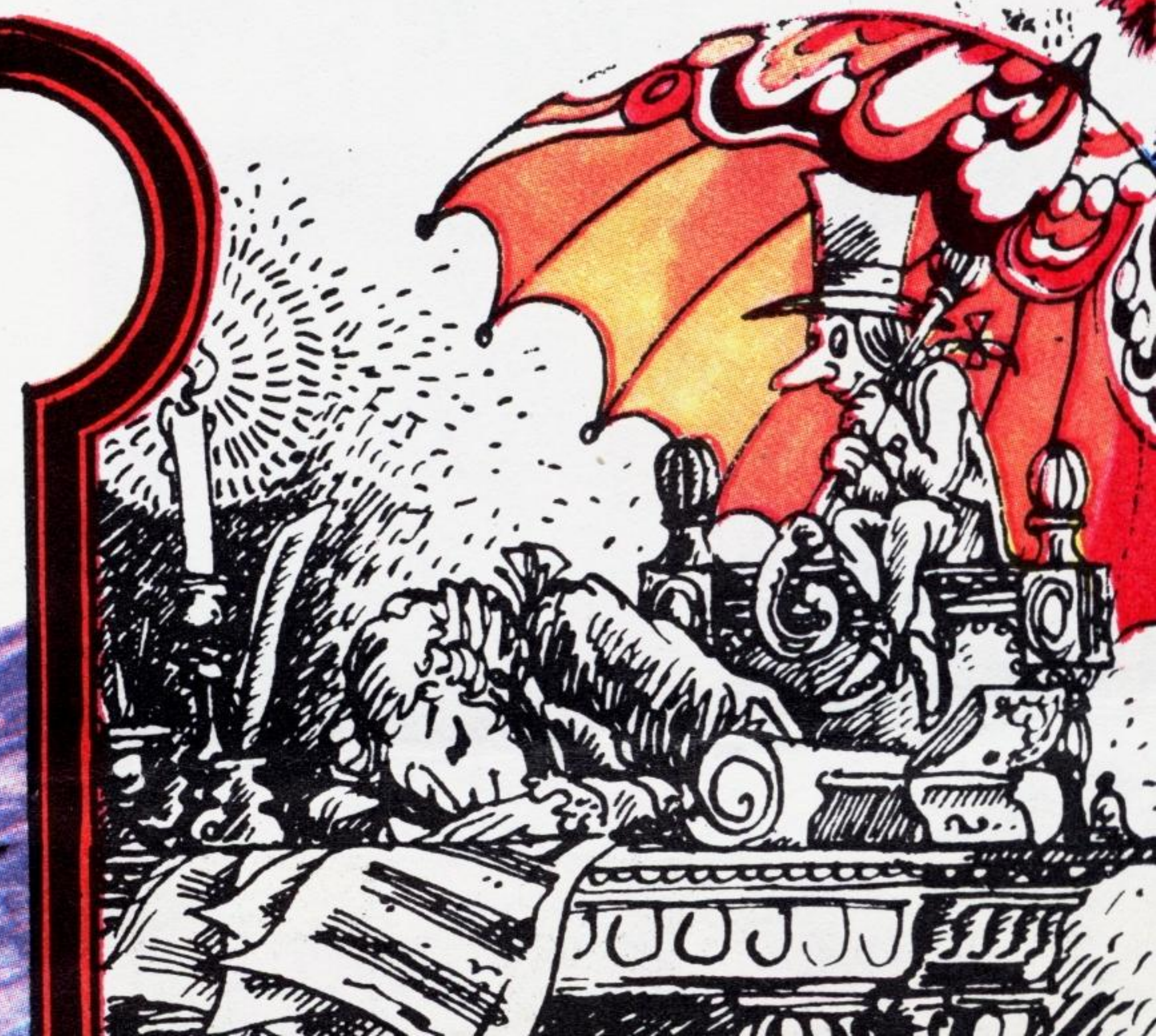
Полеты реактивных самолетов влияют на погоду.

* * *

Не исключено, что некоторые метеориты представляют собой обломки марсианских пород.

* * *

В грамме плодородной почвы содержится от одного до десяти миллионов микробов.

ГДЕ МЫ БЫЛИ,
ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

ТРИ УЛИКИ

Рано утром на пустынном шоссе между Москвой и аэропортом Шереметьево попала в аварию автомашина «Жигули». Водитель погиб. Разбитый автомобиль остался на дороге. Вторая машина скрылась.

На место происшествия выехали сотрудники милиции и следователь. У них был специальный чемодан с пробирками, пинцетами, лупой, магнитом, порошками для выявления следов преступника и еще многими-многими инструментами для сбора вещественных доказательств.

Следователь подобрал с места аварии осколки стекол, кусочки отскочившей краски, ниточки...

Как дальше действовал следователь, мы здесь подробно рассказывать не будем. Это тема другого разговора. Можем только сказать, что после опросов, сопоставлений, рассуждений следователь предположил, что преступление совершил шофер А. на автомашине ЗИЛ. Но свидетелей происшествия не было. Раньше в таком случае и дело могли прекратить, раз нет убедительных доказательств. Но теперь физики, химики, биологи при помощи сложнейших научных опытов помогают следователям эти доказательства находить.

Мы сидим с экспертом-химиком Алексеем Ивановичем Гвытьевым в лаборатории научно-технического отдела Главного управления внутренних дел. Кругом колбы, пробирки, горелки, вытяж-

ные шкафы — предметы, знакомые по школьным урокам химии. Но есть и загадочные, непонятные приборы — сложная аппаратура в металлической броне. Алексею Ивановичу поступили материалы по делу шофера А. Из пакетиков он достает кусочки фарного стекла от грузовика марки ЗИЛ, которые нашли в салоне «Жигулей». Осколки краски, снятые с искореженного капота легковой машины. Ворсинки ткани, их разглядели через сильную лупу на ручке дверцы. Теперь эксперту надо доказать, принадлежат ли осколки стекла фар и краска, найденные на месте преступления, грузовику шофера А.? В отдельном свертке — шерстяные перчатки шофера, найденные следователем в кабине ЗИЛа. Перед экспертом поставлен вопрос: не от них ли остались ворсинки на ручке «Жигулей»?

Эксперт внимательно осмотрел кусочки стекол. Уже по внешнему виду можно предположить, осколок ли это оконного стекла, бутылочного или фарного рассеивателя. Но одним внешним осмотром химик не ограничивается. Он берет два одинаковых по весу осколка — от подозреваемой машины и с места происшествия — и помещает их в разные тигли со специальным раствором, нагревает. Стек-

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Рассказ о водомерке и плавающей игле

Летом по воде луж, озер и тихих речных заводей бегают, не замочив лапок, изящные насекомые-водомерки. Быстрыми рывками они скользят по водной глади, и если внимательно приглядеться, то можно увидеть, что поверхность воды под ними слегка прогибается, подобно тонкой резиновой пленке, но не прорывается.

Почему водомерка не тонет?

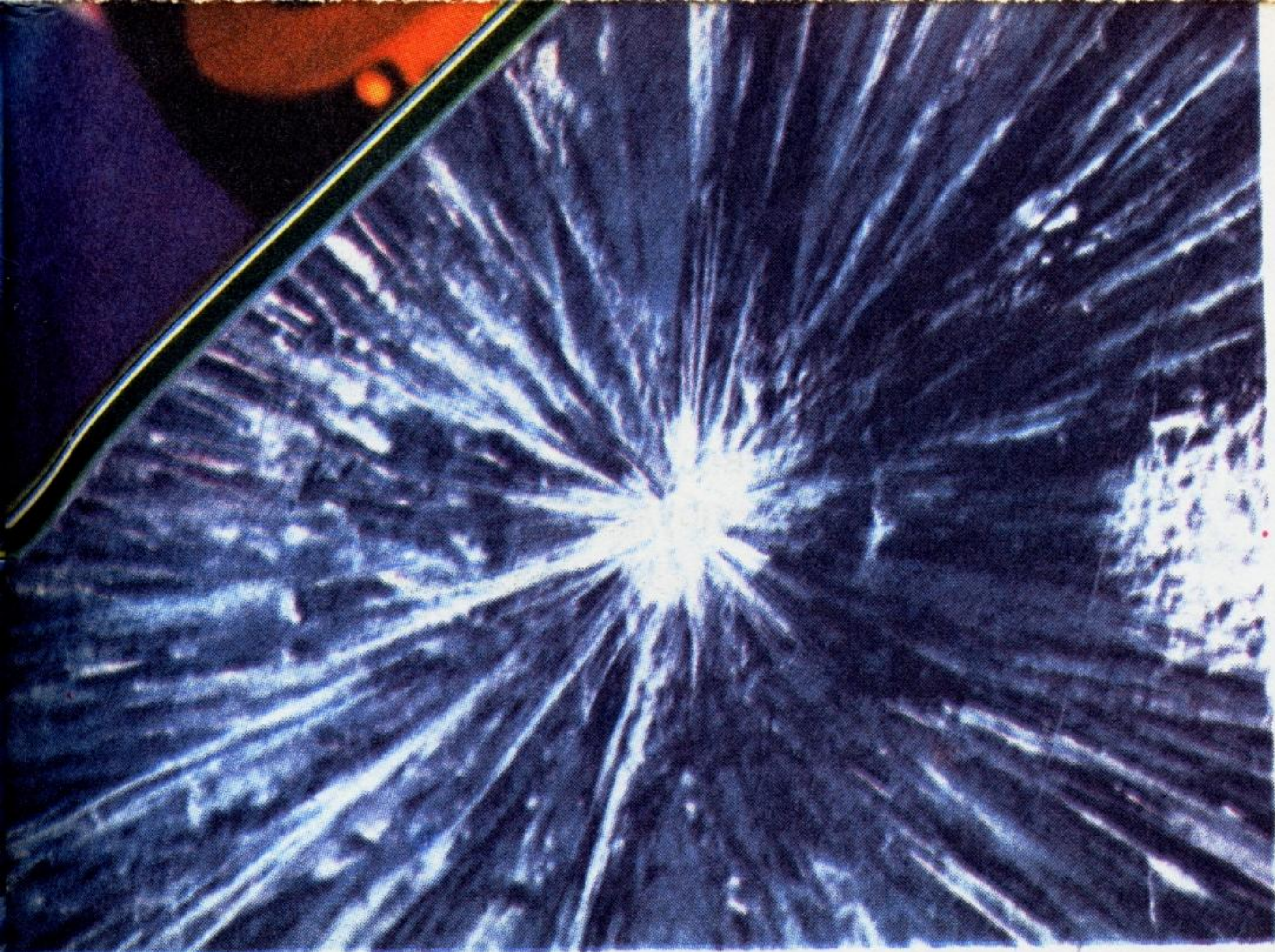
Возьми обыкновенную швейную иглу. Она, конечно, гораздо тяжелее водомерки и вообще тяжелее воды и поэтому тонет буквально как железный топор. А можно ли заставить такую иглу плавать?

Смажь иглу тонким слоем жира — лучше всего потеряв ее о кусочек свиного сала (сливочное масло не годится). Налей в чистую миску холодной воды из-под крана и намочи в ней кусочек газетной бумаги размером

чуть больше иголки. Бумага, хоть и мокрая, будет плавать на поверхности. Сможет она вынести и вес иголки, смазанной жиром.

А теперь полегоньку-полегоньку начни топить края газетного листка кончиком карандаша. Если при этом у тебя не дрогнет рука, то бумажка утонет, а стальная иголка... останется лежать на поверхности. И так же, как под лапками водомерки, водяная пленка под ней прогнется, но не разорвется, если, конечно, не очень баламутить воду и не трогать иголку пальцем.

И все же иголку можно утопить, не прикасаясь ни к ней, ни к миске. Для этого достаточно добавить в воду немного раствора мыла, или стирального порошка, или же жидкого шампуня для мытья волос. Как только мыло разойдется по всей повер-

ла растворяются. Алексей Иванович поочередно помещает то один, то другой раствор стекла в графитовую печь.

Собственно печь — это графитовый стержень величиной с человеческий палец, но заключен стержень в такую установку, которая может нагреть его до температуры более двух тысяч градусов. При этой температуре раствор стекла расщепляется на «атомный пар» — отдельные атомы веществ. Потом «атомный пар» пронзается лучом света с определенной длиной волны. Если в паре есть молекулы, например, железа, то эти молекулы поглощают свет. Прибор показывает: железо есть и даже какой процент его в этом стекле. Так улавливают и подсчитывают мельчайшие добавки олова, стронция, железа — всего того, что вместе с песком попадает в расплав, когда варят стекло.

Исследование закончено, и химик приходит к заключению: стекла изготовлены из одной стекло-массы, есть вероятность, и очень большая, что это кусочки от одной и той же фары.

Итак, улика № 1. Алексей Иванович записал свои выводы и приступил к изучению образцов краски.

Эксперта в первую очередь интересует верхний слой: его цвет, химический состав.

Под микроскопом он отделяет верхний слой от всего скола, измельчает до порошка, смешивает с чистым бромистым калием, спрессовывает в таблетку. Таблетку просвечивают инфракрасными лучами (бромистый калий пропускает инфракрасные лучи, в них он кажется прозрачным), и прибор сообщает, какая это краска: масляная, нитро или алкидная, которой обычно красят автомашины.

И что же? Интересующие нас краски однородны. Есть улика № 2.

Теперь перчатки. Вязанные, ручной работы, из разноцветных ниток. Химик пинцетом выдергивает образцы волокон и изучает под микроскопом. Ему надо определить состав пряжи, цвет и чем она загрязнена. Под микроскопом видно, что пряжа шерстяная, а микрохимическая реакция на растворимость показывает, что есть добавки капрона.

Красители с каждой ниточки смыли и поместили в спектрофотометр, который ответил химику, что красители совпадают. Под микроскопом на перчатках и на ворсинках с дверцы «Жигулей» эксперт увидел мельчайшие частицы какого-то растения. Какого? Он не знал. Пришлось позвать на помощь ботаника, и тот установил, что в обоих случаях это частица репейника. Улика № 3!

И вот все выводы записаны. Теперь суд будет решать, случайны или нет эти совпадения. Эксперт и следователь думают, что не случайны.

На прощание меня провели по всем лабораториям научно-технического отдела. Показали, как сравнивают отпечатки пальцев, как в инфракрасных лучах читают зачеркнутые записи, как отличают поддельные документы и печати от настоящих... В общем, делают все возможное, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым.

М. МАТВЕЕВА

хности воды, пленка сама собой лопнет, и иголка очутится на дне.

Этот же опыт можно сделать и, так сказать, наизнанку. Возьми кусок оконного стекла, натри его салом и разотри жир по поверхности тонким ровным слоем. Если теперь на испачканное стекло чуть капнуть чистой водой из пипетки, капля останется лежать на поверхности в виде сплюснутого шарика. Но если в воде есть мыло, капля растечется по испачканному жиром стеклу.

Получается, что чистая вода от жира и жирной грязи отталкивается, а мыло помогает воде притягиваться к грязным поверхностям. Теперь понятно, почему грязные руки надо обязательно мыть с мылом?

Это одна из причин, по которой загрязнение ручьев, рек, озер растворами стирального по-

рошка наносит огромный вред живой природе: ведь за поверхность воды цепляются многие обитатели водоемов, неспособные жить в воде, как рыбы.

Мыло и похожие на него вещества называются поверхностно-активными, потому что проявляют себя на поверхностях. Сокращенно их обозначают тремя буквами — ПАВ.

Мыло, стиральный порошок, шампунь — это ПАВ. Но ПАВ нужны не только в домашнем хозяйстве. Их используют на заводах для очистки деталей. С помощью ПАВ ценную руду отделяют от пустой породы и заставляют скважины давать больше нефти. ПАВ делают твердые материалы мягкими, а мягкие — твердыми...

Не правда ли, очень странно, что все это подсказала нам шустрая водомерка?

В. БАТРАКОВ

Ответ к задаче «В лес по ягоды» (№ 7)

Чтобы определить, сколько ягод поместится в корзине, надо сообразить, что, хоть ягоды и круглые, каждая займет объем, равный 1 см^3 . Сколько таких объемов всего, определить нетрудно: $50 \times 30 \times 20 = 30\,000 \text{ см}^3$. Придется девочке нагнуться тридцать тысяч раз! Но будет ли корзинка заполнена ягодами без остатка? Нет, объем шара меньше, чем объем куба. Объем шара равен $\frac{1}{6} \pi D^3$, а если $D=1$, то объем — $0,53 \text{ см}^3$. Значит, из каждого кубического сантиметра объема корзинки ягоды займут $0,53 \text{ см}^3$, 47% объема останутся пустыми. Ну, а вес?

$0,53 \times 30\,000 + 400 = 16\,300 \text{ г}$. В старинных единицах более пуда. Не такая уж легкая корзинка получается. Зато и варенья будет немало!

Леонид ЯХНИН

Раскрытое окно

Сидел я дома и писал,
А за окошком дождь плясал,
Наверное, давно.
Но я его не замечал —
Мне шум на улице мешал,
И я закрыл окно.

Вдруг дождик робко постучал:
— Тук-тук!

А ветер ветку раскачал:
— Тук-тук! Тук-тук!

Стучался дождь, просился в дом,
И цокал, и звенел.
И ветер бил в стекло крылом,
Смеялся и шумел.

Тогда я бросил все дела
И отодвинул стул.
Тогда я встал из-за стола
И окна распахнул.

Дождю и ветру крикнул я:
— Влетайте в дом ко мне, друзья!
Несите в комнату скорей
И шум лесов, и гул морей,
Густые запахи садов
И громкий гомон городов.
И, словно белая река,
В окно вплывайте, облака!

Мок на балконе воробей,
Взъерошенный комок.
И я позвал его:— Смелей
Лети в окошко, не робей,
Ведь ты совсем промок!

Лесная тишина

Я был в лесу совсем один
Среди берез, дубов, осин,
Среди травы, среди камней
В густом плетении теней.

Я в тишине бродил один
И вдруг услышал:

«Цвин-цвин-цвин!»

И «Цвир-цвир-цвир»,

и «Чок-чок-чок!» —

В траве незримо пел сверчок.

Над головой моей пчела
Росинку меда пронесла,
И белка рыжею метелкой
Мелькнула над лохматой елкой.

Из кроны клена вырезной
Грачи кричали надо мной,
Лесная мышь из тайной норки
За мной следила глазом зорким.

Чертили воздух вкривь и вкось
Цветные крестики стрекоз,
И круглоспинный паучок
Плел паутинный свой сачок.

Я думал, что средь бела дня
Один в лесу бродил.
Но целый мир вокруг меня
Летал, трудился, жил.

Гость

Дятел, дятел, сделай круг,
Залети в окошко.
Навести меня, мой друг,
И побудь немножко.

Потолкуем о делах,
Гость круглоголовый,
О березовых стволах,
О коре сосновой,

О лесном житье-бытье,
О жаре и стуже,
О еде и о питье
Из весенней лужи.

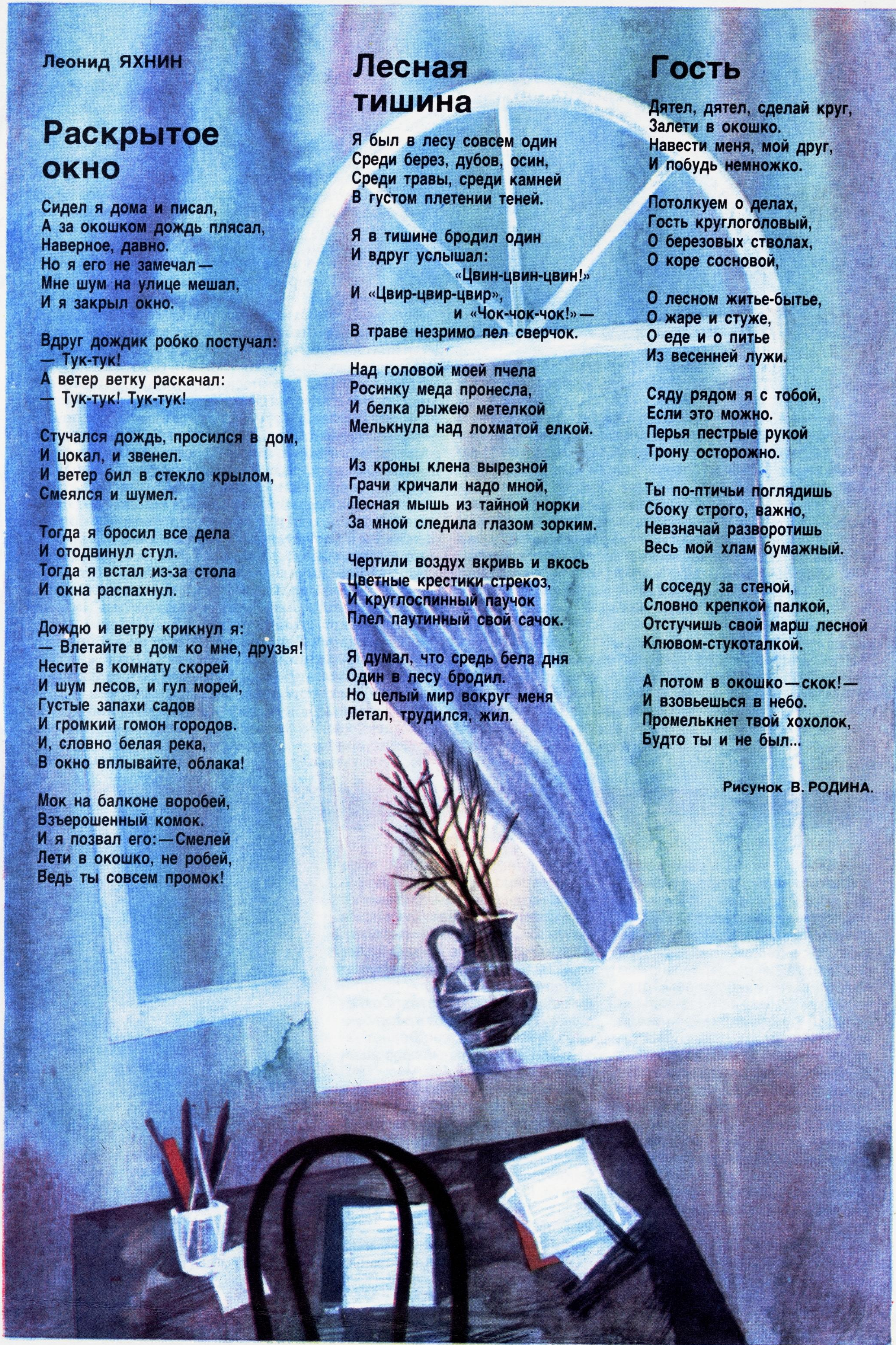
Сяду рядом я с тобой,
Если это можно.
Перья пестрые рукой
Трону осторожно.

Ты по-птичьи поглядишь
Сбоку строго, важно,
Невзначай разворишь
Весь мой хлам бумажный.

И соседу за стеной,
Словно крепкой палкой,
Отстучишь свой марш лесной
Клювом-стукоталкой.

А потом в окошко — скок! —
И взовьешься в небо.
Промелькнет твой хохолок,
Будто ты и не был...

Рисунок В. РОДИНА.

Был такой писатель. Если бы он жил сейчас, ему исполнилось бы сто лет. Писал он для детей и написал не так уж много. Его избранные произведения уложились в один небольшой томик. Но если собрать все книги, в создании которых Б. С. Житков так или иначе принимал участие, получилась бы солидная библиотека.

Одному он дарил тему, другого убеждал сократить готовую рукопись и показывал те места, которые надо вычеркнуть, чтобы книга получилась интереснее, третьему подсказывал, где найти литературный материал, которого тот не знал. Он сам никогда не писал стихов, но часто помогал поэтам, даже самым лучшим, подобрать незатасканную, звонкую рифму, смелую метафору, выразительный образ. Все это он делал так деликатно, что многие просто не замечали его вмешательства и помощи.

Среди прочих было у него одно редкое качество: какая бы незнакомая вещь ни попадала в его руки, он внимательно осматривал ее, заглядывал в справочники, бывало, и знающих людей расспрашивал и не успокаивался до тех пор, пока не разбирался в том, как она делается. Может быть, поэтому он мечтал когда-нибудь написать книгу о технологии, начиная с каменного топора и кончая самолетом. Не исключено, что именно это качество заставило его, уже имевшего высшее образование биолога, окончить Политехнический институт. Там приобрел он обширные знания по современной технологии. Может быть, и детским писателем он стал потому, что, разбираясь в том, как создается интересная детская книжка, он и сам научился делать такие книги.

К нам в «Пионер» Б. С. Житков приехал из Ленинграда, чтобы поучить нас, как надо делать интересный детский журнал. Уж в этом-то деле он был мастер! Мы, старые «пионерцы», до сих пор не забыли многие его уроки. Он любил людей, которые много знали и много умели. А сколько он умел и знал сам, трудно представить! Он и на скрипке играл, как артист, и корабли водил по морям и океанам, при случае мог неплохо нарисовать, в шахматы играл в силу первого разряда, стрелял, как снайпер... А однажды при мне простым ножичком сделал небольшой туесок из бересты, да так

ловко сделал, что, когда налили туда воды, ни одна капля не просочилась. Он и еще кучу разных вещей умел и не раз удивлял нас своими знаниями.

Редакция «Пионера» помещалась в то время там, где теперь находится гостиница «Москва». Мы занимали две комнаты на первом этаже, там было раньше какое-то торговое помещение. Входная дверь открывалась прямо на тротуар, и поэтому к нам часто, когда по ошибке, а когда и из любопытства, заходили посторонние люди.

Как-то раз, жарким летним днем, когда асфальт размяк на тротуарах, Борис Степанович сидел в задней комнате, за редакторским столом и правил чью-то рукопись. На столе тикали часы и шипел электрочайник — все это Борис Степанович в первый же день принес в редакцию. В передней комнате мы горячо обсуждали новую рукопись, прислушиваясь к редким репликам Житкова, который вставлял свои замечания в нашу беседу веско, будто гвозди загонял в липовый чурбан. Вдруг в открытую дверь вошел очень хорошо одетый толстяк в тирольской шляпе с перышком. Растерянно окинув нас взглядом, он спросил по-немецки, ни к кому не обращаясь:

— Скажите, пожалуйста, здесь кто-нибудь говорит по-немецки?

Мы молча переглянулись, не решаясь выдать свои жалкие познания в немецком за умение говорить на этом языке. Молчание грозило затянуться. Вдруг Житков, не отрываясь от рукописи, резко сказал по-немецки:

— Вы же слышите, по-немецки здесь никто не говорит.

— Может быть, по-французски? — уже по-французски с надеждой спросил иностранец.

— К сожалению, и по-французски здесь никто не говорит, — сказал Житков на французском, потом по-английски и, наконец, по-немецки объяснил толстяку, как найти гостиницу. Тот радостно заулыбался и, смеясь, спросил:

— Зачем же вы меня обманули?

— Я вас не обманывал, — сухо сказал Житков. — Вот когда мы бываем в Берлине, мы говорим по-немецки, в Лондоне — по-английски, в Париже — по-французски. А сейчас мы в Москве. Здесь

говорят по-русски, и я настоятельно рекомендую вам выучить русский язык.

— Выучу обязательно,— сказал немец, поблагодарил и пошел в сторону «Националя».

Мы дружно рассмеялись.

— А по-моему, не смешно это, а очень грустно. Ему-то лучше, чем вам. Ему только русский учить, а вам-то вон сколько!

Мы с Житковым сдружились. Я часто бывал у него, читал ему все, что я тогда писал, он охотно слушал и давал советы. Случалось, что и он заходил ко мне. Разница в возрасте нам не мешала, может быть, потому, что родилась наша дружба в совместной работе. Мы в то время делали номер журнала, целиком посвященный Обществу спасения на водах, и на нас, как на бывших моряков, легла большая нагрузка. Все шло хорошо, вдруг возникло одно забавное затруднение: художники наши никак не могли правильно изобразить якорь Холла, который стоит почти на всех судах в мире. Он много легче, удобнее и надежнее в работе, но совсем не похож на тот, так называемый «адмиралтейский» якорь, который отслужил свою службу во флоте лет двести назад. Но службу свою он нес так хорошо, что навсегда остался символом «якоря спасения», последней надеждой моряков.

Вот непохожесть современного якоря на якорь-символ и мешала художникам. Борис Степанович объяснял, какой он из себя, якорь Холла, как он работает, рисовал его, художники кивали: поняли, мол,— а когда приносили рисунки, там вместо современного якоря было изображено что-то среднее между якорем Холла и символическим, адмиралтейским. Житков сердился.

И вот однажды мы пешком шли ко мне. По дороге Борис Степанович завлек меня в комиссионный магазин и из разрозненного столового набора купил серебряную ложку... Дня через три он принес в редакцию маленький, своими руками сделанный якорек с куском якорной цепи, в миниатюре повторяющей настоящую якорную цепь. Эту игрушку он прикрепил к своим карманным часам и, говоря с художниками, доставал якорек и подчеркивал:

— А якорь выглядит так. Рассмотрите повнимательнее.

Пока Борис Степанович работал в «Пионере», в наших двух комнатах постоянно бывало много народу. Приходили просто так, поговорить, поспорить, а главное, послушать Житкова. Обычно он читал или правил рукописи, иногда писал, но всегда вовремя вступал в наши споры, чтобы поставить точку там, где мы слишком увлекались. Делал он это мастерски, помогая нам разобраться в самых сложных вопросах.

Писатели тянулись к Житкову. К нам в редакцию часто заходил А. Гайдар, бывали у нас К. Паустовский, С. Григорьев, Л. Кассиль, Р. Фраерман, А. Кожевников, В. Шкловский, С. Михалков, Н. Асеев и другие писатели.

Как-то размечтались. Кто о пьесе, кто о романе, кто о поэме. Житков улыбнулся и сказал:

— А у меня мечта совсем маленькая: написать на страничку рассказ, но так написать, чтобы прочитав потом и самому заплакать.

А. НЕКРАСОВ

САМИ О СЕБЕ

Под музыку кузнечиков бабочки плясали...

Однажды мы договорились с моей подругой Аленой идти пастушить. Я знала, что нужно вставать в шесть утра. Всю ночь не могла заснуть, ворочалась с боку на бок, боясь проспать. Но вот, наконец, утро! Быстро одевшись, я выбегаю на улицу, на ходу срываю толстую вилу. Алена уже ждет меня. Мы гоним коров. Сонные коровы бредут медленно, побрякивая слегка колокольчиками. Поднявшись на гору, я замерла от удивления, так было красиво кругом. Вот справа течет ручеек — вода в нем прозрачная-прозрачная. Ручей впадает в небольшой пруд. Спокойные, строгие камыши охраняют его. Плакучие ивы опустили зеленые волосы в воду, стараясь увидеть свое отражение. Вдруг из-за камышей выпорхнула стая уток.

Оглянувшись, увидела лес. Тихие старые ели и молоденькие, «еще зеленые» сосны. Кое-где проглядывают белые платя и зеленые кокошники стройных берез. Поля лежат, будто детские кубики, рассыпанные нечаянно чьей-то рукой. Вот поле молодого гороха — оно светло-зеленое, а вот — зрелой ржи. На это поле будто кто-то бросил тысячи янтариков.

Мы спускаемся вниз. Коровы сразу же начинают жевать свежую, сочную траву, а мы с Аленой проходим немного дальше, на зеленый луг, усыпанный разными цветами. Я прислушиваюсь.

Передо мной открывается удивительный мир звуков. Вот пролетел шмель, гудя басом, а вот молодая пчелка. Как будто маленькие музыканты стрекочут кузнечики, а красавицы бабочки, расправив свои наряды, закружились под их музыку в причудливом танце. Но вдруг налетел ветер, и травы, цветы, деревья обеспокоенно заговорили, зашумели, зашептали.

Это путешествие в мир природы запомнится мне надолго.

**Аня ХОДЫРЕВА,
г. Киров.**

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое остров?

Ученица. Это часть земли, на которой растет пальма.

Алла и Жанна Пластины,
г. Ярославль.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Составь предложение с наречиями.

Ученик. Я пошел направо и налево.

Валера Савельев,
г. Георгиу-Деж.

* * *

Учительница. Подбери однокоренное слово к слову «бабушка».

Ученица. Дедушка.
Галя Ковалева,
г. Тбилиси.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Назови водные растения...

Ученик. Цапля.
Ольга Капранова,
пос. Калинино,
Армянская ССР.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Ученица. ...Древнерусские города окружались рвами...

Учительница. А чем заполнялись эти рвы?

Ученица. Монголо-татарами.
Аня Васильева,
г. Североуральск.

Из школьных сочинений

«Когда мой друг тонул, я бросился его спасать, потому что на нем были мои плавки».

«Из-за куста выглянули заячьи уши».

«Шар летел в небе плавно, немного кривляясь».

«В комедии «Горе от ума» Молчалин играл роль наглого человека».

«Охотник широко закрыл глаза и выстрелил».

«Дон Кихот совершает подвиги, которые кажутся нам плохими».

«Мальчик нахмурился и сразу сделал большие кулаки».

«Сад огорожен сеткой, а за сеткой лежат дрова и стоит вкусная яблоня».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Игры Луны и Пинцета

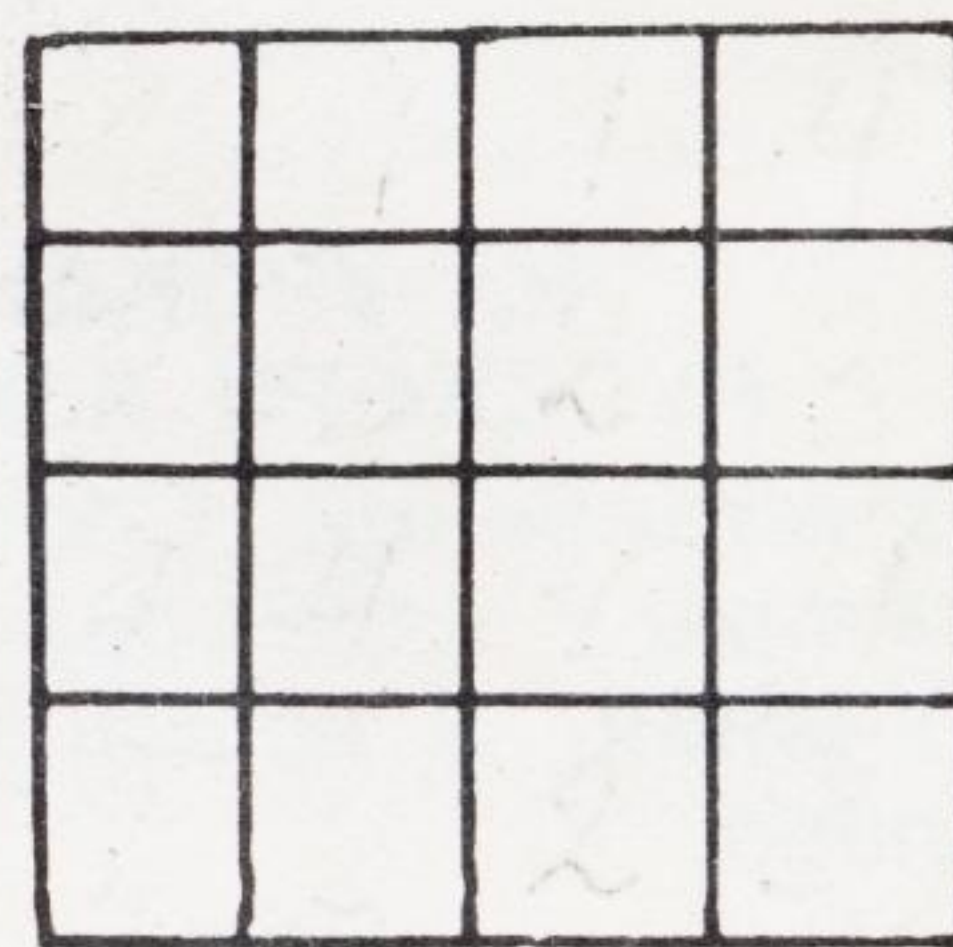

Олень, Бизон, Сова, Енот

— Сова, бизон, олень, енот!
— А может быть, наоборот:
Енот, олень, бизон, сова?
— Нет, ты, конечно, права:
Бизон, сова, енот, олень!
Сидим и спорим третий день,
Как лучше марки разместить.
Ты нам покажешь, может быть?

Пинцет.

Примечание: у нас по четыре экземпляра каждой марки, и мы хотим, чтобы ни в одном горизонтальном, ни в одном вертикальном ряду, а также ни на одной из диагоналей квадрата не было двух одинаковых марок. Как это сделать? Для удобства расчета обозначьте марки цифрами: 1, 2, 3, 4.

классерный лист

Злые чары

Шесть гномов плясали в лесу на полянке,
Но вдруг появился волшебник Чирчил,
Взмахнул хворостинкой — раз-два! — и в поганки
Веселых танцоров злодей превратил.

Ночь темна. Луна не светит.
Лес во власти синевы.
На какой, прошу ответить,
Огонек придете вы?
Только, чур, не торопиться,
Чтоб нигде с пути не сбиться!

Примечание: на всем пути друг за другом должны читаться слова «тропа — тропа — тропа» и т. д. Если порядок букв где-нибудь изменен, значит, надо идти по другой тропе. У огонька тропа может заканчиваться на одной-двух буквах: «т.» или «тр.».

КТО ВИНОВАТ?

Капитан Перо ищет помощника

Финди, Ферти, Пит и Пач
На дворе гоняли мяч.
Чудный день, но, как назло,—
Бац! И мяч попал в стекло!

Вышел гневный дядя Бил:
— Отвечайте, кто разбил?

Финди пискнул: — Это Ферти!
Ферти: — Это Пач! Да! Да!
Пит сказал: — Не я, поверьте!
Пач: — А Ферти врет всегда!
Кто ж разбил на самом деле?
На решение — пять минут:
Сопоставьте «заявления»
И учтите — ТРОЕ лгут.

* * *

Для начала предположим:
Ферти правду говорит.
Но тогда выходит тоже,
Что — пойми! — не лжет и Пит.
Предположим: честен Финди...
Так иди за ходом ход.
Не робей! Подумай! Выйдет!
Тот, кто ищет, тот найдет!

Сумеет разрушить коварные чары
Лишь тот, кто настойчив и очень смышлен.
Здесь надо, друзья, присмотреться сначала,
В какую поганку кто был превращен.

Живживка.

ОТВЕТЫ К ЗАДАЧАМ ИЗ № 8

Капитан Перо ищет помощника

Летающая ванна. 6 тарелочек с деталями.

Игры Деда Буквоеда

Через час по чайной ложке.
На 11 часов.

Чехарда. В чехарду играют корова, еж, лягушка.

В сентябре этого года исполняется 40 лет со дня создания легендарной подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Под руководством коммунистов юные патриоты Краснодона с первых дней оккупации города поднялись на священную борьбу с врагом, наносили им ощутимый урон, вселяли в сердца людей веру в победу нашего народа.

Леонид Ильич Брежнев, отмечая заслуги комсомола в годы войны, говорил: «В защите социалистического Отечества величайшие образцы мужества и героизма показали наши юноши и девушки, комсомольцы и комсомолки. Ленинский комсомол в те дни дал Родине миллионы и миллионы беззаветных бойцов. Они смело шли на смерть ради защиты Отчизны. Светлые, героические имена, такие, как Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, молодогвардейцы Краснодона, Саша Чекалин, Маншук Маметова, Марите Мельникайте и многие другие, будут вечно служить примером беззаветной преданности Советской Родине».

Подвиг краснодонцев бессмертен. Память о них вечна.

Трудно быть героем

Недавно я прочитал книгу А. Фадеева «Молодая гвардия». Она меня просто поразила.

Раньше, когда взрослые ставили нам в пример молодогвардейцев, я не придавал этому значения. Просто они успели вовремя родиться, ведь во время войны все были героями. Но «Молодая гвардия» переубедила меня. Оказывается, быть героем не каждый может. Ведь были во время войны трусы и даже предатели. И были люди, которые ничего не делали, а просто ждали, когда кончится война.

А Олег Кошевой, Уля Громова, Сережа Тюленин не ждали, не сидели сложа руки. Они боролись, хотя знали, что их борьба может кончиться смертью. Но это не могло их остановить, потому что они не просто поняли, а почувствовали, что жизнь Родины дороже своей жизни.

Я очень надеюсь, что и у меня в жизни будет такое серьезное дело, как у Олега Кошевого и его товарищей. И тогда я постараюсь быть не хуже.

**Роман АСТАФЬЕВ,
г. Целиноград.**

СОДЕРЖАНИЕ

Новая школа.— Стихотворение Н. Шамсутдинова. Рисунок П. Пророкова	Побл.
В комсомольском строю	
Взрослый шаг.— В. Близненкова. Фотографии В. Крупского	1
Союз нерушимый	
Наш герб.— Стихотворение С. Маршака. Рисунок П. Пророкова	3
Неразделимы серп и молот.— И. Окунев	4
Журавленок и молнии.— Роман В. Крапивина. Часть вторая	5
Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны»	15
Когда я носил красный галстук	
Про нотную грамоту, радиоприемник и детский сад.— Записала Г. Смирнова	17
Маршрутами одиннадцатой пятилетки	
Над КАТЭКом—чистое небо.— М. Аджиев. Рисунки А. Гришина	18
Первое задание. Воробы. Поведенье. Непосильная работа. Тополь. Что думает береза про меня.— Стихи Л. Фадеевой	22
Ученье—твой главный труд	
Человек с Последней парты.— И. Христова	24
Школа умелых хозяев	
Арифметика в подъезде.— М. Матвеева. Рисунок Е. Шабельника	26
Артист.— Рассказ Т. Поляковой. Рисунки М. Петрова	27
Всегда с пионерами.— С. Фурин. Фотография Л. Лазарева	29
«Кораблик»	30
Вятское кружево.— Повесть С. Романовского. Продолжение	32
Кругосветное путешествие «Пионера»	44
Золотой жеребенок.— Рассказ Ф. Камалова	48
Моя гимнастика.— Т. Колчанова. Рисунок А. Дугина	51
На научной волне	54
Раскрытое окно. Лесная тишина. Гость.— Стихи Л. Яхнина. Рисунок В. Родина	
Борис Житков.— Очерк А. Некрасова. Рисунок А. Борисова	59
Сами о себе.— Рисунки И. Наумовой	60
«Переменка»	61, III обл.
Ума палата	62
Золотая полка	64
Хохломская роспись.— Песня. Музыка Ю. Чичкова. Стихи П. Синявского. Фотографии А. Шпикалова	IV обл.
На обложке:	
Первый звонок.— Рисунок Л. Хачатряна.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ (ответственный секретарь), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1982.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.07.82.
Подписано к печати 15.07.82. А 05138. Формат 84×60^{1/8}.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1650000 экз. Изд. № 1829. Заказ № 2798.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

Обычно «Переменка» печатает письма ребят, которые умеют **слышать** и подмечать смешное. Сегодня мы обращаемся ко всем, кто умеет **видеть** смешное! Свой новый раздел «Переменка» решила назвать «**ПОДСМОТРЕЛИНКИ**».

А этого потешного поваренка и его друзей с огородной грядки принес в «Переменку» художник-кукольник Олег Пантелеймонович Масаинов. И рассказал:

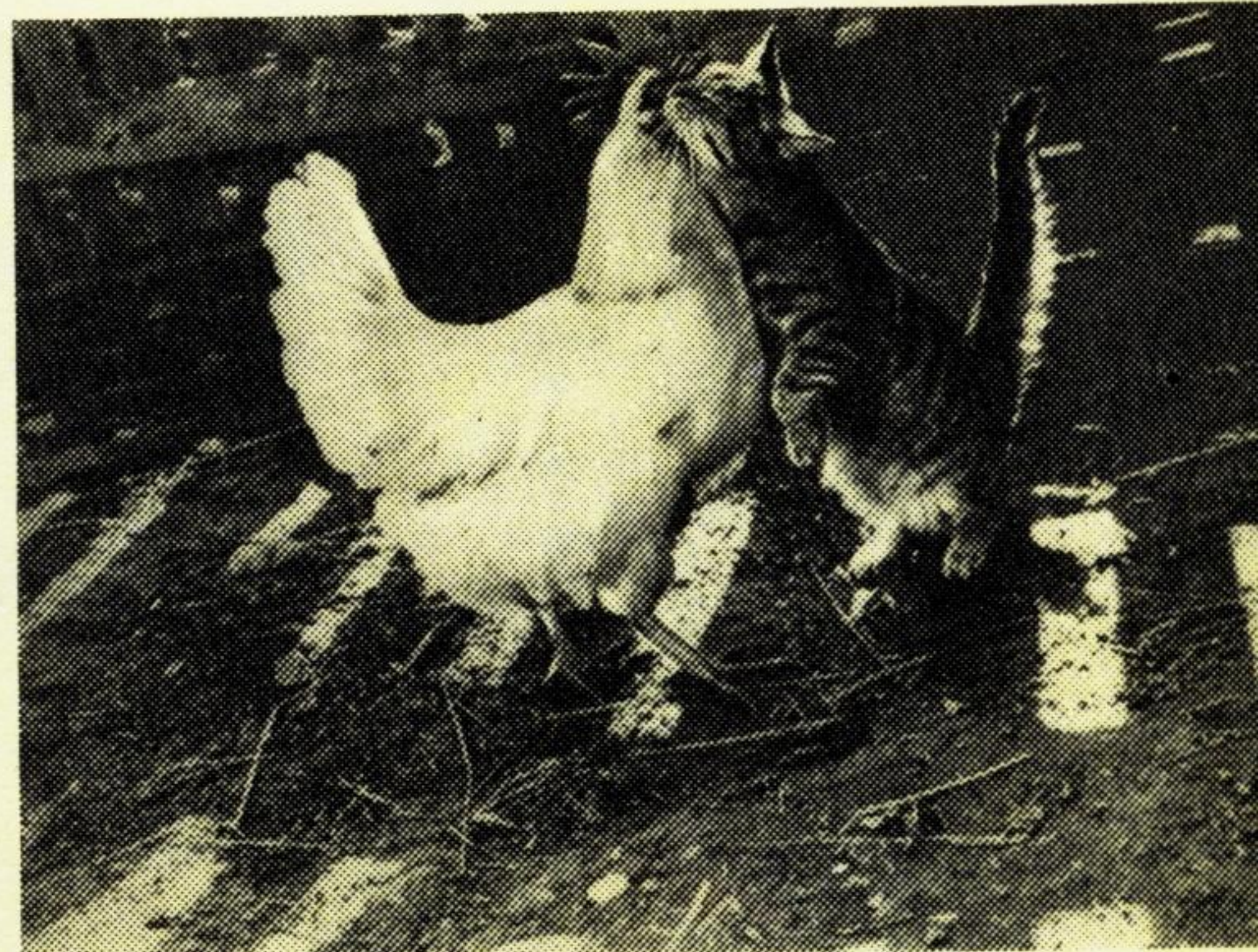
— Дети меня часто спрашивают: из чего можно сделать смешную, забавную куклу? Да из всего!

Вот я перечислю только кое-что: из металла, из дерева, из картошки, из сыра, из мочалки, из резиновой губки, из веника, из кусочка меха, из этой луковицы... Вы думаете, я шучу? Нисколько. Однажды я был на даче у моих друзей. Стояла глубокая осень. На огороде горела ботва от выкопанной картошки. Я взял одну брошенную картошку с на-

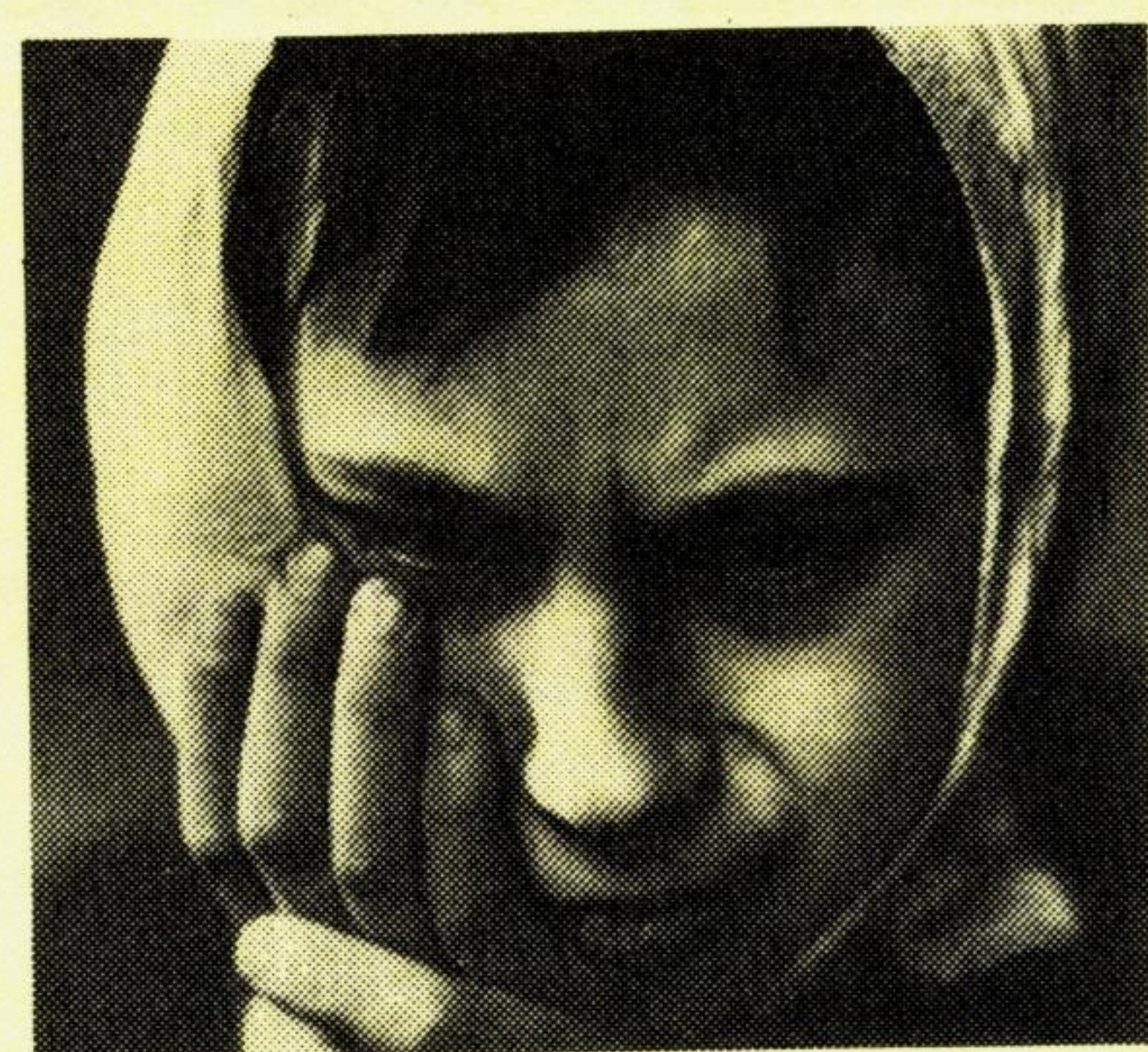
ростом, покрутил ее в руках и понял, что из нее можно сделать смешную мордочку. Я попросил окруживших меня ребятшек принести булавку и пуговицу. Приколол к картошке пуговицу, и ребята удивились: картофелина смотрела, а нарост изображал нос. Ребята нашли еще кусочек меха, и мы все увидели очень смешного человечка — гномика. Возьмите, к примеру, просто кусочек меха, пришейте пару пуговиц — и получится симпатичный домовой.

Итак, куклу можно сделать из всего. Необходимы только фантазия, юмор... и — умение подсмотреть смешное...

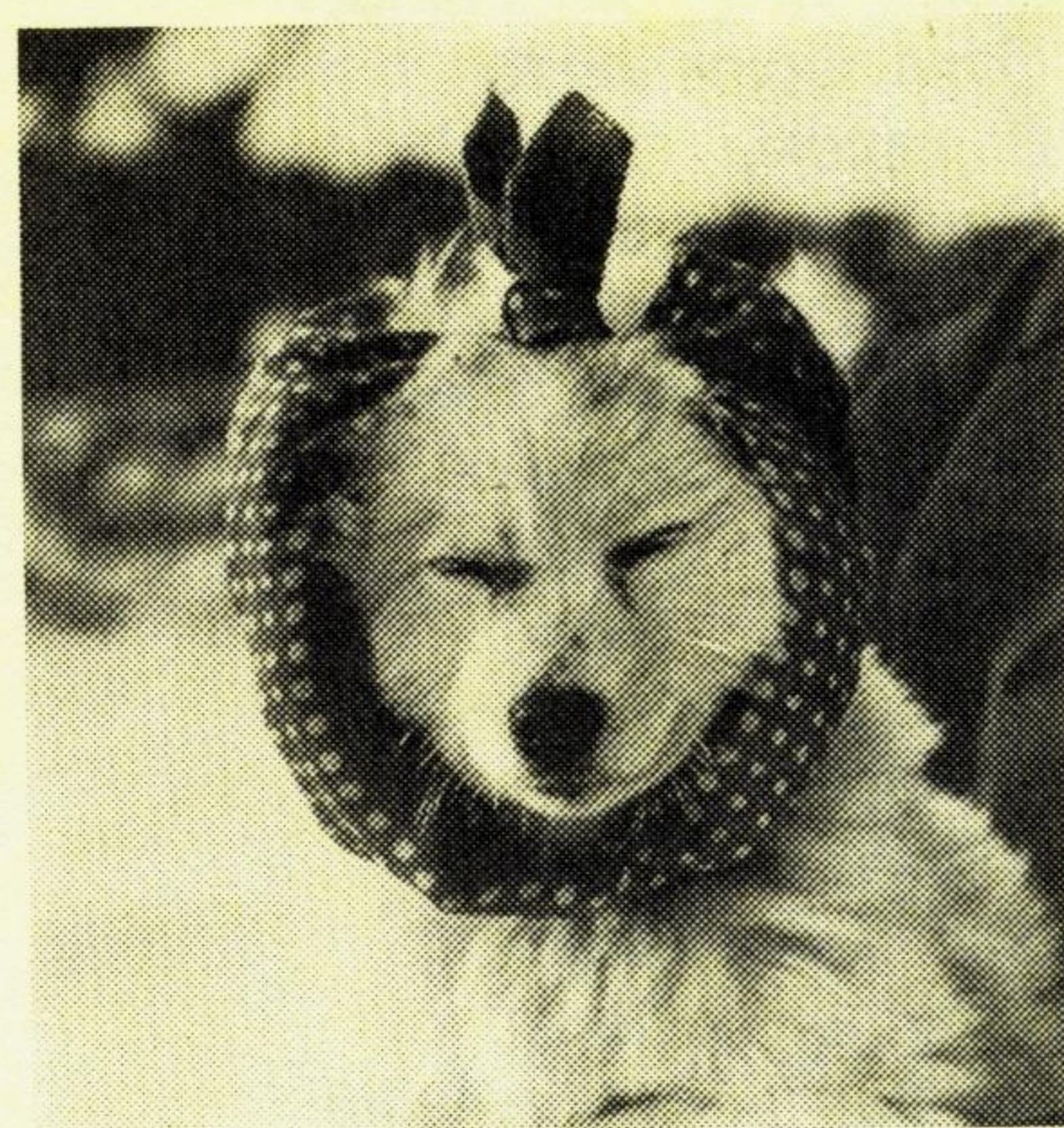
Рассказ художника записала Л БУРОВА.

Эту сценку на хозяйственном дворе «подсмотрел» и снял взрослый человек, и назвал он свою фотографию «Нежность».

Конечно, нельзя не посочувствовать мальчику, у которого болят уши, но разве не будет ему веселее, если он улыбнется?.. А в компании с таким славным щенком и болеть веселее, правда?

Ребята, присылайте нам фотографии, в которых вам посчастливится «поймать» смешной случай, веселье друзей. Давайте попробуем, ребята, а?

Фотографии И. ГНЕВАШЕВА.

Хохломская роспись

Из сюиты «Музыка русских узоров».

Музыка Юрия ЧИЧКОВА,
лауреата премии
Ленинского комсомола.

Стихи Петра СИНЯВСКОГО.

Хохломская роспись —
Алых ягод россыпь,
Отголоски лета
В зелени травы,
Рощи-перелески,
Шелковые всплески
Солнечно-медовой
Золотой листвы.

У красы точеной
Сарафан парчовый,
По волнам узоров
Яхонты горят.
Что за чародеи
Хохлому одели
В этот несказанный
Праздничный наряд...

Роспись хохломская,
Словно колдовская,
В сказочную песню
Просится сама.
И нигде на свете
Нет таких соцветий,
Всех чудес чудесней
Наша Хохлома.

16-81

Нетвороньки

Handwritten musical score for the song "Нетвороньки" (Netvoronki). The score is written on ten staves, each with a line of Russian lyrics underneath. The lyrics are: "хохломка-я рос-пись, а-лых я-год рос-сыпь. От-го-лос-ки ле-та в зе-ле-ни ли-ствы. Ро-щи пе-ре-лес-ки шел-ко-вы-е всплески Сол-неч-но-мед-о-вой Зо-ло-той ли-ствы. Ро-щи пе-ре-лес-ки, шел-ко-вы-е всплески Сол-неч-но-мед-о-вой Зо-ло-той ли-ствы. На-ша хох-ло-ма". The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like "mf".

